

По сложившейся доброй традиции выходит в свет вот уже шестой выпуск альманаха «Лира Боспора», подготовленный Керченским городским литературным объединением «Лира Боспора».

Впервые материалы альманаха разделены на рубрики и представляют практически все жанры современной литературы — прозу, поэзию, литературную публицистику, критику, пародии, литературный перевод. Остаётся традиционно высоким творческий уровень участников альманаха.

Надеемся, что альманах вызовет интерес, как у постоянных читателей, так и у тех, кто впервые познакомится с ним.

Как и всегда, рассчитываем на новые встречи с читателем.

**Литературно-художественное издание.
«Лира Боспора». Альманах. Выпуск VI.**

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 20.
Тираж _____ экз. Издательство «Школа», г. Симферополь.
Заказ № _____.

Книга издана при содействии редакции газеты
«Автономная республика Крым».

ЛИРА БОСПОРА

**альманах
выпуск VI**

«ШКОЛА»

Алексеева Л. П. © 2006 г.
Артёмин К. А. © 2006 г.
Бойченко-Керченский А. И. © 2006 г.
Бондаренко Е. В. © 2006 г.
Бурова С. А. © 2006 г.
Бухарбаева А.И. © 2006 г.
Валентинов П. © 2006 г.
Васильев-Пальм Б. А. © 2006 г.
Вдовенко А. Н. © 2006 г.
Викторова А. А. © 2006 г.
Володин В. С. © 2006 г.
Гавриловская И. © 2006 г.
Гартенштейн В. А. © 2006 г.
Голубева Н. А. © 2006 г.
Ларионов А. П. © 2006 г.
Дадой З. С. © 2006 г.
Дерий Ф.П. © 2006 г.
Десятова Л. С. © 2006 г.
Дмитрюкова Г.Н. © 2006 г.
Дубинская В. Г. © 2006 г.
Запорожец В. А. © 2006 г.
Захаров В. Ф. © 2006 г.
Кацуба А. Н. © 2006 г.
Коваль В. Г. © 2006 г.
Котельников П. П. © 2006 г.
Котлер Ю. И. © 2006 г.
Кучмина И. Л. © 2006 г.
Левченко Т. В. © 2006 г.
Лось В. М. © 2006 г.
Мариин Н.Т. © 2006 г.
Милянковский В. В. © 2006 г.
Молодцов С. В. © 2006 г.
Молодцова М. В. © 2006 г.
Нестеренко В. М. © 2006 г.
Олейник Л. С. © 2006 г.
Панин Л. Т. © 2006 г.
Рабочая-Маринич Е. Ю. © 2006 г.
Савченко М. © 2006 г.
Синеглазов А. В. © 2006 г.
Случанко-Поплавский Б. П. © 2006 г.
Смашная В. П. © 2006 г.
Ткаченко А. Д. © 2006 г.
Трушкова Н. С. © 2006 г.
Федотов А. © 2006 г.
Храмкова Л. В. © 2006 г.
Чудновская А. М. © 2006 г.
Чудновский М. Е. © 2006 г.
Шапран О. Д. © 2006 г.
Щербина Е. В. © 2006 г.

Оглавление

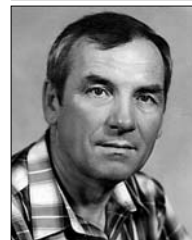
Владимир Володин	3
Борис Васильев-Пальм	14
Виктор Запорожец	22
Александр Бойченко-Керченский	-28
Владимир Лось	37
Елена Рабочая-Маринич	47
Ирина Кучмина	52
Александр Кацуба	58
Алексей Вдовенко	62
Татьяна Левченко	66
Галина Дмитриюкова	70
Михаил Евсеевич Чудновский.	75
Анна Чудновская.	77
Елена Бондаренко	81
Александр Ткаченко	87
Пётр Котельников.	96
Лилия Олейник	101
Юлия Котлер	104
Светлана Бурова	109
Ольга Шапран.	115
Валентина Смашная	120
Василий Нестеренко	126
Николай Мариин	128
Константин Артёмин.	136
Лариса Алексеева	142
Людмила Десятова.	145
Сергей Молодцов	150
Марина Молодцова	154
Зарема Дадой.	156
Фаина Дерий.	159
Вера Коваль	165
Елена Щербина.	170
Андрей Синеглазов	176
Наталья Голубева.	180
Вера Дубинская	183
Айгуль Бухарбаева	185
Алевтина Викторова.	187
Павел Валентинов	188
Виталий Захаров	195
Ирина Гавриловская.	196
Марина Савченко	197
Аркадий Федотов	198
Анатолий Ларионов	199
Борис Случанко-Поплавский.	201
Владислав Милянковский	204
Наталья Трушкова	209
Виктория Гартенштейн.	215
Людмила Храмкова	219
Леонид Панин	226

Морды всем понабиваю
Ну, а Панина — убью!
Я с таким, как он, поэтом
Век ужиться не смогу
И наверно в доме этом
Всё, что можно, подожгу!
Всё расстрою и нарушу,
Разорву и проколю,
И угроблю, и разрушу,
И на щепки порублю.
Неплохой мужик он, вроде, —
Музыкант и театрал,
Но строфой своих пародий
Он меня уже достал!
Любит он собак и кошек...
Но никак я не пойму,
Чем мои «трусы в горошек»
Так понравились ему?

ПОЭЗИЯ

Владимир Володин

ОДНАЖДЫ В ПОЛЕ

Тучки — белые барашки,
Стадом к югу побрели.
Веет запахом ромашки,
Перекопанной земли...
Как не совестно кукушке
Куковать сто раз подряд? —
У разбитой нашей пушки
Вечный сон сморил ребят.
Лихо вырулил на пашню
Трактор, траками звеня.
А на нём — с крестами башня,
Да жестокая броня...
Не водить мне девок боле
В рощу, слушать соловья.
Двое нас осталось в поле:
Вон он — танк и вот он — я.
С головы сорвав повязку,
Под ракиновым кустом
Я вяжу гранаты в связку
Окровавленным бинтом.
Не завидую вражине
(Да и кто ж тому виной?):
Он погибнет на чужбине.
Я — в сторонushке родной.
А пока он прёт, надеясь
Всю Россию покорить,
Я под солнышком согреюсь
И успею докурить.

КРУГИ ИСТОРИИ

От огня гражданской войны —
Пепелище из края в край.
И клялись вожди-крикуны,
Что из пепла воздвигнут рай.
Не случился единый рай.
Но оплоты его крепки:
Магадан, Усть-Кут, Кустанай,
Беломор-канал, Соловки...

Похлебавши потерь и бед,
 Так сыночку твердил мой дед:
 «Что пылает — догорит. Что болеет — отболит.
 Что застыло — то оттает, отогреется.
 Что роняли — соберём. Что утрачено — вернём.
 Надо только ждать и верить, и надеяться».

От Отечественной войны
 Победителям — слава, честь...
 Под руинами — треть страны,
 И погибшей родни не счесть.
 Наш народ состоял из тьмы
 Искалеченных душ и тел.
 И нуждались, и мёрзли мы...
 Долго пепел сражений тлел.
 Тяжелы были те года,
 Но отец мне твердил тогда:
 «Что пылает — догорит. Что болеет — отболит.
 Что застыло — то оттает, отогреется.
 Что роняли — соберём. Что утрачено — вернём.
 Надо только ждать и верить, и надеяться».

Много кануло в Лету лет.
 Что-то с нами случилось вдруг.
 Ни сражений нет, ни побед,
 Но, похоже, замкнулся круг.
 Вновь смолкает работы шум.
 Снова — стылые города.
 И не хочет поверить ум,
 Что опять у ворот нужна...
 А в верхах лишь базар-вокзал...
 Но я сыну вчера сказал:
 «Что пылает — догорит. Что болеет — отболит.
 Что застыло — то оттает, отогреется.
 Что роняли — соберём. Что утрачено — вернём.
 Надо только ждать и верить, и надеяться».

МОЙ ГОРОД

Я становлюсь наивен и доверчив,
 Когда, полынным ветром опьянён,
 Блуждать пускаюсь улицами Керчи
 И взглядом проникаю вглубь времён.
 Пусть, молодясь, обличие меняет,
 Но, утопая в зелени садов,
 Старушка-Керчь моя объединяет
 Почти десяток древних городов.
 Античные колонны, словно свечи,
 Кургана зев и плечи крепостей...
 В них дремлет эхо множества наречий,
 Высоких чувств и низменных страстей.
 Прошёл мой город через муки ада
 (Уж так ему судьбою суждено):
 То — лязг мечей, то — грохот канонады
 И корабли, идущие на дно.

*«Я без приглашения пришла...
 Не по правилам, так некрасиво очень.
 Просто захотела и зашла,
 Вспомнив затянувшуюся осень...»
 «...Ты, наверно, впрямь не ожидал
 Моего нежданного визита,
 В суматохе будней пропадал
 И не знал про мой визит транзитный...»
 (Галина Дмитриюкова)*

ВИЗИТНЫЙ ТРАНЗИТ

Ты пришла ко мне без приглашенья,
 Отложив все важные дела,
 Не спросив на это разрешенья,
 Просто, захотела и зашла.
 Ты вчера мне только говорила,
 Чтоб сегодня я тебя не ждал.
 И когда ты в дверь мне позвонила,
 Я тебя в глазочек увидал.
 Я и впрямь, весь очень растерялся,
 Думал: открывать, не открывать?
 И в замке отчаянно копался,
 Не решаясь в дом тебя впускать.
 Ты, наверно, вспомнила про осень,
 Про туманы, долгие дожди...
 Я прошу тебя, прошу сегодня очень:
 Ну, хотя бы день не приходи!
 Некрасивым будничным визитом
 Ты меня сегодня не неволь.
 Дуй-ка потихонечку транзитом
 И глаза мне больше не мозоль.
 Очень жаль, но ты зашла впустую,
 Очень жаль, что дверь тебе открыл,
 Очень жаль, но вечером другую
 Я сегодня в гости пригласил.

*«Поснимаю решётки с окон,
 оборву все шторы и тюли!...»
 (Е. Бондаренко)*

С окон шторы поснимаю,
 И решётки оторву,
 Тюли все пообрываю
 И обои обдеру.
 Двери высажу ногами,
 Заведу себя в экстаз
 И вот этими руками
 Уничтожу унитаз.
 Холодильник разломаю,
 Всю посуду разобью,

Замёрзшее стекло,
А мы с тобой опять.
Будильник — барахло,
В квартире — минус пять...
Скорее бы сирень
Нам разогрела кровь,
Чтоб каждый божий день
Мы вновь и вновь, и вновь...

*«Я спросил,
а ты сказала «да».
Но я напился и забыл —
не твоя и не моя вина,
ведь это не я был,
и это не ты была...»
«И, мыслями возвращаясь
к этому печальному случаю,
думаю: уж, наверное, я влюбился,
потому и напился...
Слушай, девчонка
с рыжими льдинками:
я больше не напьюсь никогда,
ты только ещё раз скажи «да»!
(А. Ткаченко «Раскаяние»
(продавщице пива))*

Я свежим пивом торговала,
А ты напиться подкатил.
Тебе я «да» тогда сказала,
Когда ты пива попросил.
Потом ещё один бокальчик
Тебе я с верхом налила.
Что ты давно уже не мальчик,
Тогда я сразу поняла.
Решила я, что ты влюбился
В натуру рыжую мою.
Не говори, что ты напился.
Давай, ещё пивка налью!
— Когда и где? Куда и сколько? —
Меня спросил ты невзначай. —
Но честно мне и прямо только
Ты поскорее отвечай.
— Когда угодно, где захочешь, —
Такое дело не пустяк.
Куда и все, и сколько хочешь,
Но только бы не кое-как.
Ты вдруг исчез, как появился,
Разрушив все мои мечты —
Всё потому, что ты напился
И оттого сбежал в кусты.
Я пивом больше не торгую,
Я продаю теперь цветы.
И не меня, совсем другую
Тогда случайно встретил ты.

Бывая и руинами, и пеплом,
Чтоб не томиться вражеской уздой,
Керчь возродилась, выжила, окрепла
Теперь с героической Золотой Звездой.
Листая город мой — преданий книгу,
Я как в машине времени плыву.
И каждому свершившемуся мигу
Признателен за то, что в нём живу.
Окраинами Керчь уходит в степи.
А может быть, приходит из полей
Сюда, где стонут якорные цепи,
Смирняя нетерпенье кораблей.
По городам знакомым, незнакомым, —
Куда б меня дороги ни вели,
Приехал в Керчь и чувствуется — дома,
На самом крайнем краешке земли.
И снова я наивен и доверчив.
И снова вольным ветром опьянён.
Блуждать пускаюсь улицами Керчи
И книгу перелистывать, времён.

ЗАВИСТЬ

Червячок и два крыла —
Мотылёк.
Что на свете есть дела —
Невдомёк.
Он с цветка легко порхал
На цветок.
Рядом поле бык пахал.
Изнемог.
Бык лежит в траве густой
На боку,
Полон зависти пустой
К мотыльку.
«Ах, зачем судилось стать
Мне быком?
Как приятно бы летать
Мотыльком!»
В биологии пробел
У быка:
Незавиднейший удел
Мотылька.
Две недельки длится жизнь,
Хоть легка.
Попорхал и в гроб ложись.
И... пока.
А итогом бычьей нормы
Труда
Будет отдых, сытный корм
И вода.
Да еще отыщут тёлку
В хлеву.
Вот тебе и тет-а-тет.
Рандеву!

Жизнь хотя и непроста
У быков,
Но длиннее, чем у ста
Мотыльков.

Погнушался почему
Ты судьбой?
Не завидуй никому.
Будь собой!

БУКЕТ РАЗДОРА

Понагнало облаков с моря.
Посходились облака в тучи.
Положили б мы конец ссоре,
Нам тогда бы зажилося лучше.
Нам тогда бы зажилося легче.
Облегчение пришло б сразу.
Нам тогда бы и спалось крепче,
Не полезь я доставать вазу...

Подхватил бы я ее, все же,
Если б стулу — попрочней ножки.
Уцелел тогда б сервиз, может
И осталась бы цела кошка...
Не задень я головой люстру —
Не упала бы на стол. В шпроты.
Хорошо — ты удалась шустрой,
А не то б тебя зашиб слёту...

От упрёков мне уже дурно.
А пришёл — такой была доброй!
Зашвырнул бы тот букет в урну —
Не болели бы теперь рёбра...
Натянуло облаков с моря.
С моря часто облака тянет.
Ждали радости. Пришло горе.
А букет лежит в углу. Вянет.

ДЫРКИ

В детстве, в буфете заезжего цирка,
Бублик купили мне. С маком. И с дыркой.
Сели. Я глазом приник по наитию
К дырке. И сразу же сделал открытие!
Всё умещается в дырке от бублика:
Звери, артисты, арена и публика
С трюками, шутками, аплодисментами,
Даже с оркестром, с его инструментами...
Не было «тетрисов», кубиков Рубика.
Был я доволен и дыркой от бублика
Со стрекозой, над осокой висящей,
С ватною тучей, над рощей парящей,
С ящеркой прыткой, кукушкой звонкою
И с озорною, в веснушках девчонкою...
Время прошло... В полусумраке кубрика
Иллюминатор мне — дыркой от бублика.

*«Вот я иду. А он — опять за мной.
Он неотступен, и, должно быть, злится.
Какой кошмар ему ночами снится,
Что он так тяжело дышит за спиной?!»
(Е. Рабочая «Собираетел камней»)*

Ты шла одна. Я за тобой спешил,
Не успевал и от досады злился.
Похоже, я убить тебя решил,
Сегодня мне ночной кошмар приснился.
Я был, как тень, и тяжело дышал.
Ты от меня бежала всё быстрее,
А я пыхтел и камни собирал,
Но только те, что были покрупнее.
Набит карман и пазуха полна
И я от тяжести почти что умираю,
Но только мне не ясно ни хрена —
Зачем я эти камни собираю.

Огромный вес согнул меня в дугу,
Камнями я весь доверху навьючен.
Боюсь, всю жизнь остаться я могу
Хромым, больным, горбатым и вонючим.
Проходит хмель — и камни все долой,
И запускать в тебя я их не стану!
Пойду-ка я, наверное, домой,
Мне эти камни все теперь по барабану!
Я камни в кучу во дворе свалою,
Догнать тебя не стану и пытаться,
Я от тебя, пожалуй, отвалю.
А камни мне в хозяйстве пригодятся.

*«Две ночи, один день.
Будильник на столе,
в окне — сирень.
Азов седую хмурит бровь,
а мы с тобою вновь и вновь,
и вновь...»*

(А. Ткаченко «Приключение»)

Три ночи и два дня
Будильник не звенит!
То я тебя, то ты меня,
А он молчит, молчит...
Будильник каждый день
Тик-так, тик-так, тик-так!
И не цветёт давно сирень,
А мы и так, и так...
Азов нахмурил бровь —
Он хмурится всегда,
Когда мы вновь и вновь
Всю ночь туда-сюда...

ПАРОДИИ

Леонид Панин

ВРЕМЕНА ГОДА

Сентябрь... Октябрь...
 Ноябрь...
 Тридцатое.
 Последний день осени
 Кончается,
 Серый и пасмурный.
 Частым дождём со снегом
 Со мною прощается,
 Будто в насмешку.
 Тоскливо и грустно...
 Как хочется света,
 Как хочется снова туда,
 В минувшее лето!
 Где небо — ясное,
 Голубое,
 Без туч свинцовых.
 Где солнце красное
 И шум прибоя,
 И плещется лёгкая волна
 Морская.
 Где степь в ковылях седых
 Без конца и без края...
 Там — камни серые,
 Солнцем прогретые,
 Любовь моя первая
 И песнь недопетая...
 Зима на пороге —
 Ночи длинные, тёмные,
 Гололёд на дороге,
 Холод и стужа.
 Февраль ветром свищет,
 Снегом выюжит и кружит —
 Одинокого путника ищет...
 Здравствуй, март долгожданный!
 Звонкоструйный, желанный —
 Вестник близкого лета, —
 Дуновенье весны,
 Вдохновенье поэтов!

С белой чайкой, с волною широкою,
 Сине-прозрачною, тёмно-глубокою,
 С лунной дорожкой, штормами жестокими
 И с берегами родными, далёкими...
 Стала Державой родная республика.
 Каждому выдала дырку от бублика
 С ложью циничной — речами-былинами,
 Судеб людских и заводов руинами,
 С вольною волей воров и грабителей,
 С сытыми харями руководителей...
 В прессе, по радио каждая рубрика —
 Новая, свежая дырка от бублика.
 Клятвы наивные в них, заверения
 И обещаний пустых повторения,
 Грязи потоки и струи елея
 Льют, ни своих, ни чужих не жалея.
 Часто у многих в карманах — ни рублика...
 Вертят законами дырки от бублика
 Жадные, шустрые и обнаглевшие,
 Стаю собак на преступности съевшие,
 С трюками, драками, аплодисментами...
 (Разница с цирком — слегка и моментами.)
 К правде стремление с её идеалами
 Нам заменили они сериалами
 Глупыми, пошлыми, вялотекущими,
 Время крадущими, разум гнетущими,
 Голь на Канары, под пальмы, зовущими,
 Как оказалось, увы, всемогущими:
 Жалкая, пьющая, мало живущая,
 За подлецов голоса отдающая
 Сутки за сутками нищая публика
 Смотрит в экраны на дырки от бублика!

КОГО?!

О возрастанье личного дохода
 Ругаются и спорят депутаты.
 До драки. На глазах всего народа...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 Себе урвали пенсии смешные,
 Почти что в тридцать три моих зарплаты.
 У них желудки, видимо, иные...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 Пока Нацрада тешится «базаром»,
 Гнём спины от рассвета до заката:
 Кто за гроши, а кто — совсем задаром...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 Без спроса нас поссорили с Россией;
 Без спроса нас затягивают в НАТО;
 О языке нас тоже не спросили...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 Наш президент, наверное, считает,
 Что едоков в державе многовато.

И население неуклонно тает...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 И, презирая наших жизней ценность,
 Свои они оберегают свято,
 Попрятавшись за неприкосновенность...
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?
 Заводы, предприятия с доходом —
 Родне, друзьям — тем, кто и так богаты.
 Руины, свалки, пустыри — народу.
 Кого ж мы понавыбрали, ребята?

ВАРВАРЫ

Слетаются на веточку
 Воробышки, чирикают.
 В развалинах, под веточкой
 Лежит страна великая.
 А мы и на развалинах
 Живём вполне отличненько.
 Мы вскоре и развалины
 Растащим по кирпичикам.
 Нас — тьма. Не сосчитаете,
 Хотите, не хотите ли.
 Вы нас прекрасно знаете.
 Нам имя — расхитители.
 И голь, и «шишки» важные,
 В азарте рьяном, бесятся.
 И рвутся руки каждого
 К кусочку поувесистей.
 Мы ушлые и шалые.
 Помощников не надо нам.
 Пред нами — дети малые
 Сам Чингисхан с Бен Ладеном.
 Да! Мы на всё способные!
 Вне всякого сомнения,
 Мы — гвардия особая!
 Мы — вандализма гении!
 Мы держим ногу в стремени,
 По строгому обычаю,
 Пока в пространстве-времени
 Хоть что-то есть в наличии.

РОДИНА

(три страницы одной биографии)

1

Серые, тёплые брёвна родимой избы.
 Стаенок сонные веки прикрыли оконца;
 Стелется сладкий дымок, вдоль двора, из трубы;
 Из-за ольхи у ворот выбирается солнце.
 К запахам хвойного леса и близкой реки —
 Запах крапивы и сена, с оттенком навоза;
 В дальнем лесу рассыпают «ау!» грибники;
 Ржанье коней за околицей, у перевоза.

по шерсти тёк прозрачный блеск — одушевлённый,
 на лбу, как башня в лунном свете, — оживлённый, —
 светился рог — и рос... Росла его длина...
 И ноздри зверя жадно впитывали зной...
 А пасть его — с пушком сиреневатым, нежным,
 подсвечивалась белизной зубов его — нездешней,
 и взор — поверх вещей — непостижимый и безбрежный,
 замкнул весь цикл планеты нашей голубой —
 Он образы метал кругом — живые...

НА ЧЁРНОМ БАРХАТЕ НЕБЕС...

Парк погрузился в чёрный бархат ночи,
 в кустах запуталась ладья седой луны,
 лишь звёздных искр недремлющие очи
 на чёрном бархате небес видны...
 Фонтана шёпот у разрушенной ротонды,
 должно быть, грезит сказками... А въявь —
 как будто капли падают с деревьев сонных —
 спадают яблоки в прохладу влажных трав.
 Тишайший ветер вместе с росной пылью
 принёс с собой на грани сказочного сна,
 мне на своих лазурных, нежных крыльях
 дыханье зреющего, юного вина...

¹ Единорог — мифическое животное с телом быка или лошади, иногда козла, имеющее по характерному признаку — наличию одного длинного прямого рога на лбу. Самые ранние изображения Единорога встречаются в памятниках культуры 3 тысячелетия до н. э., в частности, на печатях древних городов долины Инда, представляя собой один из наиболее значимых священных образов. Единорог — как символ чистоты и девственности, мог быть приручен только чистой девой, поэтому символ Единорога связывается с девой Марией и Иисусом Христом. (прим. переводчика)

Вдали темнеют кони... В полузабытьи,
Поникнув нежно головами друг на друга,
Не знающие — ни шлеи, ни клади, ни испуга,
Спят безмятежно... Средь лугов своих...

В сон уплывают, не смыкая взора.

Покой небес их охраняет сны...

А рядом — только эхо тишины...

Нам не постичь небесного простора,
Они же — к тайне той приобщены,
Стоят, как боги — совершенны и вольны...

Леон Фелипе

ПРОЩЕНИЕ

Я постарел... Постарела обитель...
Всё в прошлом уже — и обиды, и мщенья,
Давно нет людей — тех, которых обидел,
Теперь и хочу — не попросишь прощенья...

Жизнь на исходе — в душе пепелище,
Что я могу? Что успел бы я сделать?

Разве пред первым попавшимся нищим
Встать на колени — нет больше удела...

Путь не прямой я прошёл, хоть и длинный,
Добрый я не был, а многие — стали...

Может, я слеплен из простенькой глины,
Которую плохо когда-то размяли?

Поблёкли глаза, как размокшая вата,
Раскаянья тщетны и нравоученья —
В живых никого — перед кем виноват я,
Ну, у кого же просить мне прощенья?

Надеюсь, что где-нибудь всё-таки бродит,
Хотя бы один, кто простит... Уповаю...

Память моя потихоньку уходит —

Теряю надежду. Слова забываю...

Обиженный мной — он достоин бессмертья...

Последнее слово — его не забыть бы, —

Которое вспомнится мне перед смертью, —

Будет единственным словом — «Простите».

с немецкого

Райнер Мария Рильке

ЕДИНОРОГ¹

Молитвы стихли, разлетевшись на куски...
Святой очнулся вдруг от созерцаний тленных —
ему навстречу шёл, как будто из легенды,
зверь белоснежный... И глазами лани пленной
взирал на мир — исполненный тоски...

Слоновой кости проступала белизна
в движениях — лёгких ног — непринуждённых,

За молоком, только что, в луговину ушла
Добрая, пегая, наша корова Маруся...
В этих картинках мне память привет принесла
Прямо из детства, из милой моей Белоруси.

2

Небо присвоили стаи ничьих голубей.

Редкие тучки прилипли к нему, как заплатки.

Город застенчивой юности, давней моей!

Горьким назвали тебя. Для меня был ты сладким.

Древние, красные стены кремля за спиной;

Бронзовый Чкалов глядит за широкую Волгу.

Здесь, на зелёном холме, с сормовчанкой одной,

Мы о сердечных делах говорили подолгу.

Волга, Ока... Пароходы натужно сопят,

Тихие плёсы, порою, гудками тревожа.

В этой земле мои деды и прадеды спят.

И оттого мне она и родней, и дороже.

3

Кончилась смена. У нас впереди выходной.

В бане оставили грязь и заботу дневную.

Шумным потоком идём к заводской проходной.

В центре столицы удобно иметь проходную.

Звали друзья на пикник в Голосиевский лес;

Ждали на склоне Днепра, в ресторане «Кукушка»...

Киев готовит мне бездну красот и чудес!

Уж не взыщите, простите, друзья и подружки!

Золотом жарким сияют его купола.

Древний, но юный он, самый, наверно, красивый.

И отражают нарядных витрин зеркала

Скверики, парки, сады и лесные массивы.

Помнит меня он ещё женихом-удальцом,

В доброе верить с желанием, неистребимым.

Помнит и мужем. Тем более, помнит отцом.

Я его помню родным и, конечно, любимым.

4

Мать Украина! Родная! Ну, как я смирюсь?

Как я душой ваши распри и дразги осилю?

Нежная, добрая бабушка мне — Беларусь!

И, до могилы, Отчизною будет Россия!

ЧИСТО КРУТОЙ, ТИПА, РОМАНС, В НАТУРЕ

Базара нет, я лохонулся.

Глухой облом. Любви — кранты.

Вчера мне кореш колонулся:

К нему на стрелку ходишь ты.

Тебе, прикольной, клёвой тёлке,

Таскал, как лох, собак дразня,

Я гладиолусов метёлки.

А ты, блин, кинула меня...

Но, вдруг понты — кента наколка,

На отморозе гнал пургу?

А я теперь любви осколки
Собрать и склеить не смогу.
Да лучше б я свой «мерс» угрохал!
Или на бабки бы попал!
Не по понятиям. Всё плохо.
Опущен занавес. Финал.

ЗАГАДКА

Загадку мне держава загадала.
Я в тонкость сути смысла не проник:
Ограбила меня, обворовала,
И я же у неё кругом должник...

ОТКРОВЕНИЕ

Восторг души! Сознания прелесть
Открылась для меня, друзья:
Гомер, Эйнштейн и Пушкин грелись
Под тем же Солнцем, что и я!
Простейший мысленный анализ:
Невесть когда, в тиши ночной,
Шекспир и Моцарт любовались
Вот этой самую Луной.
Постичь ли замыслы Господни?
Кто в землю лёг в глуби времён,
В ней пребывает и сегодня,
Как те, кто мною погребён.
И не тревожусь я отныне,
Что сердца стихнет метроном.
В одну планету лягу с ними,
В тягучем времени одном.

ЛЮБОВЬ

Я б серенады пел тебе ночами
О том, как без тебя мне жизни нет.
Уставил бы я комнату свечами,
И в ней молился бы на твой портрет.
Цветов охапки клал бы каждый вечер
Я к алтарю порога твоего.
Любого б за тебя я изувечил.
Быть может, даже и не одного.
В лепёшку бы готов я был разбиться,
Моральных и физических утрат
Не убоялся б, чтоб тебя добиться.
Увы! Я на тебе уже женат.
Поэтому вразвалку, на диване,
Я в телевизор пялюсь, как баран.
А вот и чай закончился в стакане...
«Эй!! Слышишь?! Принеси ещё стакан!»

ВЫБОРЫ

Стены зданий раскрасил, увы, не закат:
Остановки, заборы, перроны

Я одного прошу — кусочек неба,
Глоточек синевы — я ухожу, любя...
Оставь другим весь рай твоих сует —
Успех и власть, химеры и награды —
Я ухожу один — мне ничего не надо,
Оставь в душе моей любви поющий свет...

Ты с улыбкою ждёшь, той последней минуты,
Что последним ответом опуститься должна.
И в ожидании — вся жизнь твоя отражена...
В душе — молчание, небесный свет и тишина...
И ты уже не здесь... Уже не здесь как будто...

Антонио Мачадо

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Притихшее море на солнце искрится —
Умолкли раскаты лазурного смеха.
И ласковый бриз долгожданной утхой,
Шёпотом тихим на берег ложится...
И грезится — спит зачарованный ветер.
Измученный долгим, тоскливым бессоньем,
Пронизанный морем солёным и солнцем,
Уснул он, мятежный, в ладонях рассвета...
Вдоль моря летит одинокая чайка —
Парит... Удаляется — плавно, лениво,
И вновь возвращается неторопливо —
Теряется в дымке, сливаясь с лучами...

СЕЯТЕЛЬ ЗВЁЗД

Может быть,
когда-нибудь,
Он — Сеятель Звёзд
выйдет однажды
из Обители своих звёздных снов,
вспомнит ту Мелодию Сфер,
прозвучавшую
в Первый День Творения
и возьмёт аккорд на Арфе Вечности...
И, может быть, тогда
к нашим губам
вернётся правда
немногих истинных слов...

Хорхе Гильен

МУСТАНГИ

В своей невинной, первозданной красоте,
Развевая вдоль зари запущенные гривы,
В которых заблудился ветерок игривый,
В такой же шаловливой простоте —

Рафаэль Альберти
БЕЗВЕСТНЫЙ АНГЕЛ

Из книги « Об ангелах »

Тоска о небесном...
 Я — родом Оттуда!
 Взгляните.
 Крылья невидимы?
 Лики немного не схожи?
 Но я же — в одежде людей...
 Я — безвестный прохожий.
 Конечно, со мной вы давно...
 Да, пожалуй, давно не знакомы...
 Каким я был прежде?
 Ну, разве же кто-нибудь вспомнит?
 Туфли из кожи —
 Вместо сандалий небесных,
 Брюки и куртка —
 Вместо туники белой.
 Ну, кто же я всё-таки, люди?
 Взгляните...
 И всё же я — Ангел!
 Я — родом Оттуда!
 Поверьте!

Луис Сернуда
ОПУСКАЕТСЯ ВЕЧЕР

Густеют за окнами синие тени...
 Смеркается... Шёпот вечернего ливня...
 Дождя уходящего росчерки линий —
 Фонарь отражает их хитросплетенья...
 А у окна — несказанно счастливый —
 Мальчик — уютом домашним обласкан,
 И в тишине — только шёпотом — сказки,
 Колышется тюль через сумрак пугливый...
 Он позабылся в мечтаниях смелых —
 Заброшены книжки, забыты уроки...
 И время застыло — невидимы сроки —
 Ушло от контроля безжалостных стрелок...
 В глазах — безмятежная, нежная радость —
 Не знает он целей своих и стремлений,
 Не ведает он, что за окнами — время,
 Что жизнь затаилась жестоко — в засаде...
 Ночь опускается — сумрак темнеет.
 Фонарь загляделся в застывшие лужи.
 Над мальчиком сны безмятежные кружат —
 В нём зреет жемчужина — пусть она зреет...

ПЕРЕД УХОДОМ

Мир зла, мне ничего не надо от тебя —
 Ни зрелищ не хочу твоих, ни хлеба,

Превратились в один бесконечный плакат —
 Всяк Мюнхгаузен лезет в бароны.

УРОК

Пусть видят наши дети, наши внуки
 И, кстати, наблюдатели извне:
 За власть дерутся лебеди и щуки,
 А Раком стать приходится — стране.

* * *

Я в детстве сказку прочитал
 С мечтательной улыбкой:
 Вот, если б я её поймал —
 Ту Золотую Рыбку...
 С тех пор промчалась бездна лет.
 И вот она — везуха!
 Пока что Рыбки, правда, нет,
 Но есть уже старуха.
 И, как положено, клянёт
 Она свою «стиралку».
 И, чувствую, вот-вот пошлёт
 На море, на рыбалку.
 Но приступ алчности, порой,
 Рождает монстров, пугал.
 И я заброшу невод свой...
 В сарай, в далёкий угол.

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Скрыл туман степные дали,
 Сникли травы-ковыли.
 Радостей — как не видали.
 Как вода, в песок ушли.
 Быта серого заботы,
 Дел зыбучие пески
 Засосали, как болото
 И зажали, как тиски.
 Душит, давит, напирая
 Бытовой могучий пресс...
 Лихо, скорость набирая,
 Мчится жизненный экспресс.
 Остановки две, всего-то,
 На маршруте кольцевом:
 «Дом» — «Работа» — «Дом» — «Работа»...
 остальное — за окном.
 За окошком смех и гомон,
 Лиц и красок круговерть.
 Еду мимо. Еду к дому,
 Как в растянутую смерть.
 И жую, как жвачку, фразу
 Весь унылый этот путь:
 «Может, лучше было б сразу?
 Для чего её тянуть?»

Дети сытые. В обновах.
Повзрослели. Бунтари.
За обидным, дерзким словом
Не полезут в словари.
Хлещут душеньку словами,
Как ногайскими плетьюми.
Чем я, детки, перед вами
Провинился, чёрт возьми?
А жена? Хозяйка — диво,
И собою хороша.
Но попробуй, угоди ей,
Хоть убейся — ни шиша!
Что ни скажешь — смех с презрением;
Что ни сделаешь — укор...
Хоть терпи до одуренья,
Хоть хватайся за топор.
Я молюсь, как на икону,
На подрёберный мотор:
Он поможет мне с балкона
Улететь в ночной простор.
От засилья и бессилья —
В степь, где травы-ковыли,
По-ле-те-е-ел!..
Но где же крылья?!
Их на мусорник снесли...

БЕРЕГ

В час, когда с собою в ссоре,
Я к прибою выхожу.
Пусть печали смочит море.
Ими я не дорожу!
Если жизнь ломает крепи,
И в башке — одна мура,
Я иду на берег степи.
Пусть трезвят меня ветра.
А когда поманит небыль
В мир фантазий и мечты,
Прихожу на берег неба —
Берег вольной высоты.
Золотясь, в тройном просторе,
Ждёт песчаная коса.
Слева — степи, справа — море,
Остальное — небеса.

К ЛЮБИМОЙ

Я приду к моей любимой
Через степи и тайгу,
Сквозь туман, тропой незримой,
Сквозь болота, сквозь пургу.
Через полюса и горы,
Волн безумные стада,
Через ураган, который
Напрочь сносит города,

И готово к покою смиренно,
Примирилось — спокойно, легко...
Два томительных месяца бренных
Золотили листок за листком...

НЕ СЛАЖУ С СЕРДЦЕМ

И поезд — всё тот же, дорога — всё та же,
И те же предместья, и те же пейзажи.
И то же предчувствие боли и жажды,
На сердце всё та же безмолвная тяжесть.
Здесь дней моих прялась счастливая пряжа,
Пряжа рассвета, как мёд — золотого...
Сегодня — пустого, такого пустого, —
Что с сердцем не слажу, не слажу, не слажу...
Предчувствие моря, предчувствие пляжа,
О нём не посмеешь... О нём не расскажешь...
Как о любимой — предчувствие жажды...
Нет, не посмеешь... Нет. Сердце на страже...
Сердце на страже.
Сердце на страже...

КАК ТЫ ГЛЯДЕЛА...

Как ты глядела...
Как же ты глядела...
Казалось,
что жестокостью моей
твои глаза изранены...
И я рванулся.
Из последней самой дали...
К тебе — соломинке,
Я — тонущий, взлетел.
На вечный свет...
Негаснущего маяка...
На берегу твоей души...
Спасительной...

В ОТРАЖЕНИИ СТЁКОЛ...

Блики — на мраморе — стёкол витражных,
В блаженстве — зелёном, сиреневом, жёлтом,
Вечные жёны на вечных ромашках
Гадают — мечтательно, замороженно...
О вечном воркуют голубки устало,
Смеётся фонтан — той лазури — старинной.
И жён нагота первозданно блистает —
Мальвой атласной, забытым муслином...
Женские взгляды блуждают лениво,
В закатный опал одеваются — тихий,
Спускается солнце в глубины залива
В блаженной, воркующей неразберихе...

СИМФОНИЯ

Симфония отзвучала...
Рояль ещё Шубертом бредил...
И струны так долго качала
Высокой печали река.
Звезда подмигнула печально
И воздух был грустен и светел,
На клавиши тихо упала
Цветком туберозы — рука...

УТРО В САДУ

Спит дитя в колыбели...
Блики солнца играют на листьях дрожащих.
А беспечные птицы заливаются трелью...
Негу длит бесконечно и тянется утро...
Сколько тянется утро?
Без конца и без края...
Может целую вечность?
А может — мгновенье?
И не ведая вовсе о мгновенном и вечном —
спит дитя в колыбели...
Блики солнца играют на листьях дрожащих.
А беспечные птицы заливаются трелью...

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АНГЕЛ

Звон к вечерне,
закат,
даже ветви у дома —
Всё наполнено смыслом —
безмолвным и странным.
Исчезаю в тумане —
сам себе незнакомый,
Будто сонный ребёнок —
заблудившийся ангел...

БЫЛА МОЕЙ

Была моей...
Ты мне принадлежала,
как дерево, что в водах отражалось:
И я — не разлучаясь — уезжал,
И ты — не расставаясь — оставалась.
Но вот, однажды,
налетел нежданный ветер,
закрыв лазурь небес моих — я не заметил...
Как ты исчезла...

КОНЕЦ ОСЕНИ

Всё оно — от вершины до корня
Пожелтело — пожухли листья,
Стало дерево — символом скорби,
Склепом тихим, но всё ж золотым...

Сквозь дождей седые космы,
Бурь песчаных круговерть...
Я прорвусь к ней через космос,
Через боль и через смерть.
Я приду к моей любимой
Вопреки любой беде!
Мне б разведать только имя,
Вызвать, кто она и где.

Не родня собору пагода,
Не кузен фелюге плот.
Вы — иного поля ягода,
Я — другого сада плод.

Мы родились антиподами,
В ком-то спутан с верхом низ.
Не бывал пленён я модами,
Вы — раба их, — модЫрникст.

Подгоняемой успехами, —
Фимиама дым густой;
Утомлённому утехами, —
Опьянение простотой.

Вы — чужая, чую, — вычуры,
Загибоны — ваш приём...
С Музой мы, молитвы выучив,
На иконы не плюём.

Я стану жить на этом свете
Всей силой духа, в полный рост,
Когда стареющие дети
Мой прах доставят на погост.

«Светло в моём сердце. И слышу в ночи:
Сияй в человечестве! Или молчи».
Ю. Кузнецов

Я — верный любовник Природы
и жизни, какая ни есть.
Мне гадости их и невзгоды —
всего лишь капризы, — не мечь.
Прощу и войну, и торнадо
за птиц, за любовь, за цветы...
На жизнь обижаться не надо.
Ты мог не родиться.

Да, ты, —
и умный такой, и красивый,
а мог быть урод и дурак...
Зачем же поэты плаксивы,

Людмила Храмова

с испанского

Хуан Рамон Хименес

БЛАЖЕННО СПЯТ

Любовь ещё так юна,
 так душа нежна,
 Как первый цвет миндальный,
 тонкий стебель майорана, —
 Ещё под сердцем
 спят блаженно радости,
 не ведая обмана,
 Грядущим горестям,
 предательствам
 и ранам —
 уже посеянным —
 ещё неведомы
 ни время,
 ни цена...

ПОЭТ

Толик берёшь неслучайный
И в сердце — сразу, как в храме...
Свет — легчайший, сладчайший!
И слово — так радостно ранит...
 И чувства свежи — как будто,
 Ребёнок смеётся счастливый.
 Светом струятся минуты,
 И время — неторопливо...
И, будто сокровищ чистых,
Своих ты ещё и не трогил, —
Радость — в глазах лучистых,
Блаженны листы в тетрадах...
 И, будто б, любим и счастлив
 И понят, бесспорно, всеми —
 И жизнь прожил не напрасно,
 И смерть знает только соседей...
И пишется — свято и просто,
И имя ты носишь — по праву,
И неслучайные гости —
Надежда, любовь и слава...

здесь место и для пародий (Е. Рабочая, Л. Панин, А. Вдовенко), и для басен (С. Бурова). Совсем по-новому зазвучали в «Лире Боспора» философские зарисовки Б. Васильева-Пальма.

Обзор будет неполным, если не сказать о молодых поэтах. Это Злата Андронova, Юлия Котлер, Елена Ромазанова и Константин Артёмин. От сборника к сборнику растёт их мастерство. Все они пишут в соответствии с современными требованиями к поэзии.

В заключение хочется процитировать отрывок из стихотворения Кости Артёмина:

*Люблю людей, влюблённых в цель свою. —
Талантливых поклонников идеи.
Но больше всех талантов я ценю
Готовность жертвовать судьбой своею.*

ТЕАТР

(в Керчи перед войной)

...А на горе был театр. В нём воскресали сны.
И девичьи мечты в нём становились счастьем.
И снов, и грёз прекрасные черты
В сплетенье с явью, виделись так ясно.
Как верилось в искусства волшебство —
В слияние добра, любви и вдохновенья!
Как верилось в свободы торжество
И красоты прекрасные мгновенья.
...Была во МХАТе я и ездила в Ленком —
Великие артисты там блистали.
Балет с Плисецкой видела в Большом,
И скрипачи прекрасно там играли.
Но на горе был мой ТЕАТР, театр детства моего.
И в мире не было прелестней места.
Прошла война, не пощадила ничего,
И там теперь... пустое место...

МИТРИДАТ

Приметы вечности застылой
Здесь удивительно сошлись,
Но веки пошлости унылой
По тверди каменной прошлись.
Гора безлесна и пустынна,
Вся в шрамах промелькнувших лет,
И тени поступи старинной
Всё требуют от нас ответ.
Гуляет ветер по макушке,
И тихо шелестит трава,
И глухо стонет, как старушка,
Под грузом вечности, гора.
А современность шумно дышит
У ног истерзанной твердыни.
Лишь море, словно раны, лижет
Следы истории старинной

зачем воспевают не силу
и солнце,

а — слабость и мрак?
«Какой же ты, друг, примитивный», —
мне скажет интеллеktуал.
«Какой же ты, братец, противный, —
отвечу, — такой негативный,
как весь твой нытья ритуал.
Побойся не чёрта, но — Бога,
покайся: Отца не гневи...
Не праздник по жизни дорога?
Так радостей миги лови.
Не надо травиться тоскою...
Мы сами себе палачи.
Не будь гробовою доскою,
а больно — не плачь, а рычи».

Искусством наживать себе врагов
я овладел на жизненном излёте.
Но, впрочем, со всех сфер и округов
вы больше трёх в отряд не наберёте.

Меня миролюбивей трудно быть.
Я для вражды не находил досуга.
Желая восхищаться и любить,
был озадачен: «Где моя подруга?»
Но вот, когда от поисков устал,
заметил, вдруг, что начал огрызаться,
что я уже не той воды кристалл,
задетый мутой одного мерзавца.
Теперь, когда любовь меня нашла,
я вновь своих врагов не замечая.
На мне как бы написано: «Аншлаг!»
Я и без вас, милорды, не скучаю.

Я знаю женщину, обиженную насмерть.
Её ничто уже на свете не спасёт.
Зато она теперь в искусстве слова мастер:
Крутые яйца стихотворчества несёт.

Я мог бы дать ей то, чего она искала,
Но — бедная — беды вошла во вкус:
Милей улыбки ей оскомины оскала
И ласки сладостней укол или укус.

Любить отказываюсь впредь:
Нет сил носить страданий тогу.
Ушёл в искусство, как медведь
Ложится на зиму в берлогу.
Но я ложусь в недрёмный дрейф, —
Уловом будет славословье.

Мне всех страстей непыльный шлейф
На крест приладят в изголовье.

В крыльях бесспорно родство с парусами.
Но парус пассивен, он воздухом движим,
Крылья ж на воздух бросаются сами.
В этом вся разница. Если я выжил,
То потому, что навстречу бросался
Всякой опоре стремленья к полёту,
Только крылами опор я касался,
Не оторвавшись от них ни на йоту.
Нет, я не парус, толкаемый ветром, —
Сам на земли опираюсь дыханье,
Чтобы когда-нибудь в звании мэтра
В небе поэзии реять стихами.

«Нет, весь я не умру...»
А. Пушкин

Вера с надеждой — вот мои крылья,
сердце с любовью — двигатель мой,
мысли с мечтами — моя эскадрилья, —
прямо в легенду — траверс прямой
по недоступным для многих вершинам
с помощью мистики, то есть — чудес...
Только с Эротом душа согрешила,
тщетно её домогается бес
зависти, злобы, стяжания и власти, —
я — красота и поклонник, и плод;
только любви плодоносные страсти
знают судьбы моей тайну и код.
Вот почему надо мною не властны,
хоть и знакомы, хандра и тоска.
Будут объятия смерти напрасны:
станет веслом гробовая доска!

О «КАРТИНЕ» МАЛЕВИЧА

Этот дьявольски «Чёрный квадрат» —
Чёрных дыр то ли сват, то ли брат,
Тёмных сил агрессивный парад,
Света с мраком смертельный разлад,
Интеллекту разврата возврат,
Бездуховности с вызовом знак,
(Угловатый до наглости наг)
Безобразия с бездной брак, —
Он давно меня — подлый — достал,
Тем, что рядом с картинами встал...
Резанул бы я смеха лучом
По его черноте, как мечом,
Но тому много чести и так,
По ком плачут подвал и чердак!

Вот таким в моих воспоминаниях встаёт 1945 год: незабываемая
деревня Ишунь и все злоключения, которые со мной там происхо-
дили.

ОБЗОР ТВОРЧЕСТВА КЕРЧЕНСКИХ АВТОРОВ

Один из сборников стихов керченских поэтов называется «Про-
странство любви». Название очень удачное, так как оно выражает
сущность этой поэзии: любовь к родному городу, к своей истории,
к природе, к близкому человеку. В этом сборнике собраны стихи
известных керченских поэтов: В. Левенко, В. Лося, Т. Цареград-
ской, Е. Сницарь, З. Андроновой, Л. Храмовой, Ю. Котлер, В. Не-
стеренко, Е. Рабочей, М. Назаренко и многих других. Каждый из
них — это целый мир с его разнообразием, верностью своей теме,
с особенностями художественных решений.

Философское осмысление жизни отражают стихи Валерия Ле-
венко:

*Это видели вечные звёзды —
Время шло сквозь людей и сквозь дым.
Из одних оно сделало гвозди
И загнало в ладони другим.*

Объединяет всех поэтов лиризм, высокие чувства, глубокие
мысли, которые сумела, как обобщение выразить Наталья Трушко-
ва в словах:

*Не удержать кленовый лист
И соловья любовный свист...*

Так точно не удержат глубокие чувства, их душевность, проник-
новенность и, наконец, всю эту поэзию.

Начиная с 2001 года «Керченское городское литературное объе-
динение «Лиризм» выпускает сборники-альманахи «Лиризм
Боспора». Невозможно в кратком обзоре охарактеризовать твор-
чество всех его участников, но на стихах некоторых из них хочется
остановиться.

Удивительное понимание природы, гамма разнообразных чувств
поражает в стихах Владимира Лося. Многообразие тем и глубокое
проникновение в смысл жизни звучат в поэзии Людмилы Храмо-
вой. Философское осмысление явлений, и в то же время прекрас-
ная художественная отделка у Татьяны Левченко. Совершенно
оригинальную форму находят Василий Нестеренко и Николай Ма-
риин. Звонящее личное чувство в стихах Елены Рабочей. Использо-
зует фольклорные мотивы в оригинальных «чудиках» Михаил Чуд-
новский, по-своему умеет выразить чувства Борис Случанко-По-
плавский.

Но особенно необходимо выделить поэзию Владимира Володи-
на. Это уже сформировавшийся большой поэт с яркой индивиду-
альностью и особым подходом к теме.

Очень радует, что в каждом сборнике мы видим жанровое раз-
нообразие. Если первые выпуски альманаха содержали практиче-
ски только стихи, то теперь они включают и литературные портре-
ты (В. Маковецкий), и рассказы о войне (А. Бойченко-Керченский),
и мгновенные зарисовки в прозе (Н. Трушкова). Рассказы об учё-
ных А. Кузнецова, описание керченских святых А. Кацубы, и ка-
кой-то особенный вид прозы в коротеньких сентенциях А. Чуднов-
ской, и исторические эссе Б. Случанко-Поплавского. Нашлось

Не обходилось без курьёзных ситуаций. Мне тогда было двадцать лет, а на вид — не более шестнадцати. Вот как-то, во время урока распахивается дверь, в класс вломилась здоровенная бабича, руки в бока, и начала громогласно выяснять, «кто бил её Во-вку». Я, конечно, стала лепетать, мол, идёт урок и прочие, с её точки зрения, глупости. И тогда она, ничуть не смущаясь, так двинула меня локтем, что я вылетела просто за дверь. На этом, как говорится, занавес опускается.

Но кроме работы, были, естественно, и дела чисто житейские. Каждое утро начиналось с того, что я выходила на крыльцо и вглядывалась в окна соседних домиков: не мелькнёт ли где-нибудь свет. Туда я направлялась с совком: «дайте огоньку». Спички были только у некоторых счастливиц, и огонь хранили пуще денег. Так, наверное, хранили его в первобытном мире. Нет огня — нет жизни. Принесённые угольки тщательно раздувались, и начинался день.

Хлебного ларька в деревне не было. Нам выдавали в месяц по восемь килограммов ржаной муки на человека. И я пекла ржаные лепёшки. А вокруг все хозяйки пекли хлеб в русских печах. Настал день, когда я решила, что «не боги горшки обжигают», и принялась за изготовление хлеба. Предварительно я получила консультацию у соседки, и всё сделала правильно. Беда была в том, что в моей хате не было русской печи, была только высокая «груба» с заслонками. Но соседки меня успокоили: в грубе тоже можно печь хлеб. Я разложила приготовленное тесто по формам, поставила его подходить, а сама разожгла огонь в грубе и стала ждать, пока моя печь разогреется. Позднее я узнала, что заслонки были неисправны, и всё тепло уходило в трубу. А тогда... Когда мне показалось, что моя груба нагрелась достаточно, я посадила формы с тестом в печь и через положенный час заглянула внутрь. К моему ужасу, тесто от тепла полезло из форм и норовило вылиться в золу. Я пыталась его спасти, начала двигать ухватками, но мои городские навыки оказались смехотворными, и результат был весьма печальным. Сейчас эта история вспоминается со смехом. А тогда были слёзы. И целый месяц — даже без ржанных лепёшек...

В школе, кроме меня, служили ещё две учительницы. Раз в месяц одна из нас отправлялась за зарплатой в райцентр — посёлок Воинку. Хорошо, если попадался попутный транспорт: то тархтелла разбитая полторка, то телега проезжала, запряжённая какой-нибудь клячей. Но однажды, когда была моя очередь, попутного транспорта не оказалось. До Воинки было десять километров. Я их благополучно прошла, но, увы, денег не оказалось и я, опять на своих двоих, отправилась в обратную дорогу. А тут начался дождь, сначала моросящий, а затем перешедший в ливень с грозой и ветром, который бил мне прямо в грудь. Дорога моментально превратилась в кисель, а воздух — в воду. Попутчиков нет, спрятаться в голой степи негде. Несколько километров я прошла по шпалам, но потом железная дорога отвернула в сторону, и остаток пути я, в слезах и в грязи, прошла по совершенно размытой дороге. В довершение всего, за ливнем я как-то пропустила нужный поворот, пришлось возвращаться тем же путём. Добраться до дому не хватило уже никаких сил, пришлось стучаться в крайнюю хату.

ОПРАВДАНИЕ С ПОКАЯНИЕМ

*«...не понравился и пародийно-стёбный стиль.
У нас побеждали серьёзные стихи».*

Отзыв с конкурса.

Упрёк в смешливости приемлю,
но то — беда, а не вина,
что больше неба славил землю
Со вкусом женщин и вина.

Простите фальшь не лицемера,
но лицедея — игрока:

сквозь слёзы ржанье «Холстомера¹», — *
щекочут шпоры седока.

А кто сидит на мне, не вижу.
Боюсь, что — дьявола слуга.
Так может, смехом я унижу
победоносного врага?

Взял верх он тем, что обучили
меня антихриста друзья;
от церкви предков отлучили
тьмы богоборческой князья.

И как живу, так и умру я,
в игре страстей поднаторев,
улыбкой дурня маскируя
гримасу боли, страха блеф.

Но я застал, под жизни вечер
мужанье воинства Христа...
Нет, не хулой на дальнем вече
помянут бедного шута.

ПОКАЯНИЕ С МОЛИТВЕННЫМ ВОПРОСОМ КЕРЧЕНСКОМУ ХРАМУ «ИОАННА ПРЕДТЕЧИ»

Ох, пленённый с детства бесами,
был от Бога я далёк,
куролесил... с песней «Бесса мэ
мучо» песне «Огонёк»
изменил, а вместо «Яблочко»
стал отплясывать фокстрот;
мухлевал на деньги я в «очко»
с шиком матерных острот.

Рок —

приятелей, — по камерам,
за решётку, под замок,
а меня молитвой маминной
ангел чудом уберёт.

Но зато мозги попудрили
диамат — МАРКСИЗМ — истмат
с лапшой на уши под кудри мне,
выдав вонь за аромат.

В общем, портила и пачкала
жизнь лицо моей души, —

¹ Из рассказа Льва Толстого, где повествование ведётся от имени жеребца по кличке «Холстомер».

под кухаркину¹ и прачкину
дудку, дескать, попляши.
И плясал, и пел с изменами
в свете дьявольской свечи...
Прихожу в себя под стенами
церкви города Керчи.

Здесь когда-то бойня кончилась,
что в столицах началась;
Русь, рожая монстра, корчилась, —
шли антихристы во власть, —
на глобальный шабаш ставили,
чтобы не было Руси;
не согласных — к стенке.

Правили
так: пощады не проси.
Семь десятков лет куражились,
всё же выдохлись. Аминь!
Ну, а мы во стане вражеском
оказались. Неба синь
над Тавридою оранжева, —
революций новых цвет.
Сила дьявола — она жива:
из Америки привет!

Для России иностранец я,
хоть живу в своём Крыму.
Знаю, мне ещё достанется;
но не тот уж по уму
и по знанию истории,
да и ценности не те.
Не в заморской платы хоре я,
брат живущих во Христе.

От России отрешались,
под Америкой лежим.
Власти киевские счастливы, —
«независимый» режим!
«Иоанн Предтеча», божий храм,
вразуми ты дурака:
неужели бесы — вор и хам —
власть прибрали на века?

ПОТОМУ ЧТО — ЛЮБОВЬ

Если в сердце любовь, — не нужна и весна.
Ну а если при этом весна за окном,
То поэзия жизни повсюду видна,
А мечтается ночью и днём об одном:
Как устроить, приблизить свидание с ней.
Но от глаз не уйдёт свето-тени игра,
И, — что стали и море и небо синей...
И для слуха тогда — золотая пора:
Всё становится музыкой даже в тиши.
Слёзы ищут предлог, возмущается кровь,

¹ «Всякая кухарка сможет управлять государством». (Из афоризмов пролетарского вождя).

Виктория Гартенштейн

ИШУНЬ

Судьба и военная доля занесли меня в 1945 году в деревню Ишунь под Перекопом. Название это я помнила из школьных учебников, и связано оно было с гражданской войной. Сейчас же, накануне Победы в Отечественной, деревня представляла собой жалкое зрелище. Несколько уцелевших хатёнок («порядок», как тогда называли), землянки, в которых продолжали ютиться обездоленные семьи, разрушенное здание правления колхоза, еле восстанавливаемая МТС и, по сути, больше ничего. И самое главное — совершенно разрушенная школа, в которой я должна была преподавать.

Преподавать — это очень сильно сказано, так как за плечами у меня только десятилетка. Ни знаний, ни навыков, ни методик — ничего.

Школьные занятия проходили в трёх маленьких домиках, в один из которых я направились сразу же в день приезда. Первое, с чем я познакомилась при выходе из дома, — это грязь. Липкая, тягучая, непролазная, она сразу же захватила мои ноги целыми пудами непосильного груза. А надо сказать, что на мне были лаковые лодочки — единственно ценное, что сохранилось после разных переездов в эвакуации. И вот с этой стопудовой ношей на ногах я добредаю до так называемой школы и вхожу в класс, совершенно обессиленная и буквально погибая от стыда. И вдруг ко мне бросаются две высокие девочки (все ученики были переростками), снимают с меня туфли, приносят какие-то разношенные мужские ботинки, выносят мои злополучные лодочки в коридор, и весь класс встаёт и смотрит на меня не с насмешкой, как я ожидала, а с уважением и даже с какой-то жалостью. (По окончании занятий мои лодочки, тщательно вымытые и высушенные, ждали меня в коридоре.)

Таким было моё первое знакомство с будущими учениками. Надо сказать, что прекрасные отношения с детьми у меня сохранились до самого конца моего пребывания в Ишунь.

Надо рассказать, что же тогда представляла собой вообще школа — на освобождённой территории, когда ещё не окончилась война. Парт в классе не было. Вдоль небольшой комнаты стоял длинный широкий стол с двумя скамьями по бокам. Места, чтобы выйти к учительскому столу, не было и при необходимости дети или проползали на четвереньках, или шагали прямо по столу. Роль классной доски исполняла фанерная дверь, а в качестве мела использовалось содержимое немецких ракетниц, которые мальчики разыскивали в степи. Из этой же размельчённой пасты делали чернила. Учебников не было. Тетради шивали из старых газет и писали между строчек. Только к концу учебного года начали приходить кое-какие пособия из ОблОНО. А дети всё-таки учились, стремились к знаниям. Сказались почти три года «под немцем».

Терять, бросать и приходить с повинной,
 И строить замки на песке, и строить душу...»
 «Мой милый, свой покой я не нарушу.
 Одна любовь! Как много! И как мало!
 Мой милый, я всю жизнь тебя искала!
 А ты молчал. Какая жалость!
 Зима пришла, и осень распрощалась.
 Мой Сирано! Как мягко льётся свет
 Твоей любви... — Монашеский обет».

Рифмы — в парах, как в детском саду малыши.
 Все хотят погулять, потому что — любовь!

ПРОСЬБА

«Жалость — божественный лик любви».
Кто-то.

Любви синоним знаешь? — Жалость!
 Страсть — обоюдно, —
 пряник — плеть...

Чтобы рожалась
 и держалась,
 вас — нас положено жалеть.
 Мне не страшны судьбы ухабы, —
 силен, умён, не бран бедой.
 Так пожалей за то хотя бы,
 что я давно не молодой.

НОВОЙ ЗНАКОМОЙ, СТРАДАЮЩЕЙ ОТ ДЕПРЕССИИ

Гегелем обученный и Кантом,
 Не могу я мудрости учить.
 Вот бы Вашим антидепрессантом
 Стать, — Любовью от любви лечить.
 В роли Эскулапа дилетантом
 Чувствую себя, но за любовь
 Думаю, что бравым лейтенантом,
 Я бы успокоил Вашу кровь.
 Гоголем воспитанный и Дантом,
 И смешить способен, и любить...
 Запах тленья? Геть! — дезодорантом...
 Если что, так можете убить!

СОГРАЖДАНАМ ОТ ИМЕНИ КРЫМЧАН, ПОДАРЕННЫХ ВМЕСТЕ С ПОЛУОСТРОВОМ БРАТСКОМУ НАРОДУ УКРАИНЫ

«И дым Отечества нам горек и приятен».
А. Грибоедов

Поимев столицей русский Киев,
 Да в подарок получивши Крым,
 Тырим — самостийные такие —
 Из трубопровода газ и дым
 Тот, что нам и «горек и приятен», —
 «Дым отечества» славянских трёх племён...
 Рынок «продающенко» занятен
 В свете отравителей.

Имён

Я не называю,
 бо не знаю,
 Да и знать нечистых не хочу.
 Но врагом Руси —
 напоминаю! —
 Даже брату быть не по плечу.

Попутчики и встречные, — все учат,
Как жить, любить и как писать стихи.
А у поэтов собственная участь:
И взлёты самобытны, и грехи.
Лазутчиком от вечности — получишь
Лавровый нимб у Леты на пиру.
Но прежде-то презрением помучат
И кознями собратья по перу.

Мои стихи, как лунный свет:
они свечений отраженье
извне идущих на совет
туда, где психики брожение,
где митинг мыслей и страстей
вердикт событиям выносит...
Мой стих, как эхо новостей:
его история запросит,
то бишь — затребует, когда
в себя, как в зеркало вглядеться
она захочет... Никуда
ей от стихов моих не деться.

К ДИСКУССИИ О СВОБОДЕ ВЫБОРА

Мы не только Родину не выбираем
с парюю родительской четы, —
мы приходим в мир и умираем
по законам не своей мечты.
Мы по воле Господа спектакль играем,
главного героя мня в себе,
в реквизитах ад рисуем раем
и наоборот, — ни ме, ни бе
Не поняв ни в чём, себе очки втираем,
«собственного счастья кузнецы»,
а нужду справляем за сараем,
даже оккупировав дворцы.
Дав по суицидам фору самураям,
ставим «выбор» во главу угла,
братской кровью идиолов мараем,
чтобы девкой истина легла.
Вот бы хоть разок, всего лишь взгляда краем
режиссёра жесты уловить.
Верю, — у событий за раздраем
вьётся провиденческая нить.
Знающих Ткача, спесиво укоряем,
как невежд, отставших от наук,
а свои ошибки повторяем, —
жирный самомнения паук
Сети их плетёт, а мы — «Ура! Ура!» — им...
Делай то, что должно и молись!
ничего-то мы не выбираем,—

чику-чеченцу, в крови которого и в заповеди народа есть понятие
— месть?

Дети спасают раненого русского офицера Зимина и раненого чеченца Рамазанова. Дети не хотят делить людей по национальности, и взрослые дрогнули перед мужеством и противлением ненависти.

Это романтически-трагическое повествование, где свет детской души ложится на чёрное слово «война» и вызывает к разуму людей: до каких пор взрослые будут убивать друг друга, чтобы убить Детство?!

В книге счастливый конец. Автор во вступительной статье, видимо, отвечая на упрёки в некоей невероятной сказочности повествования, утверждает: «...Но возможно, сегодня нам всем как раз и не хватает добрых старых сказок, где побеждает Добро. Побеждает не пудовыми кулаками и авторитетами, а влечением сердец, подвластным лишь одной поистине бессмертной «королевской чете» — Её Величеству Любви и Его Величеству Милосердию».

В сообщество керченских литераторов пришёл современный молодой писатель, который ищет и находит очень серьёзные темы, облекает их в детективно-фантастические одежды, а порой и в сказочные.

Гарри Зурабян — жизнеутверждающий романтик в самом лучшем смысле этого слова. Книги его написаны живым языком, они увлекательны и милосердны. А совершенствованию не бывает предела.

У прибоя своя работа —
Бить по гальке крутой волной.
А у гальки одна забота —
Стать округлой и никакой.

Застряло счастье где-то на полпути,
Сказало счастье: «Тебя нелегко найти!».
Стою одна, кругом туман:
Любви обман, души обман.
Но светит свет из далёких лет.
Сказала «Нет!», был не тот ответ.
Искрился снег. Ваших слов мороз.
Сказала «Да». Ветер вдаль унёс.
Ни «Да», ни «Нет» не скажу я Вам.
Любовь подобна зеркалам:
В одном вопрос — в другом ответ.
Ни «да», ни «нет», ни «да», ни «нет».

Мой Сирано ко мне стучится в двери.
Моя судьба пришла, а я не верю.
«Ты опоздал на целых тыщу лет! —
Шепчу — Прощай!». «Не уходи! — в ответ —
Пройти всю жизнь, полмира с половиной,

Серж Рубецкой, дворянин, белый офицер, патриот России, вынужден в 1920 году эмигрировать за границу. Этот выбор он сделал поневоле, он выбирал не Родину — жизнь. Потом он полюбил Канаду, ставшую его второй родиной, которая ему позволила стать учёным, реализовать себя творчески. Его сын, Мишель Рубецкой, уже рождён за границей, жил в Канаде, по заданию разведки попал в Россию, на свою прародину, и перешёл на службу к ней. Какую родину он предал? Его маска — лесник Ерофей Гурьев, таёжный страж золота. Богатырь, мудрец, простой русский мужик, целитель и колдун. Очень колоритно выписан это персонаж. Вот он-то, по моему глубокому убеждению, и делает мучительный выбор между Канадой и Россией, между «клёном» и «берёзой».

Этот выбор автор назначил и третьему представителю рода Рубецких — Сержу младшему. Снова интересы разведки, и снова из Канады в Россию, но через Афганистан. Серж проходит страшный путь, вплоть до киллера Лейтенанта, не помнящего своего имени, родства, искалеченного физически и нравственно. Но он выбрал эту дорогу сам, таким образом, прикоснувшись к земле своих предков — декабристов. Выбор, где ему жить, делает уже не он, а его отец, отправляя назад в Канаду.

Образ сержа младшего выписан слишком туманно, как и его путь разведчика. А вот его любовь к Ларисе — это одни из лучших страниц романа. Тема любви многолика. Это и стремительный роман Анастасии Филипповны и Немца: трагичность ситуации и искренность чувств. И поздняя любовь Ерофея Гурьева и Анны. Лариса и Серж... Во всех случаях — искренность со стороны женщин и благородное чувство защитника у мужчин. Нет ни грязи, ни лёгкости чувств. Слова, которыми Зурабян говорит о любви, светлы и возвышенны, даже когда он затрагивает интимные моменты.

Может быть, в книге есть недостатки, но достоинства неоспоримы.

Вторая книга Г. Зурабяна — «Над пропастью цветущий сад», о Чечне. Каждый, кто узнаёт, о чём книга, какое-то мгновение медлит — читать или не читать. Тема такая страшная, что не у каждого есть желание терзать душу бесконечными страданиями, которыми она полна.

Автор не националист, не шовинист, он — гуманист. Он пытается решить вечный вопрос: кто виноват в этой войне? Но для детей, попавших в страшную мясорубку, это не имеет значения. Они потеряли родителей, кров и остались на улице. Мальчик чеченец и русская девочка. Им 10 — 12 лет. Документальный фон бойни в Грозном и лирическая, мягкая и горькая тема первой любви. Юным героям нет дела до того, чьи правители оказались неправы, у них украдено всё — детство, счастье. И добрая душа автора вливает в их души бесконечное терпение, любовь друг к другу и к людям. Словно цветущий сад, души этих маленьких героев, живущих в подвале, где есть скрипка и... «лучшая девочка на земле» — Маша, и «лучший мальчик на земле» — Руслан.

Поддерживая и любя друг друга, они борются с бедой, голодом и главное — с разъедающей душу, ненавистью, что равносильна смерти. Этнически они получаются враги — русская и чеченец, воюют русские и чеченцы. Как им сохранит души, особенно — маль-

просто проживаем СВОЮ жизнь.
Не Отцу неведомому подражаем,
а его известному врагу...
То и пожинаем урожаем, —
выразить без мата не могу!

АВТОХАРАКТЕРИСТИКА

Художник непьющий,
поэт — гиревик¹,
сразиться зовущий
по виду старик,
от боли поющий,
от кайфа — на крик,
на Ющенко злющий
и — парочку Брик²,
на МНОГО плюющий —
и в малом велик! —
Навечно дающий,
берущий на миг.
Я Януса пуще
в искусстве двулик,
в невзгодах несущий
улыбчивый лик,
всевластно влекущий
любви материк,
не клюкву клюющий
болотный кулик.

¹ От слова гиря — поднимающий гири.

² Супруги Осип и Лилия Брик, с которыми жил В. Маяковский в Гендриковом переулке Москвы в 1926 — 1930 годы.

Виктор Запорожец

Клубятся пылкой молнии зарницы...
Овациями ливень отплескал...
Отяжелели мокрые ресницы...
Закончен маскарадный праздный бал...
В цветной виньетке бутафорской арки
багряных роз рассыпанный букет...
Следы смывает дождь в старинном парке...
Но в костюмерной оживает свет...
И чудной тенью на крылатых шторах
скользит прозрачный стройный силуэт...
И сброшенных одежд усталый шорох
кружится, как финальный пируэт...
И в сонном феерическом виденье,
в метеоритном росчерке ночей,
вдруг возникает ангельское пенье
под звуки струн космических лучей.
Но снова рвутся молнии и громы,
за горизонтом призрачной мечты,
чтоб озаренье стало невесомым
в либретто повседневной суеты.

ДРЕВНИЙ ВУЛКАН

На Чёртов Палец¹.. Без страховки?..
Взобраться!.. В этом ли отвага?..
Когда мы молоды и ловки,
Как внуки внуков Кара-Дага,
не замечая, что в морщинах
его опалового лица
на халцедоновых сединах
зардели слёзы сердолика,
что волны, с ветром в скалах споря,
поют в агатовом прибое
обсидианового моря
о вулканическом покое.

Самый, самый короткий
застуженный призрачный день
блеклым пеплом снегов
запорошил закатные дали —

же, как его страж, захоронен штамп чумы. Она карает стремящихся украсть сокровище и присвоить его себе. Искатели клада, люди разных социальных групп: здесь и крупные воротилы уголовного мира, и представитель официальной власти; нити тянутся к органам МВД и даже к контрразведке. Между ними негласная борьба за золото, которое принадлежит России и является её золотым запасом про чёрный день.

В романе на страже интересов страны небольшая группа людей. Впервые за много лет (может, я ошибаюсь) защищена честь мундира чекистов. Зурабян пишет — что при смене власти удар всегда приходится на «щит и меч» Родины. Книга написана хорошим языком и увлекательно, но композиции несколько тяжеловесны, множество персонажей...

Герои этого произведения, как и последующих, благородны во всех движениях души, независимо от своих политических взглядов. Главная проблема, которая исследуется автором: как далеко могут зайти люди, когда вопрос касается очень крупной наживы — золота. Ведь именно оно и развязало первую бактериологическую войну, о чём автор повествует во вступительной части.

Хан Золотой Орды осадил Кафу, где жили богатые генуэзские купцы. Осаждённых забросали трупами умерших людей, в городе началась эпидемия чумы. За 1347 — 1351 годы она унесла жизни 75 миллионов человек. Прошло шесть с половиной веков, а люди не поумнели...

Проверку золотом проходят почти все персонажи романа, это как лакмусовая бумажка для определения их человеческих качеств. И случается, что представитель уголовного мира — Немец, выдерживает этот экзамен, спасая любимую женщину. И, наоборот, лицемер от идеологии, Родионов убил жену, которая стояла поперёк дороги к богатству.

Следующая тема — тема предательства. Она решена как бы наоборот.

Политические взгляды героев и их понятия об общечеловеческих ценностях часто не совпадают, и они отдают предпочтение последним.

Друзья — политические противники. Как поведут себя они в экстремальной ситуации, где нужно делать выбор? Друзья и их дети встают на защиту гуманности.

Белогвардеец Серж Рубецкой прячет от погони большевика Степана Артёмьева. Степан Артёмьев спасает пароход от взрыва. На судне уплывают из Крыма Серж и раненые, и женщины, и дети, и белогвардейцы, и тайный архив русской контрразведки. Врач Артёмьев (второе поколение) прячет от родной разведки внука друга отца.

И так постоянно — игнорирование внешних требований политических взглядов, а порою, уже и Закона, во имя другого, более важного — Закона человеколюбия.

Предать нельзя дружбу, вечные Заповеди, говорит художественным языком Зурабян.

Что есть Родина?

Автор предлагает вариант воображаемой судьбы потомков декабристов.

¹ Чёртов Палец — вертикальная скала в виде пальца с раздвоенной вершиной.

Сначала мы плыли на лодке по Печоре, потом долго шли лесом. Кругом сосны высокие. Пришли к зоне. Вышел дежурный офицер, критически оглядел нас, задержал глаз на моей нахальной кофточке и сказал: «Идите очень близко от меня и охраны. Если отстанете или сделаете шаг в сторону, я вас спасти не смогу».

Добрались до здания благополучно. Со всех сторон на нас глядели заключённые, почти все молодые мужчины. Заседание началось. Разбирали дело о побеге. Мужчина лет 35, высокий, черно-волосый, словоохотливый. Рассказал, что сломал руку, помощи, какой следует, не было, его, как надо, не лечили. И он подался в Москву, домой. Год лечился, вылечил себе руку и приехал досиживать. Срок добавили, он спокойно это принял. Глаза весёлые и нахальные. Чувствуется, что он не раз бесстрашно ломал свою жизнь и начинал всё сначала.

В газете я была на хорошем счету. Перед моим отъездом, редактор уговаривал меня остаться. Он сказал: «Смотри, я берёг твои нервы», и показал пачку писем с угрозами в мой адрес за критические статьи. Один мой коллега раньше мне всё говорил: «Славы ищешь?». Не славы. Я была наивной и искала правду. Но поняла, что найти её трудно, а душу выстудить легко.

И ещё поняла, что не могу жить без детей. Мне не хватало их глаз, тянущихся ко мне, мне нужны были их сердца и души, их ласковые ручонки.

И я вернулась к детям. Работала воспитательницей в детском саду, потом учительницей в начальных классах. Я очень любила свою работу и была в ней счастлива.

Не получилась семья, сын погиб. «Мы выбираем, нас выбирают. Как это часто не совпадает». В работе совпало, и за то спасибо.

Хотя и там тоже были несовпадения. А может, просто поиски себя, своего места, призвания.

ТВОРЧЕСТВО Г. ЗУРАБЯНА

послесловие к прочитанному

*«И один, задыхаясь, бегу
Под ударами целого мира».*

(Поль Верлен)

Наверное, в этом смысл творчества писателя — принять боль мира на себя. Потому и поставлены автором эти строки эпиграфом к его первой книге «Джума».

В Керчи появился новый писатель — Гарри Гарникович Зурабян. В этом году ему исполняется 40 лет.

Армянин, в Керчи живёт около 20 лет, имеет два высших образования: техническое и экономическое. Бизнесмен, руководитель Армянской общины Керчи, член Союза писателей Крыма. Женат, имеет двоих детей.

Уже изданы три книги писателя: «Джума», «Над пропастью цветущий сад» и «Гекатомба».

Темы его произведений злободневны, затрагивают острые политические и социальные проблемы. Автор стремится быть объективным, старается смотреть на всё с позиции гуманизма.

Роман «Джума» по форме детектив-фантастика, но и только... Разговор идёт о знаменитом золотом кладе атамана Семёнова (Колчака?), якобы спрятанном где-то в чащобах Забайкалья; и там

и хрустящие нотки
засеяли лунную тень,
робким ритмом шагов
затихая в сугробах печали
неразгаданной тайной
на самом краю Бытия
в замерзающей Вечности,
сжавшей Вселенную снова,
чтоб молитвой случайной
пророс в день Пришествия я
стебельком человечности
к Жизни воскресшего Слова.

Не грусти, обнаружив, что детство ушло,
что беспечная юность умчалась куда-то,
что пришла юбилейная, грустная дата,
что гнёт прожитых лет ощущать тяжело.

Не горюй, что морщины и шрамы у глаз
смыть не смогут мужские прогорклые слёзы,
что, рифмуя поэзию с буднями прозы,
ретушируешь мудрый покой под экстаз.
Не печалься о том, что не в силах вернуть,
ощутить, передать, пережить, переделать,
что нельзя исцелить увядание тела
и продлить в бесконечность начертанный путь.

Нам судьбою дана лишь одна из дорог.

В этом времени ты совершил то, что мог.

Заря закатом отыграла.
Созвездия пронзили тьму.
Кружась, как призрак у причала,
туман росой упал в траву.
Поют восторженно цикады,
испив нектара допьяна.
И на призывы серенады
восходит юная луна.
И слышен павших листьев ропот
в тоске воспоминаний, и
ночных фиалок страстный шепот
о чудных таинствах любви.

Вырезаю... остриём пера... Стих
из самой сердцевины сердца,
сохраняя в стужу жар костра,
чтоб Идущий мог в пути согреться.
Выставляю Жизнь на суд веков,
не тая предчувствия и чувства.
Резонанс разорванных оков
превращаю в звонкое Искусство.

Для тебя, уставший Человек
в Мир Возвышенной Поэзии пришедший,
Песней окрыляю Новый Век,
день грядущий и давно ушедший.

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ДОМ

После долгих дорог из гордыни своей
я ступил на порог у закрытых дверей.
И стучит моё сердце в заколоченный дом.
Мне б войти, отогреться и очиститься в нём
от мирской суеты ненасытных торгов,
от святой простоты дружелюбных врагов,
от хлопот прагматизма и казённых щедрот,
слепоты фанатизма и от рабских свобод...

Но замкнулся мой дом сам в себе навсегда,
запаучился сном, оборвал провода,
и морщинами трещин без хозяйственных дел,
без забот мудрых женщин на фундамент осел.
В нём разрушен очаг и не видно свечей.
Он разграблен и наг без жильцов... Он ничей...
В нём царит запустенье и безжизненный мрак...
И в его Воскресенье не вернуться ни как.

А КТО БЫЛ КТО?

Курган разграблен. Череп
беспомощно глядят на свет.
Смерть неизбежна и слепа,
и у неё любимцев нет.

До встречи с ней я был бы рад
решить вопрос ещё один:
из погребённых кто был раб,
а кто — всеильный властелин?..

ЧЁРНЫЙ АРХЕОЛОГ

Летучей мышью ночь бесшумно пролетела...
Парит над «чёрным археологом» дыра...
Белеют кости захороненного тела...
Собрать добычу древних ценностей пора...

Но вот беда: канат подъёмный снялся с крюка,
как будто сброшен вниз Хранителем могил,
в подземном прахе затаился, как гадюка...
И вознестись у вора нет ни крыл — ни сил.
И он клянёт, за жизнь цепляясь, мать и чёрта,
и, вспомнив Бога, слёзно молит, чтоб помог,
чтоб для спасения Господь послал кого-то...
Но... далеко... курган... от храмов... и... дорог...

Холст чистый сохнет от любви.
И вдохновеньем пахнут краски.
Хочу вас написать без маски.
Жду, чтоб на миг открылись вы.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

Наталья Трушкова

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

(судьбы людские)

Начало моей работы в газете ознаменовалось таким событием. Нужно было сдать материал, а задания никакого не было. Я новенькая, ничего и никого не знаю, да и профессионализм... Зима, мороз под 40 градусов. Иду, мучительно размышляя. Вдруг вижу — вокруг балка (вагончик, в котором живут люди) по снегу бежит маленький мальчик в одних трусиках. Заворожено иду к нему. Перед самым моим носом, он забегает в свой балок. Я за ним. Меня встречает высокий плечистый мужчина. Видит мои восхищённые взгляды, которые я бросаю на его карапуза, приглашает войти. Я что-то лепечу про газетное задание. Он довольно улыбается. В комнате всё просто, обшито, но на телевизоре фотография хозяина в костюме космонавта. А в посёлке живут условники, как бы заключённые на вольном поселении. Я смотрю на хозяина и ничего не спрашиваю. Он ничего не объясняет. Мы смотрим друг на друга и молчим.

Судьбы людские...

.....

По заданию редакции лечу в дальний посёлок. Нашла школу, разговариваю с учительницей начальных классов. Ей около сорока, среднего роста, черноволосая, лицо доброе, какая-то бесшумная улыбка. И я вижу: нет передних зубов. Она шепелявит. Жалуетесь — нет зубного врача. Нужно лететь к нам в посёлок, в районный центр, где есть дантист. Надо бросать детей, школу, дома тоже детей и корову. Не может ни работать, ни учить детей, потому что не может правильно произносить буквы: «Дети, это суба и сляпа. Повторите!» — «Суба, сляпа!» — «Да нет, не так!» — «А как?»

Чуть не плачет. И я вместе с ней...

.....

Во время моей работы в качестве журналиста, я была выбрана заседателем народного суда и часто бывала на судебных заседаниях.

Помню одно выездное заседание. Судья, полная крупная женщина, с гладко зачёсанными волосами, собранными сзади в узел, кто ещё и я, высокая, довольно стройная женщина, довольно молодая, в довольно прозрачной кофточке.

Достаточно петь дифирамбы Победе.
Сказать надо правду, такую, как есть:
Ещё у солдат не залечены раны —
В России ж гуляет фашистская спесь.
Ещё ветеранам бои не отснились,
Их страшная Память держит в плену.
И кто виноват, и как получилось,
Что выродков мы допустили в страну?!

Настала, как видно, пора покаянья.
Закончился век роковой...
Я кланяюсь Вам своим низким поклоном,
Солдаты Второй Мировой!

Сотрите мёртвый макияж
и ядовитую помаду.
Я вас не вижу сквозь браваду.
Вы превратили жизнь в мираж.
И погружаясь в теле-сны
больной, юродивой страны,
реальность спутали с мечтами.
Но я сегодня рядом с вами
пытаюсь страстными стихами
вернуть в чудесный мир весны.

Снег исчезнет и старая грязь
разнесётся по битым дорогам,
по тропинкам людским и порогам,
очерняя житейскую вязь.
И захочется в зиму опять,
когда небо свежо и искристо,
когда всё белоснежно и чисто,
чтобы вновь о весне помечтать.

У лунного моря
сiju на вершине скалы
как будто на троне,
а снизу кометами волны,
со звёздами споря,
дробят в изумруды валы,
в азартной погоне
врываясь на горные склоны.
Мой сказочный край,
ты терял, но дождался меня,
дары дорогие
оставил на праздничный вечер,
искрись и играй
фосфорической пеной огня.
Пусть соль ностальгии
в скитаньях напомнит о встрече.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ВЕРНУСЬ

Возвращаюсь к Земле из тоски по Вселенной.
Приземляюсь понять, чем планета живёт...
Облака омыают живительной пеной
затяжной, в притяжение, «свободный» полёт...
Океаны в морщинах... Из восходов в закаты
уплывают уставшие материки...
Горы, чащи, пустыни словно школьные карты...
Вот затерянный дворик у сонной реки...
Над балконами сушатся флаги жизненной прозы...
Старый глобус азартно футболит шпана...
Как и прежде по радио щедро льются прогнозы...
Постаревшая мама грустит у окна...

Я покинул тебя лишь на миг,
моя милая Вечность.
Здесь любовь и страданья,
жажда жизни, надежда и смерть.
Среди атомов звёзд я постиг,
Как мала Бесконечность.
Но продолжу скитанья,
чтоб любить, быть любимым... и... петь...

* * *

Утро — день — вечер — ночь...
Весна — лето — осень — зима...
Год за годом — за годом год...
Вдруг отрезвит аритмия цунами
от эйфории вулканных времён
и катаклизмов с бредовыми снами.
Вечный конфликт, где с гармонией хаос
сосуществует в реалиях Мира
от макрокосмоса до микрокосма
вдруг осознавшем себя человеком
волей Творца в эпицентре создания
жаждущим смысл бытия разгадать...
Вспыхнет звезда, но остынут созвездья.
В пепел и пыль превратятся планеты.
И вместе с ними исчезнут творенья
самых великих под аурой света.
Я же явился в агонию мира
миссионером Воскресшего Слова,
чтобы в отпущенном, жизненном миге
вы о бессмертии вспомнили снова.

Спи моя доченька.... Спи ранним сном...
Может, мы встретимся в небе потом...
И в Бесконечности Млечным Путём
новым созвездием в Вечность войдём...
Может быть, в космосе тихо опять
буду тебя на руках я качать...
Нежно поглажу головку твою
и колыбельную песню спою...
Сказку припомню о доброй любви...
Только во сне ты меня позови...
Я поцелую ресницы и лоб...

Рядом с твоим закопают мой гроб...
Может, тогда я сумею помочь
преодолеть безысходную ночь...

А ливень лил... и лил... и лил...
смывая траурные ленты
со свежих холмиков могил...
В нём исчезали континенты...

вовал один из местных жителей, случайно оказавшийся на месте события.

Первую сбросили Великую княгиню Елизавету Фёдоровну. Она громко молилась, говоря: «Господи! Прости им, не знают, что делают!» В час своей кончины она молилась за своих убийц! Это ли не подвиг?! На этом митарства Великой княгини и остальных казнённых не были закончены. Её бездыханному телу придётся преодолеть ещё немало трудностей, прежде чем оно обретёт покой в православном храме Святой Марии Магdalины города Иерусалима. Этот храм был построен на средства императора России Александра III совместно с братьями — Владимиром, Алексеем, Сергеем и Павлом, в честь их матери, императрицы Марии Александровны.

Найденные казнённые были обмыты, одеты в белые саваны и положены в деревянные гробы. Гробы с телами усопших поместили в кладбищенскую церковь Алапаевска, где совершились панихиды и чтение псалтыри. В связи с наступлением Красной Армии, все восемь гробов 1 июня 1919 года направили поездом, а в августе они прибыли в Читу. В Чите их поместили в женском Покровском монастыре. При вскрытии гробов было обнаружено, что тело Великой княгини не было тронут тлением.

Читу заняли войска красной Армии, и гроб с телом святой преподобной мученицы Елизаветы Фёдоровны пришлось тайно хранить под полом одной из келий целых шесть месяцев. И только 26 февраля 1920 года гробы с останками направили поездом в Китай, в апреле их встретила русская духовная миссия в Пекине. Там же был сооружён склеп у храма святого преподобного Серафима Саровского. Сёстры и брат Великой княгини Елизаветы Фёдоровны пожелали похоронить тела Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары в храме святой Марии Магdalины в Иерусалиме, куда их привезли в январе 1921 года.

Так закончился великий подвиг земного человека, ставшего Святой великомученицей, Великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой.

ПОКАЯНИЕ

*Братьям моим старшим, прошедшим
эту страшную войну*

Полвека прошло с того славного года,
Когда над рейхстагом взвился русский стяг.
Повержен фашизм! Ликуют народы,
И радости слёзы у всех на глазах.
Чтоб мир защитить от фашистской напасти,
Вставали герои, отваги полны.
Так оба народа, обмануты властью,
Ввязались в кровавую бойню войны.
Минуло полвека. А что изменилось?
Ещё не зарыты останки солдат,
А мы разжигаем всё новые войны,
Бросая в тот молох всё новых ребят!
Так низко мы пали, что всё позабыли:
О ветеранах военных своих.
Торгуем на рынках всю орденами,
Забыв, что торгуем судьбами их.

Помимо благотворительности в своей обители, Великая княгиня ещё опекала бедноту «Хитровки», так москвичи в народе называли Хитров рынок — «...разбойное логово», по словам В. Гиляровского. Она бесстрашно, практически в одиночку, в сопровождении всего лишь одной сестры милосердия, систематически посещала это опасное в криминальном смысле место. Не исключая трактиры и ночлежку, где проводила благотворительную работу среди их обитателей: нищих, бродяг, карманных воров, взломщиков, спекулянтов, скупщиков краденого, беглых арестантов, уголовников. Полиция неоднократно предупреждала Великую княгиню, что не может отвечать за её безопасность. Но Елизавета Фёдоровна продолжала свою работу по спасению человеческих душ. По притонам она собирала сирот, воспитание которых продолжалось под её началом в Марфо-Мариинской обители.

К этому времени она стала помышлять о том, чтобы закончить свой жизненный путь в одном из глухих монастырей России, а управление обителью хотела передать своей племяннице Великой княгине Марии Павловне. Кроме перечисленных её благодеяний, она была ещё и большой покровительницей российских паломников в Иерусалим. Княгиня оплачивала стоимость пароходных билетов из Одессы в Яффу, а в Иерусалиме построила для них гостиницу. В итальянском городе Барии она купила земельный участок, где в 1913 году по проекту русского архитектора А. В. Щусева было начато строительство православного храма. Но с началом Первой мировой войны оно было приостановлено.

Приближалось время большевистского переворота, наступал 1917 год. А за ним и 1918й, трагический для Великой княгини и всей царской семьи. Елизавете Фёдоровне предлагали выехать из России за рубеж, но она категорически, как истинный патриот, отказалась. А на третий день Святой Пасхи в 1918 году она была арестована большевиками и вывезена из Москвы. Теперь она навсегда покидала свою обитель, где творила столько добра. Она оставляла массу благотворительных учреждений, где спасала тысячи человеческих судеб. Уезжая из своей Марфо-Мариинской обители, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна переступала порог к святости.

Увозили её латышские стрелки. Русским солдатам Ленин боялся доверить это мерзкое дело, опасаясь, что солдаты, зная деяния Великой княгини, сорвут его дьявольские намерения. Елизавета Фёдоровна уезжала с сёстрами милосердия, которые отказались оставить её одну, Варварой Яковлевой и Екатериной Янышевой. В эту группу арестантов входили ещё великий князь Сергей Михайлович, князь Владимир Палей, Константин Константинович, Иван Константинович и их служащие Рельзов и Круковский. Вся эта группа 20 мая 1918 года была доставлена в Алапаевск и размещена в одной из школ города. А 17 июля в школе появились чекисты, отобрали у арестованных деньги и сказали, чтобы они были готовы к отправке в другое место: в Верхнее-Синягинский завод рядом с Алапаевском. А ночью произошло непоправимое: жители города слышали выстрелы и взрывы гранат. Это производилась экзекуция над беззащитными людьми. Их палачи стали сбрасывать живыми в заброшенную шахту, при этом избивая прикладами винтовок. Об этой свирепой бесовской расправе позже свидетельст-

Вода скрывала под собой
долины, плоскогорья, горы...
Была не благом, а бедой...
И Землю затопило горе...
Но люди... жаждали... спастись,
с надеждой ожидая Ноя...
Молились в пасмурную высь,
Творца Вселенной беспокоя...
Осознавая, что Потоп,
как Кара, господом ниспослан...
А Плотник... нёс... к потоку... гроб,
а в нём... крестом... лежали... вёсла...

Александр Бойченко-Керченский

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

Поколение, не видевшее войны, считает, что это — стрельба, трупы и реки крови. Но это не так. Несмотря на такое трудное и опасное время, были смех и слёзы, песни и танцы, подвиги и любовь, и даже свадьбы...

Такие, казалось бы, незначительные, на фоне военных действий, события, имели место и скрашивали суровые будни, поддерживали боевой дух народа...

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Полевой госпиталь расположился в прифронтовой деревне. Она несколько дней тому назад освобождена от фашистов. В ней уцелело с десятков домов, с повреждениями и школа. Вот здесь и обособился госпиталь. За время боёв школьное здание тоже кромсали мины и снаряды, но несколько классов удалось приспособить под палаты.

Раненый пожилой солдат Кусков, придя в себя после операции, оглядел пристальным взглядом ободренные стены, раненых, которые лежали и сидели на полу, облегчённо вздохнул и сказал:

— На-ка, выкуси, фриц поганый! Я-то живой...

Раненые, как по команде, глянули в его сторону, а молодой, с подвешенной на косынке рукой, удивился:

— Ты о чём, батя?

— О фрицах. Это хитрая вражина. Победить их — не раз плюнуть и шапками забросать...

— Было такое настроение в начале войны, — согласился солдат.

— ...и всё же, — продолжал пожилой, — против нашего солдата германец жидковат.

— Почему? — не понял молодой.

— Хотя бы потому, что у фрица ряха чуть не треснет, как переспелый арбуз, пузо во, — развёл он руками, спеленатыми бинтами, словно младенец, поморщился и добавил, — а кишка тонка...

— Какая кишка? — удивился молодой.

— Это такая приговорка. Далеко им до нас. Даже медсестра, когда я лежал насквозь раненый, расстреляла фашистов, как куропаток... — он помолчал и вздохнул. — Жаль только, когда по-

После трагической смерти мужа, у княгини зародилась мысль о создании Марфо-Мариинской обители, которую она осуществила после 1906 года. В траурном одеянии по супругу, княгиня ходила по церквам и госпиталям, молясь и всячески помогая раненым и больным, напрочь отказавшись от светских увеселений. У Елизаветы Фёдоровны было большое количество драгоценностей, которые она решила использовать на благо и нужды обездоленных людей. Расставшись со своими ювелирными украшениями, она тем самым навсегда распрощалась со светской жизнью. Она разделила всё своё богатство (включая и обручальное кольцо) на три части. Первую из которых, подарки от императорской семьи, решила отдать казне. Вторую — подарила родственникам. А самую ощутимую, третью пустила на постройку обители молитвы, труда и милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елизавета Фёдоровна купила усадьбу с четырьмя домами и большим садом. Так появилась Марфо-Мариинская обитель труда и милосердия, названная в честь святых Марфы и Марии.

В одном из домов разместились трапезная, кухня, кладовые и прочие хозяйственные помещения. Другой дом был оборудован под больницу, где было четыре палаты и палата для тяжелобольных, операционная и перевязочная. Здесь же часть дома занимала церковь. Следующий дом вместил в себя амбулаторию с аптекой и шестью кабинетами, где бесплатно обслуживались больные тридцатью четырьмя врачами. Только за 1913 год амбулаторию посетили и получили медицинскую помощь 10 814 больных. Как в больнице, так и в амбулатории были библиотеки, где помимо художественной литературы была литература для нравственного воздействия на читающих. И, наконец, последний дом — это был дом настоятельницы, там же была квартира священника и классы с библиотекой для обучения девочек. В 1909 году Великая княгиня купила дополнительно участок земли с домом, прилегающий к саду обители. Здесь разместилось общежитие для сирот, а в оставшейся части дома была гостиница для приезжавших в обитель поговеть.

Построенный рядом с больницей храм был открыт в сентябре 1909 года и освящён епископом Трифоном. А в 1911 году в честь Покрова Пресвятой Богородицы был Елизаветой Фёдоровной построен второй большой храм по проекту академика М. В. Щусева, роспись в котором сделал художник М. В. Нестеров. Великая княгиня вела жизнь настоящей подвижницы. Спала на кровати без матраца, на жёсткой подушке, сокращая время сна иногда до трёх часов в сутки. В полночь она вставала, молилась и обходила палаты больных, зачастую ухаживая до рассвета за тяжелобольными, оказывая всяческую помощь страдающим. Часто посещала ночные службы в церквях и монастырях Москвы и в Кремле. Неукоснительно соблюдала посты. Пищу употребляла в самых умеренных количествах, стараясь во всём подражать монахам-подвижникам. Постоянно находилась в полном послушании у своих духовных отцов. В Марфо-Мариинской обители Великая княгиня всегда брала на себя самую ответственную работу. Ассистировала при операциях, делала перевязки, ухаживала за больными, выполняя всё это, как рядовая сестра милосердия. Она всё делала сама, не прибегая и не требуя никаких услуг со стороны obsługi.

Владислав Миляновский

ПРЕПОДОБНАЯ МУЧЕНИЦА ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА РОМАНОВА

Елизавета Фёдоровна, в девичестве Гессен-Дармштадтская принцесса, дочь Великого герцога Людовика IV, была старшей родной сестрой российской императрицы Александры Фёдоровны, жены императора Николая II и женой Великого князя Сергея Александровича Романова, родного брата императора Александра III.

После долгих, мучительных раздумий, великая княгиня 13 апреля 1881 года приняла православие. А 1 ноября 1989 года в Синодальном Соборе Знамения божьей Матери в Нью-Йорке, где находилась кафедра Первоиерарха Русской Православной церкви, проходило торжество прославления новомучеников и причисление её к лику святых. Об этой исключительной женщине Протопротопоп М. Польский говорил в своей книге «Новые мученики российские»: «Великая княгиня была редким сочетанием возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещённого ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией. Её нельзя было смешать с другими... Она всюду вносила с собою чистое благоухание; быть может, поэтому она так любила белый цвет; это был отблеск её сердца». Чтобы дополнить её образ, воспользуюсь воспоминаниями графини А. Олсуфьевой, которая в своей брошюре охарактеризовала Елизавету Фёдоровну так: «Она имела дар притягивать к себе людей, не прилагая к этому усилий. И чувствовалось, что она находилась в высших сферах, и она помогала и другим подниматься вверх. Она никогда не давала почувствовать другому человеку его слабости». Её отличало глубокое знание человеческих душ. Она сразу могла понять и определить человека. А такие качества, как хитрость, ложь и раболепство были ей противны.

С трагическим уходом из жизни её супруга, Великого князя Сергея Александровича, Елизавета Фёдоровна ещё больше преданная Богу и молитве. Она носила траур и постоянно молилась в храмах. После взрыва бомбы, брошенной в Великого князя террористом Каляевым и той ужасной картины, которую увидела княжна (в куски разорванного мужа), она полностью отказалась от употребления в пищу не только мяса, но и рыбы, стала вегетарианкой. Теперь на её столе были: хлеб, молочные продукты, яйца, овощи и фрукты. В быту она тоже отказалась от роскоши. Её спальня стала напоминать монастырскую келью, так как вся княжеская мебель была из неё вынесена. Стены перекрашены в белый цвет, и везде повешены иконы, да картины духовного содержания.

слышалось наше «Ура!», откуда ни возьмись, фриц и полоснул очередь по ней, а я потерял сознание...

Везли их на одной подводе, и оба без сознания. Сестру бил озноб, губы посинели, щёки провалились, скулы заострились, дышит тяжело, с надрывом.

Снимая раненую с подводы, старый санитар удивился:

— Ну, милая, ещё рано тебе умирать. Сложила руки, словно покойник. Врачи у нас...

Он не договорил. Девушка открыла глаза, потускневшим взглядом глянула на санитаров и потеряла сознание. Кусков бредил и метался в жару. Их быстро внесли в операционную.

А произошло вот что. В тот день взвод Кускова атаковал лесной массив, где засели гитлеровцы. Бой завязался не на шутку. Фашисты упорно не желали уходить из перелеска. Наши не успели обходным манёвром обойти врага с флангов, как вдруг к врагу подошло подкрепление. Пришлось отойти.

Кусков в этот момент пытался закрепиться в густом дубовом подлеске, и тут его сразила пулемётная очередь. Жутко стало солдату при мысли, что он останется один, когда товарищи отходят. Временами он терял сознание, а, очнувшись, звал на помощь. Вдруг, удивительно спокойный женский голос:

— Тихо, солдат! Я с тобой!

— Разве я не один? — прошептал раненый.

— Раз я с тобой — уже не один.

Кускову казалось, будто он бредит. Откуда в этой глухомани женщина? А она уже рядом. Осмотрела раны, разрешила гимнастёрку и стала бинтовать. Руки тёплые, ловкие, умелые. Она делала перевязку и предупреждала:

— Молчи! В лесу полно фашистов. С нами ещё трое. Жаль, ранены...

Кусков огляделся. Неподдалёку лежали на лиственной подстилке раненые. «Это она так устроила их?» — мелькнула мысль. Он вздохнул и спросил:

— Что будем делать, сестрица? Найдут — добьют?

— Сражаться! — усмехнулась девушка. — Вот и автомат...

— Руки-то перебиты.

Она задумалась. А через некоторое время выдохнула:

— Ладно! Оружием и я могу. Ты только молчи. Фрицы лес прочёсывают...

Кто-то из лежащих в стороне, застонал и попросил:

— Воды! Хотя каплю, — и потерял сознание.

— Где взять эту каплю! — вздохнула сестра. — Терпи до ночи, а там что-нибудь придумаю...

Неподдалёку под ногами затрещал валежник. «Фрицы!» — подумала девушка, прикрыла Кускова ветками, взяла автомат и залегла у пня. Она увидела гитлеровцев. Двое о чём-то спорили, а третий расчищал тесакom проход. Немцы прошли шагах в двадцати от тайника.

— Не заметили, — облегчённо вздохнула она.

Раненые всё настойчивее просили воды. Девушка, как могла, просила потерпеть. А когда стемнело, взяла автомат, две гранаты и сказала:

— Ждите! Постараюсь пробраться в село.

«Что ж, — подумал Кусков, — у неё один выход — уйти. Ей, возможно, ещё удастся пожить, а с нами наверняка погибнет...»

Она вернулась. Уйти ей не позволило фронтовое братство, а главное: бросить раненых — великое преступление. Об этом у девушки даже в мыслях не было.

Возвратилась с ведром воды и большой тёплой хлебиной. Где взяла, не говорила. Раненые набросились на воду и не могли напиться. Потом ели вкусный хлеб.

Кускову стало стыдно за свои мысли, будто она способна бросить раненых. «Это из-за потери крови мысли запутались» — оправдывал себя. Вскоре его сморил сон. Спал беспокойно — мучили раны.

— Проснулся и увидел, — продолжал Кусков, — небо и верхушки деревьев порозовели. «Утро», подумалось, и ощутил на себе полдуба. Это медсестра укрыла меня ветками. В щели видно, что и другие укрыты так же. А её не видно. Автомата и гранат около меня нет. В это время неподалёку качнулся куст и возглас:

— Хальт!

В ответ длинная автоматная очередь. Два фашиста наповал, а третий подпрыгнул и бросился бежать, как перепуганный заяц. Из кустов вышла медсестра с автоматом в руках. Из его дульного среза ещё вился дымок. На мой вопросительный взгляд, она усмехнулась:

— Не волнуйся, солдат. Бывало и хуже.

Немцы ещё издали кричали:

— Русс, сдавайся!

— Сейчас! — хмыкнула девушка. — Спешу, аж потею. — И метнула гранату, с криком: — Получайте подарок!

Немцы, видимо, подумали, что здесь окопался взвод солдат, и осторожничали. Этим она выигрывала время. Я предложил:

— Ты бы уходила, сестрица! Нам и так крышка...

Ещё посмотрим, кому крышка, — процедила сквозь зубы девушка и бросила вторую гранату.

Немцы залегли. Медсестра строчила из автомата и швыряла гранаты. И вдруг наше «Ура!».

Кусков умолк, вздохнул и продолжал:

— Какая жалость, когда фашисты стали отходить, её и сразила очередь из автомата. Храбрая была девушка...

В дверях стоял врач в белом халате с пятнами крови, и, улыбаясь, слушал старого солдата. Он перебил его:

— Жива она. Выдержала операцию...

— Во-о! — воскликнул Кусков. — Говорил я — кишка тонка! Даже девочку не смогли победить, а лезут!

— Вас обоих, — прервал врач, — отправляют в тыловой госпиталь.

Кускова уложили на носилки. Санитары подняли их, и пошли к дверям, а он крикнул на прощанье:

— Счастливо оставаться, ребята!

— А вам удачной дороги! — услышал в ответ. — Без бомбёжек и обстрелов!

Врач улыбнулся и пошёл по своим делам. Ему стало на душе радостно, что ещё двоих отнял у смерти. Носилки погрузили в кузов

раक्टर. Археологи, в частности, Ирина Дмитриевна Марченко, советуют искать расщелину в окрестностях Фанагории, на Майской горе, которая с севера на юг прорезана глубоким логом, отделяющим восточную грязевую сопку от западной. Грязевые вулканы воспринимались древними, как «уста нечестивых» или места входа в подземное царство. Синдская расщелина вполне могла быть «входом в Аид» — местонахождение подземного царства. Так или иначе, регион Северного Кавказа считался у древних греков концом света, иначе, краем ойкумены (населённых людьми земель).

Природа позаботилась, чтобы соединить два берега — Крым и Кавказ. На геологических картах хорошо видно, как коса отходит от Таманского полуострова. В её основании лежат твёрдые геологические породы, поверхность же намывная. Узкой полоской, длиной где-то до семи километров, протянулась она поперёк пролива, отделяя Чёрное море от Азовского. Не трудно представить, что во все времена коса могла быть узкой дорогой, соединявшей берега пролива. Об острове Аллопека, лежащем внутри пролива, сообщал ещё римский писатель Плиний Старший (I век н.э.). Остров этот идентифицируют с косой Тузла. Древнее название «Лиса» возникло вследствие просопопеи, так как коса по своему виду напоминала лису и периодически принимала вид то острова, то косы, соединяясь с Таманским полуостровом.

Необычайное явление произошло на косе в наши дни. В конце восьмидесятых здесь дважды проводили свои форумы фантасты, подарив косе своё название «Комариная плешь». А 27 сентября 1993 года на Тузлу высадился десант художников-акмеистов, проводивших здесь «Боспорский форум современной культуры».

Это был фарс, разыгранный крымско-московской литературной группой «Полуостров». А в советское время среднекосинцы доводились игрой на баяне при выезде горсоветовских работников на Тузлу, когда, в аромате ухи, самодеятельностью занимался и глава горсовета. Балагурили здесь Тарапунька со Штепселем, пели куплеты девушки из филиала «Керчьрыбпрома». Говорят, что как-то летом сюда затесался возмутитель спокойствия Владимир Жириновский...И, точно, посетил островок Леонид Вышеславский, «окосевший на косе». Последний отдал Богу душу в год великого солнцестояния, когда вновь разразился звёздный дождь, так подробно описанный Сергеевым-Ценским в его рассказе «Конец света».

Пророческими оказались и слова писателя о «границе». Стационарная застава появилась здесь спустя 72 года, как о ней возвестил миру академик Сергеев-Ценский. Капитаны судов, платящие за лоцманское и навигационное обслуживание Украине, с укоризной поглядывали на косу с возвышавшимся над ней краном: шло строительство военного городка, и кран принимал вид то вопросительного, то восклицательного знака.

Бестолковщина продолжается. Россия строит дамбу, даже не укрепляя её, украинцы углубляют свой канал...

И кончится всё, скорей всего, тем, что косу вовсе смоем течениями.

В довольно узком месте Керченского пролива в своё время лежала коса Тузла, но в 1925 году сильный шторм перервал её у берегов Кавказа, превратив в остров. Но название так и осталось, приобретая со временем имя Средняя коса. По тому, насколько дружно, или наоборот, разрозненно шла хамса через тузлинскую промоину, рыбаки теперь определяли запасы рыбы, её возможный вылов.

Среднюю косу читателям СССР «открыла» Мариетта Шагинян, так же корреспондент «Известий». Она буквально воспела в своё время необитаемый остров, быстро обжитый рыбаками. «О Тузле лучше не заговаривать с керченскими рыбаками, — писала она. — Коса Тузла была их золотым дном, сюда подходило тёплое течение из Чёрного моря, и здесь оно задерживалось, а вместе с ним задерживалась и сельдь, когда в феврале-марте возвращалась в Азовское. До пяти тысяч простых сетей выставляли на неё рыбаки, не считая волокуш и других орудий лова...»

Уже в 1953 году, ставился вопрос о закрытии Тузлинской промоины. Учёные и практики рыбной промышленности работали над этой злободневной темой.

Человек не однажды пытался использовать узкое место Керченского пролива. Турки возвели дамбу из больших камней между оконечностью косы и мысом Ак-Бурун, затопив при этом в фарватере крупные суда. В Крымскую войну между Павловской батареей и оконечностью косы пролив был частично заграждён потопленными старыми судами, а проход между ними — перекрыт бревенчатым боном. Однако, бон был разорван течением, а затопленные суда не представляли для союзников существенной преграды.

Но вернёмся к оставленному на время рассказу Сергеева-Ценского.

Знаток русского языка, лингвист, академик любил Крым. «Крым, его природа, Чёрное море одарили меня многим, — говорил он. — Само слово «Крым» звучит для нас, как материнская ласка. Мы представляем пахучие, стройные тёмно-зелёные кипарисы и лёгкий пенистый прибой...». Много раз бывал писатель в Севастополе, где встречался с матросами Черноморского флота. Самое популярное его произведение «Севастопольская страда», — рассказ о событиях и героях обороны Севастополя 1854 — 1955 г.г. От редакционных работников, занятых его произведением, он требовал безупречной грамотности. В частности, требует, чтобы те произносили слово «страда», делая ударение на последнем слоге.

Народ издавна произносит название косы с ударением также на последнем слоге, именно это произношение его правильно. Ныне же работники радио почему-то произносят его с ударением на слоге первом, забывая о напуганности академика, умершего 45 лет назад. В рассказе Сергеева-Ценского не раз упоминается это название.

«— Вот мы с тобой, Костик, куда заехали.

— Это и есть конец света?

— Да-а, отчасти... Граница! И Кавказ отсюда рукой подать...».

Обитателями Кавказа в древности являлись синды. Последние дали имя Синдской расщелине. Её упоминает античный автор Гиппократ (VI век до н.э.), а также в более позднюю эпоху Стефан Византийский, который придавал ей сакральный, символический ха-

полуторки и машины медленно покатали к станции, где стоял санитарный поезд.

КАШЕВАР

На войне иногда происходило такое, во что трудно поверить, но случилось. Такую историю рассказал мне бывший санитар полевого госпиталя. Поведал ему её солдат с ранением в правую руку.

Произошло это во время нашего отступления. На одном участке фронта наши закрепились в обороне. Немцы, как с цепи сорвались, лезут и лезут. Обломав зубы о позиции полка, откатываются назад. И так без конца. Наконец, заговорила вражеская артиллерия. Снаряды рвались сплошной стеной, но вреда полку не приносили. Стреляли неточно. Тогда вызвали авиацию.

Самолёты кружили над позициями полка в «чёртовой карусели». Так называли бойцы, когда «штукасы» пристраивались друг другу в хвост, образуя кольцо, и сбрасывали бомбы в одно место по очереди.

Ни вздохнуть, ни охнуть. Полк несёт потери, а здесь ещё пропал кашевар. Весь штаб оставил без завтрака и обеда.

— Ничего себе, кормилец! — ворчали офицеры. — На измор берёт нас?..

Он всё же появился. Пришёл пешком с вещмешком за плечами и судками в руках. Вид измученный, бледный, как стенка, брови нахмурены, а в глазах тоска.

— Что с тобой, кормилец? — изумился один из офицеров. — Голодом решил заморить?

Солдат досадливо отмахнулся:

— Вам бы такое!

— Да что случилось, голубчик?

— Нет больше моего мерины.

— И где он? Забрали?

— Фашистский «ас» расстрелял. А я принёс вам только второе.

Первое тоже погибло...

— Интересно?! — вмешался начштаба. — Доложи подробней.

— Ну, понимаю, вёз бы я...

А без «понимаю» и «ну» можешь? — перебил его начальник.

Парень посмотрел на него, вздохнул и продолжал:

— ...вёз бы я, скажем, боеприпасы... — он осёкся и глянул на начштаба. Тот усмехнулся и промолчал. — А ведь доставлял всего-навсего простой обед!..

— Откуда ему знать, что у тебя под брезентом? — усмехнулся офицер, чистивший оружие.

Кашевар вздохнул и продолжал:

— И что же вы думаете? Появляется стая «штукасов», и ну пикировать на мой транспорт. Свалился я с повозки, ползком добрался до канавы и скатился в неё. И вовремя. Пулемётная очередь жихнула над головой, и самолёт с рёвом пронёсся. Поднимаюсь и вижу: коняга моя стоит, как статуя бетонная. Видимо, впала в шок. Ни единая пуля не затронула её. Я обрадовался и приласкал мерины. Он благодарно заржал. Глянул я в повозку — о, батошки! Бак пробит. Суп булькает через пулевые дырки. Быстро разорвал полотно и законопатил дыры. Сам проклинаю гитлеровского лётчика.

Пока я ликвидировал течь, и не заметил, как один самолёт возвратился и пошёл на меня. Коняга сорвалась с места и пустилась галопом по степи. Видно, отошла от шока. Бидоны, термосы, хлеб, ложки, вилки, миски разлетелись по сторонам. Фашист, паршивец, заходит над повозкой и очередью по ней. Конягу наповал, подвода перевернулась вверх колёсами. Когда я подбежал, лошадь захрипела, дёрнула ногами и затихла. Фриц пролетел мимо меня низко, и хохотал. Меня взяло такое зло, что схватил винтовку и пальнул.

Кашевар умолк и как-то виновато глядел на офицеров.
— Ну, и что? — не выдержал один.
— А ничего. Вначале он задымил, а потом упал и взорвался...
— Кто?! — удивились офицеры, отрываясь от еды.
— Самолёт, — тихо, как бы виновато, проговорил солдат.
— Постой, постой! Так ты что, сбил его? — удивился начштаба.
— Проверим и представим к награде.
— Мне бы лошадёнку, — вздохнул кашевар.
— Ты что, — удивился один из офицеров, — случайно не контужен?
— А чего? — не понял солдат.
— Тебе обещают орден, а ты «лошадёнку»...
— Ничего, — вмешался другой, — не падай духом, парень! Будет тебе и белка, и свисток...
Офицеры грянули дружным смехом. А рядом с блиндажом разорвался тяжёлый снаряд. Земля задрожала, как при землетрясении, с потолка посыпалась труха.
— Ты бы, — предложил начальник, — уходил. Фрицы злые за самолёт.
Кашевар собрал посуду и не заставил себя долго упрашивать. Бывают всякие зигзаги на фронте. Получил он свой орден и лошадёнку с подводой.

«ЯЗЫК»

Дали ему орден и лошадёнку с подводой, но не сразу. То ли за были, то ли фронтовые обстоятельства мешали.

Прошла неделя. Кашевар по-прежнему носит пешком провизию для штаба. Нагружен он, как верблюд. Термос с первым за плечами, бачок со вторым, хлеб, водка — фронтовые сто граммов на каждого...

Всё бы ничего, да винтовка мешает. Командир взвода запретил ходить на передовую без оружия. Солдат выбирал момент, когда взводный отлучался, прятал винтовку и отправлялся кормить офицеров.

Однажды утром, когда солнце только выкатилось из-за горизонта краснобоком яблоком, идёт он и наслаждается тишиной. Даже не верилось ему, что так бывает на фронте. Устал. Решил отдохнуть. Когда обернулся, то замер с открытым ртом. За ним, метрах в ста, шли трое немцев в полном вооружении. «Что делать?!» — мелькнула мысль. Видимо, фашисты поняли, что он без оружия, и решили взять его живым.

Кашевар припустился бежать. Термос за спиной колотил по хребту, но боли он не чувствовал. Добежав до густых кустов, укрывшись за ними. А мысль стучит в висках: «Что дальше?». И вдруг

КРАЕВЕДЕНИЕ

Борис Случанко-Поплавский

«КОНЕЦ СВЕТА» СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский... Не однажды бывал он в Керчи, где останавливался в местной гостинице, вёл долгие беседы с моряками и рыбаками. «В Керчи нет настоящей пищи! — читаем в дневниках писателя жалобы местных жителей. — Рыба да рыба... А что рыба? — Мяса-то нет...». Рыбное дело достаточно хорошо отражено в записях академика, и собранный материал давал возможность Сергею Николаевичу написать о нём не только повесть, но даже роман. В тех же записях сохранилась неопубликованная поэма, наряду с более чем четырьмя тысячами четверостиший и басен. Результатом поездок писателя в рыбацкую столицу стал рассказ «Конец света».

С первых строк небольшого повествования, впервые опубликованного в «Красной нови» (№ 2 за 1934 г.), начинаешь понимать, что рассказ этот автобиографичен. Герой рассказа, корреспондент одной из столичных газет Семён Прудников, направляясь в командировку в далёкий город, выехал туда не один, а взял с собой сына Костю. Прудников решил: и сыну будет полезно познакомиться с заводом рыбного треста, с проходящей осенней путиной, и вообще, с морем. В пути любознательный Костя узнал, что едут они «на конец света». Так образно окрестил отец место, где кончается железная дорога.

В те дни Керчь своего вокзала не имела. Поезд подкатил к какому-то маленькому домишке, и пассажиры, высыпав из вагонов прямо на шпалы, заспешили в местную гостиницу. Здесь у Прудникова завязалось знакомство с заведующим одним из цехов треста «Союзрыба». В беседе, проходящей между ними, как в фокусе, были раскрыты особенности жизни керченских рыбаков. В новую книжницу записывал Прудников сведения о повадках рыбы со слов новых знакомых. Так, отметав икру в «сладких» лиманах, рыба возвращалась в море. После шторма обязательно «ударялась» в берега. Когда шла рыба, то «до того тихий ход имела — встромляй палку в серединку косяка — стоять будет!»

Старый рыбак Пискарёв посвятил Прудникова в тонкости засолки рыбы, открыл секрет тузлука. В переводе с тюркского «тузлу» означает «солёный». Другое значение слова — «коса».

В те дни Прудников ещё не знал, что Тузлюк зовётся остров в Керченском проливе, а на кавказском берегу в море выдаётся мыс Тузла.

Сеть законов рвёт рыбачью сеть
и непредсказуем час исхода.
К изголовью подступает треть
апокалипсического кода.
Но в приватизированный ад
ни за что бы не вошёл Вергилий.
И прижат бетоном Митридат,
как налогом, к собственной могиле.

В городе южном, где анахроничен уют,
жили бы мы, как античного времени боги:
охрой курганной их храмы земные цветут,
с неба холста им стекаются звёзды под ноги.
Звёзды сгорают, но длится цветенья пора.
Кто же не цвёл? Кто границы, как сети, расставил?..
Город курортный забыл обо всём до утра.
Боги — одни. Но они — исключения из правил

КАЗЁННЫЙ САД

Сердобольная пытка озябших окраин,
островок необузданной скифской тоски!
Нынче массовый спрос с чьей-то лёгкой руки
на твоё запустенье, бесплодье, бесправье.
И когда ты сиренью — мигренью минутной,
как мальчишку, его полоснёшь по глазам,
о, я счастлив, что ты и под коркой мазутной
неподвластен сгубившим тебя голосам!

— убитый немец, а при нём сумка с гранатами и автомат. Солдат не растерялся и метнул в преследователей две гранаты. После взрыва выглянул. Два гитлеровца лежали, а третий бежал, как ошалелый, вертел головой и дёргался, словно парализованный. «Ну, с этим я справлюсь» — подумал кашевар.

В расположении штаба появилась странная процессия: впереди немец, нагруженный сумками, бачками, а за спиной термос с супом. Из землянки вывалил весь состав штаба, а начальник спрашивает:

— Что это за явление?

— Пленный! «Язык» вместо лошадки, — а сам улыбается до ушей.

— Где ты его раздобыл?

— Хоть ругайте, хоть судите, а из расположения ушёл я без оружия. Мешает винтовка. Иду себе, в весёлом настроении. Глядь назад, а за мной три немца. Видимо, решили взять живьём. Я бежать — они за мной. В кустах увидел убитого гитлеровца. Около него гранаты и автомат. Он оказался без патронов. Не теряя времени, швыряю гранату. Два немца напавал, а этот, как очумелый побежал на меня. Я дал ему подножку — он, словно бревно, рухнул на землю... Конечно, моя вина, что...

— Ты теперь понял, — перебил его начштаба, — что без оружия нельзя покидать расположение части?

— Конечно, но лошадёнку...

— Ты лучше скажи, откуда у нас в тылу фрицы?

— А вы спросите у этого вшивого вояки. Да снимите термос с него.

Вскоре отправился отряд человек в двадцать, прочёсывать местность. А ещё часа через два привели около десятка пленных...

Вот что делается, когда нарушается устав. Не прошло и недели, как кашевару вручили орден «Красной Звезды» и дали смиренного мерина. Все поговаривали, будто за пленного немца положена медаль.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Известно, что для солдата письмо из дома радость, а на фронте весточка от родных и близких поднимает боевой дух.

Роту старшего лейтенанта Ивашева только вывели с передовой на отдых, а тут и почтальон. Подразделение расположилось на поляне в густом перелеске. Счастливы, получившие письма, устроились, кто где. Одни уединялись, а другие читали вслух товарищам, пропуская интимные места.

Командир роты тоже получил весточку от жены. Прочитав его, пожал плечами и вслух выразил своё недоумение:

— Во, даёт фриц!

Политрук глянул на него, вынул изо рта травинку, которую жевал, и спросил:

— Что случилось?

— Да вот, жена пишет такое, что никак в голове не вмещается. Слушай:

«...В госпитале, где я сейчас работаю, находится на излечение немецкий офицер. Вначале его ранило, а потом он сдался в плен. Прежде, чем сдаться, пристрелил своего шофёра...

Я спросила:

— Зачем вы это сделали?

Он удивлённо глянул на меня и пожал плечами:

— Как зачем? Ведь это мой шофёр!

Настолько противен это подонки, — продолжала жена, — что, право, не хотелось о нём говорить. Но между нами произошёл разговор, который, мне думается, для тебя будет небезынтересен. Оказывается, это тип даже «теоретик». Он читал Ницше и Шопенгауэра, так называемых «философов», предтеч фашизма. Он сказал, что немецкая армия сильна именно отсутствием человечности.

У меня невольно возник вопрос: «А между ними, между этой гадкой плесенью, есть ли понятие дружбы?»

— Нет! — ответил он. — И быть не может...

— На чём же вы держитесь?

— На праве сильного, — усмехнулся он.

— Но человек создан для добра, для того, чтобы сделать жизнь всех тружеников счастливой. Ваше «право сильного» — волчий закон. Неужели для вас привлекательно возвратиться к состоянию животного? А ваши дети? Думаю, они у вас есть? Право сильного — уничтожит ваших детей! Да, если, скажем, они помешают кому-то, ваше наследство?

Он задумался.

— Простите, мадам, — продолжал он после продолжительного молчания. — Вы меня вызвали на откровенность. Запомните! В армиях фюрера каждый воюет за свой личный интерес...

— Как это? — не поняла я. — А судьба народа?

— У моего отца, — усмехнулся он на мою реплику, — в Восточной Пруссии есть имение. Оно завещано мне. Как вы полагаете, соглашусь ли я отдать его моим батракам? Конечно, нет! Больше того: я повешу или расстреляю каждого, кто осмелится поднять руку на мою собственность...

Я улынулась. Он удивлённо глянул на меня:

— Что вы смеётесь? А посмотрите на американцев! Разве Рокфеллеры, Дюпоны честно нажили свои капиталы? Разве они не оберегают их именно «волчьим законом»? может быть, вы не знаете, что Соединённые Штаты, ваш союзник, снабжает нас, немцев, дефицитными военными материалами. В чём же тут дело? А в том, что «волчий закон» остаётся основой основ...

— Но это же подло!

Офицер усмехнулся:

— Фюрер сказал, что он уничтожил химеру совести...

— Ваш фюрер — босяк, — взорвалась я. — Это уголовник с претензиями. В памяти народов он ничего не оставит о себе, кроме отращения и омерзения. И почему вы придаёте такое значение собственности? Неужели вы намерены забрать её в могилу? Или вы хотите, чтобы и ваши дети выросли паразитами, чтобы они ничего не создавали для народа, а питались плодами чужого труда?..

— Мораль! — усмехнулся он. — Опять мораль! Есть у нас в Германии такие политические течения: немецкие социал-демократы, христианские демократы и прочие. А попробуй, тронь собственность такого демократа? Горло перегрызёт. Конечно, он будет говорить об интересах рабочего класса. Знаете, почему? А потому,

Анатолий Ларионов

Россия, г. Москва

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ

*На твоих курганах мятных
есть седые острова*

Степь.

Курганы.

Необъятен

край полыни и чабра.

Не выводит время пятен

с киммерийского ковра.

И не вспомнить даже полю,

чья истлевшая рука

посыпала землю солью

и пускала с молотка.

Четырёх тысячелетий

изнуряющая боль

сторожила земли эти,

лишь отбеливая соль,

имена давая скупой

избранным курганам,

рвам...

Памяти старинный купол

расползается по швам.

Но лежат в степи горбатой

камни,

глыбы,

валуны,

как упрямые солдаты,

не ушедшие с войны.

О море ни слова.

Ни слова о мере.

Полоской багровой

промаслился берег.

И стала бы радугой

горсточка линий,

не будь в акватории

трупов дельфиновых.

Задыхается динамик на стене

депутатски выверенным бредом.

Мы живём в загадочной стране.

Дух её невидим и неведом.

Аркадий Федотов

Россия, г. Хабаровск

Как много мыслей накопила память,
Ну, а зачем так долго их копить?
Плывёт на нерест рыба косяками,
Куда же ей, скажите, ещё плыть?
И мы плывём в людском водовороте
Сквозь толщи лет, цветение земли.
А за три моря удалился кто-то,
Чтоб повстречаться с ним мы не могли.
Но дальше всех от нас уплыло детство,
И не поможет Ариадны нить.
И никому от этого не деться,
А жизнью этой надо дорожить.
О том, что ждёт нас, уповать не надо.
Постигнуть Время не дано уму —
Я прохожу сквозь шелест листопада,
И благодарность в мыслях шлю ему.
Кому ещё послать бы благодарность?
Нельзя так долго слово то беречь.
Рассвет пылает, юный, лучезарный.
Для новых судеб, долгожданных встреч.
Как много мыслей! Им скажу — спасибо!
Без них, летящих, мига не прожить...
Плывёт на нерест косяками рыба —
Куда же ей, скажите, ещё плыть?

что ему выгодно так. Он как будто борется за интересы рабочих, а, по сути, оберегает свой собственный интерес...

...Друг мой! Муж любимый! Уничтожай эту гадость... Как жаль, что я не рядом с тобой. Но я сделаю всё возможное, чтобы помочь нашей Родине одолеть хищного и подлого врага. Прости! Ещё одно замечание. Он сказал мне, что знает наизусть Шлиффена и Мольтке, Клаузена и Дельбрюка, а не может понять одного: как все эти теории рушатся перед русским Иваном?

Милый мой! Я невольно подумала: жаль, что ты не Ваня! Однако я уверена, что ты уничтожишь эту дрянь не хуже, чем любой наш Иван...

Командир роты умолк и, оторвавшись от письма, с удивлением смотрел на солдат, которые окружили их с политруком плотным кольцом и молчали. Вдруг один усмехнулся:

— А знаете, товарищ командир, мы потому и победим, что мы люди!..

бойцы заговорили сразу все и стали расходиться. Политрук проводил их внимательным взглядом и вздохнул:

— Счастливые мы с тобой.

— Почему?! — удивился командир.

— Потому что принадлежим к тому народу, который в такой жестокой войне не потерял человечности.

— Да! Это так! — согласился командир роты.

Через несколько дней командир погиб. Его похоронили с почестями, как героя. Осиротевшая рота теперь шла в атаку с именем командира, и громила ненавистных фашистов. Происходило это, несмотря на то, что в роте не все были Иванами. Дружба и память у солдата превыше всего.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Впервые встретились они, когда Наташа возвращалась домой с окопов. Полгорода работало на рытье оборонительных укреплений: противотанкового рва, окопов в полный рост...

Водитель полуторки сразу обратил внимание на девушку. Хотя она в ватнике, с уставшим лицом, не выглядела красавицей. А вот приглянулась. Она тоже окинула его пристальным взглядом и вздохнула.

Осень стояла сухая и тёплая. В прошлые годы в эти дни шли нудные дожди неделями, а нередко, и месяцами.

Издалека доносилась канонада. Вражеские самолёты день и ночь бомбили город. Погибали люди, рушились здания, загромождала улицы.

В ноябре пришли гитлеровцы. Жить стало тяжело и тревожно. Оккупанты уничтожали население: расстреливали, вешали, травили газами и ядами... С большим трудом пережили это лихолетье. Под Новый год высадили десант — фашисты бежали.

Вторая встреча произошла случайно. Жора, так звали шофёра, привёз муку на пекарню, где работала Наташа. Они, как старые знакомые, разговорились. И всё жора уехал и пропал. Девушка временами вспоминала его и вздыхала. Видимо, он запал в её сердце.

Время шло. Приближалась весна. Зазеленели поля и деревья. Наташа перестала вспоминать случайные встречи.

Как-то в марте, в пекарню вошёл военный с рукой на перевязи. Наташа признала в нём своего знакомого. Говорили о войне, о жизни в городе и бомбёжках. Завыла сирена воздушной тревоги. Все спустились в бомбоубежище. Сидели при тусклом свете коп-тилки из стреляной гильзы малого снаряда. Вдруг Жора и говорит:

— Выходи за меня замуж!

Наташа опешила от такого предложения и растерянно спросила:

— Когда?

— Прямо сейчас. Чего тянуть.

— Ладно, — согласилась она. — А где нас распишут?

— Найдём!

В горисполкоме на дверях записка: «Все ушли на фронт».

— Вот так штука, — вздохнул жених. — Собрался сделать умное дело...

— Что за дело? — поинтересовался подошедший пожилой муж-чина.

— Пожениться собрались.

— Понятно. — Усмехнулся мужчина. — Что за спешка?

Я — Как же. Завтра отправляюсь на ту сторону пролива. Руку должны посмотреть рентгеном.

Собеседник задумался, а потом спросил:

— Расписаться очень нужно?

— Очень! — вмешалась Наташа.

— Ну, что ж! Если найду ключи, — распишу.

— А вы кто? — удивился Жора.

— Работник Исполкома.

— Тогда другое дело, — облегчённо вздохнул жених.

Ключи нашлись. Их расписали и выдали документ. Наутро Жора переправился катером на Кубань. Воевал. Дошёл до Берлина. После окончания войны вернулся к жене.

Марина Савченко

Россия, г. Хабаровск

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Были когда-то мостики
к бульвару от улочек тихих.
Местных собачек хвостики
их подметали лихо.
Так сияй мне память
неувиденным.
Лучом златым на обыденном,
чтобы нити сплетались
невидимые,
и сказалось: «Прости меня...».
Живы сейчас те домики,
к речке сбегавшие ниточкой.
Свидетели стали холмиками,
не машет платком гимназисточка.
Вот стоят они напоминанием,
идёт от них сияние —
от калиток, сиреней и мостиков,
от бульвара, девчонок, и просто так...
Так сияй мне память неувиденным,
лучом златым на обыденном,
чтобы нити сплетались невидимые,
и сказалось однажды: «Прости меня...»

Ирина Гавриловская

Россия, г. Хабаровск

Метёт последняя метель.
И, как последнее страдание,
В душе бунтует божья цель,
У счастья молит подаянье.
И пусть не сможет бунт достичь
Спасения от лжи огромной,
Он хочет жизнь мою постичь
Иною сутью, сутью тёмной.
И пусть жестоко восстаёт
Просить гармонии страдание.
Лишь с ним достигнет дух высот,
Лишь с ним постигнет мирозданье!

Владимир Лось

ВСТРЕЧА

Он лежал на спине, напряжённо всматриваясь и вслушиваясь в темноту. Но, кроме шума дождя, резко усиливавшегося при порывах ветра, ничего не слышал.

Что это было?

Кажется, кто-то стучал в окно.

Стучал в окно? Тогда надо...

Стоп! Приглушённый, но не забытый рефлекс чуть не бросил его к двери. Чёрт побери, ведь это не Земля! Кто может стучать в окно на планете, где кроме них четверых, загнанных грозой в чрево Станции, нет ни одного человека! И никого из них не было сейчас снаружи. Он знал это точно.

Сергей успокоился и стал вспоминать сон, всё ещё наполнявший его своей реальностью.

Ему снилась Лена.

Тоска и мысли о ней, заглушаемые наяву, во сне овладевали им, разрастались, наполняли собой Вселенную. И центром её была Лена. Сон, который снился ему только что, тоже не был исключением.

...Он шёл с Леной под дождём, прикрыв её своим плащом. Вода лилась сверху потоками, стекала с плаща на голые икры, хлопала под босыми ногами. Но Сергея наполняла такая невысказываемая словами радость, что ему было всё равно, он только старался лучше прикрыть плечи Лены и крепко прижимал к себе её тёплое тело. Вспыхивали голубые молнии, и она сама испуганно прижималась к нему...

Он так явственно ощутил её рядом, что застонал. Дикая тоска вонзила в душу острые когти.

«Ну, ну, милый, хватит, — успокоил он себя. — Так и свихнуться недолго».

Сквозь сомкнутые веки пробилась ярко-оранжевая вспышка молнии. И вдруг...

Опять?

Он вскочил и, сидя на краю кровати, с колотящимся сердцем ждал.

И на это так раз ясно, отчётливо — стук в окно.

Не отдавая себе отчёта в том, что делает, он бросился к окну, стал всматриваться в темноту, клубящуюся снаружи.

При очередной вспышке молнии он увидел... Нет, этого не может быть!..

Прижавшись всем телом к стеклу, на него смотрела Лена. Губы её шевелились, по щекам стекали капли.

— Серёжка, а ведь ты меня сглазишь, — сказала Лена.

Она сидела на краешке кровати, расчёсывая густые соломенно-го цвета волосы, спадавшие на плечи. Освобождённая от дождя-вики и сапожек, она была необыкновенно хороша в ярко-красном, туго обтягивающем её свитере и чёрной юбке, в прозрачно-зелёных глазах проглядывало лукавство.

— Откуда ты здесь взялась, Ленка?

Она засмеялась.

— Да ведь я тебе уже говорила.

— Ах, да! — Сергей сорвался с места и ринулся к двери, бросив на ходу: «Я сейчас!»

Через пару минут дверь открылась, и в комнату вошёл высокий блондин с заспанным лицом. «Ну, что там ещё?» — пробормотал он, потягиваясь, но, увидев Лену, застыл с открытым ртом. Опомнившись, повернулся и стремительно ринулся прочь. В дверях он столкнулся с низкорослым смуглым крепышом, который вошёл, недовольно ворча и потирая ушибленное плечо. При виде Лены он исчез ещё стремительнее.

Затем вернулся Сергей с двумя креслами в руках.

— Сейчас они придут.

— Кто?

— Мои друзья.

Они вошли друг за другом и по очереди представились.

— Йенсен, — волосы голубоглазого блондина рассыпались при поклоне, и он привычно пригладил их обеими руками. — Биолог.

— Николай. — Вторым был мужчина средних лет в зелёном свитере и коричневых брюках, с грубоватыми, но приятными чертами лица. — Специалист по ремонту электронных систем.

— По совместительству — наш руководитель и начальник — добавил Сергей, на что Николай поклонился вторично.

— Рахим, синоптик, — склонился в изящном поклоне смуглый крепыш. Он был в лёгком полуспортивном костюме, черноволосый, с раскосыми глазами азиата, в противоположность медлительному Йенсену — темпераментный и подвижный.

— Ну, вот и познакомились, — весело сказал Николай. — Очень приятно... Рахим, давай.

— Алле-хоп! — сказал Рахим и щёлкнул пальцами. Тотчас появился робот, кативший перед собой стол, на котором в окружении многочисленных блюд красовалась большая бутылка с горлышком, светящимся серебром.

— О, да он у вас ещё и фокусник! — засмеялась Лена. — По совместительству?

— Нет — серьёзно сказал Николай, — это его хобби.

— А мы здесь все такие, — сказал Сергей. — Нас мало, но мы универсалы... Прошу за стол!

Он взял бутылку, хлопнула пробка, зашипело, запенилось вино.

— Синтетическое? — спросила Лена, разглядывая бокал на свет.

— Ну что вы, Лена, как можно, — с притворной обидой выпятил губы Николай. — Сам готовлю.

— Неужели из винограда?

Виталий Захаров

Россия, г. Хабаровск

ОСЕННЯЯ ПОРА

Прозрачна осень. Дивная пора.
Она всегда приносит вдохновенье.
В кровати лёжа, с самого утра
Поэт ведёт стихов своих круженье.
А если дождь стучит, стучит в окно,
Или чечётку выведет по крыше,
Парнаса не стоит веретено —
Слова перебирает и колышет.
Пуская в ход подобранную нить,
И узелки завязывая туго.
И ничего нельзя здесь заменить,
Как васильки с необранного луга.
«Граф Нулин», «Медный всадник» —
Ничего
Так не писал без пауз в самом деле.
«Полтава» — как жемчужина его —
Внезапно родилась за три недели,
И радовалась гения душа,
Небесным светом озаряясь ясно...
И болдинская осень хороша,
И осени в Михайловском прекрасны.

но в ужасе он закрывал себе уши руками.
Мой друг даже не попытался покинуть ладью.
И неудивительно, он так и не научился плавать до сих пор.

— А то как же! Солнечный период здесь короткий, но почва очень плодородная, есть в ней что-то такое... что больше по части уважаемого Сергея... Так что виноград успевает вызреть.

— За тебя, Сергей, — сказал затем Николай, поднимая бокал. — За вас, Лена.

— За вас, — подхватил Рахим, возбуждённо блестя глазами. Йенсен молча поднял свой бокал.

Потом были ещё тосты, стало весело и шумно. Сергей сиял, сидя рядом с Леной.

— Как же вы попали в наше захолустье? — выбрав подходящий момент, спросил Николай.

— Представляете, — сказал Сергей радостно, — она отпросилась у своего начальства. Мимо Лимы шёл звездолёт, вот её и высадили. Здорово, правда?

— Конечно, здорово, — за всех ответил Рахим.

Дожди на Лиме мало походили на земные. Здешнее небо могло сверкать молниями, грохотать и изливаться потоками воды неделями и даже месяцами. Именно поэтому планета, во многом схожая с Землёй, оставалась незаселённой. Слишком много преобразований пришлось бы произвести в её кухне погоды, а землянам пока что было не до этого. Но и оставить планету без присмотра было нельзя. И поэтому на ней находилась небольшая станция для сбора информации с персоналом, сменявшимся каждые два года.

Впервые за всё время пребывания на Лиме Сергей не проявлял недовольства дождями. Они позволяли ему почти постоянно находиться рядом с Леной. Он был бы совершенно счастлив, если бы не одно «но»...

В дверь постучали.

На пороге стоял Николай, из-за его спины выглядывал смуглый Рахим и Йенсен.

— Серёжа, на минутку, — сказал Николай, бросив взгляд на Лену, сидящую за столом.

— Ну что? — выйдя в коридор, Сергей закрыл дверь и прислонился к ней спиной. — Насчёт Лены?

— Да, — твёрдо сказал Николай.

— Ну, так вот: убирайтесь!

— Не забывай, что мы твои друзья.

— Были! — отрезал Сергей.

— Зачем говоришь так? — возмутился Рахим. — Зачем обижаешь? — его чёрные глаза горели, скуластое лицо выражало негодование. — Какой плохой человек стал!

— Спокойно, — сказал Николай. — Не кипятись, Рахим.

— А зачем он... — пытался возразить Рахим.

— Ладно, ребята, — как можно добродушнее сказал Николай. — Вы идите, а мы тут сами с Сергеем разберёмся.

Он повернул Рахима за плечи и слегка подтолкнул. Йенсен, который до сих пор стоял в стороне, молча пригладил свои светло-жёлтые волосы и зашагал вслед за Рахимом. Когда они скрылись за углом, Николай повернулся к Сергею.

— Пошли ко мне.

Поколебавшись, Сергей побрёл за ним, в надежде, что, найдя общий язык с Николаем, найдёт его и с остальными.

Гор на Лиме почти не было, а Николай любил горы. Поэтому электронная стена-пейзаж в его комнате всегда демонстрировала разнообразные горные виды. Так было и сейчас. Снежные вершины сверкали в солнечных лучах, в ущельях лежали тени. На переднем лане пенилась меж валунов небольшая речка, качали вершинами мохнатые ели. Взглянув на пейзаж, Сергей ощутил какое-то странное облегчение.

— Садись. — Николай придвинул Сергею кресло и сел сам. Некоторое время молчал, сосредоточенно барабанил пальцами по столу. На его грубоватое лицо легла тень беспокойства, густые брови сошлись к переносице, и между ними пролегла глубокая морщина.

Сергей окинул взглядом привычную обстановку, — стол, ниша с микрофильмами, проектор в углу, на стене — светящиеся графики, — и не выдержал:

— Если ты снова будешь...

— Успокойся, — перебил Николай, — не собираюсь... А на Рахима не обращай внимания. Сам знаешь, он не со зла.

Сергей поморщился.

— Болит? — спросил Николай.

Сергей машинально кивнул.

— Давно?

— То есть?

— Ну, вчера, например, тоже болела?

— Болела, — сказал Сергей, не понимая, куда клонит Николай, и всё ещё держась настороже.

— А неделю назад?

— Тоже — подумав, ответил Сергей. — Но не так сильно.

— Так, так... — задумчиво произнёс Николай. — Кто она такая, твоя Лена, откуда?

— Слушай ты, пацифист-благотетель! — рыжеватые волосы Сергея взъерошились. — Предупреждаю: я убью любого, кто ещё хоть раз заведёт об этом разговор! С Земли она, понимаешь? С Земли! Моя невеста!

— Слыхали, — спокойно сказал Николай. — Ладно, не будем об этом. Есть тут у меня одна штука... — он достал из кармана что-то сплетённое из тонкой проволоки и, расправив на колене, подал Сергею. Это была круглая сеточка, которую, скомкав, можно было легко спрятать в кулаке.

— Что это? — удивился Сергей.

— Не догадываешься?

— Нет, хотя... — Сергей покрутил сетку в руках. — Надевать на голову?

— Догадливый. Только жаль, не всегда. — Что ты имеешь в виду?

— Ничего, ничего... А это — надень. Легче станет.

Сергей недоверчиво хмыкнул, но всё же попробовал натянуть сетку на голову. Она пришлась ему как раз впору.

— Вот и хорошо — сказал Николай, разглядывая его. — Почти незаметно в волосах... Ну, как голова?

К своему удивлению, Сергей действительно почувствовал облегчение. Боль, выворачивавшая мозг уже много дней, стихла.

как же ты быстро завоевало и поработило наш мир.

Ты создало свой мир —

мир богатства, мир роскоши, мир златого тельца.

Знаю тонущих в звоне твоём.

Знаю безумные глаза, увидевших тебя.

Знаю добывающих тебя, смертельно изнурённых людей — рабов коней твоих.

Знаю торгующих детьми — и это ради тебя.

Знаю сыновей, поднявших руку на отцов — и это ты.

Разорённые города, реки крови лились

за обладание тобой.

Так что же ты есть — золото?

Кому служишь ты?

Какова же истинная суть твоя, желтый металл?

Знаю радостный блеск глаз

ростовщиков, обирающих свой народ.

Знаю жадный блеск глаз служителей культа — и это ты.

Знаю всех верных служителей твоих.

Моисея иудеи предали в угоду тебе.

Скажи, не тебе ли служили те,

что так жаждали гибели Христа?

И всё же ты — мягкий, очень мягкий металл — золото.

Ты не годишься для мечей наших.

Тебя не закалить в битвах наших.

Ты не мой металл — золото.

Твой чарующий блеск так и не прельстил меня.

Служу не тебе.

Я выбираю тебя — Золото Небес!

Сияние Христа было золотым.

Многие не заметили его.

Многие ли познали силу его?

Но всё же, как греет сердца блеск куполов.

И всё же двум господам не служат — учил Христос.

Не золоту служишь — истине.

«Куда так бежишь, беглец?

У тебя, знаю, много богатства».

«Спасись хочу. Спаси меня, Господи.

К чему мне это? Чем я заслужил немилость Твою?»

НИКОМУ НЕЛЬЗЯ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА НАСИЛЬНО

У меня Река унесла ладью.

Просто перетёрся канат.

Я увидел её плывущей по течению.

Несущуюся на камни.

В ладье был мой друг,

с которым очень многое связывало нас.

Я услышал его громкие крики.

Я увидел его

мечущимся и хватающимся за стебли речных растений.

Но лодка лишь замедляла ход.

Он пытался грести руками.

Хотя в лодке были вёсла.

Я громко кричал ему,

Мозаику сердец увидели мы в храмах.
Но всё здесь было пусто и мёртво.
Были пусты дома, площади.
Не было жизни здесь.
Во дворце я взял КНИГУ ЖИЗНИ .
Твои же руки жадно хватали злато.
Назад я ехал один.
Ты не смог оставить золота.
«Ведь ему нужен хозяин!» — кричал ты.
«Оно не может валяться в пыли».
Я понял, почему мёртв град сей.
В нём слишком много было всего.
Дворцов. Площадей.

БУДЕТ ВЕЧЕН ГРАД ВАШ

Однажды к городу нашему подошли враги —
Многочислен, коварен, жесток был враг.
Хитростью и коварством
взял он множество крепостей, городов.
Но в городе никто не замечал этого.
Шло веселье, гремела музыка.
Каждый занимался своим делом.
Сапожник шил сапоги и смотрел на столяра.
Столяр делал красивую мебель и поглядывал на кожевника.
Кожевник выделывал шкуры и смотрел на чеканщика.
Никто не хотел видеть опасности.
Пели песни, танцевали, трудились
и никто не подумал даже закрыть ворота града своего.
Защищать город было некому —
каждый был занят важным делом
На стены не вышел никто.
С изумлением смотрели враги на праздник жителей.
А затем, войдя в город, истребили всех.
Я видел развалины града сего.
Здесь был красивейший град.
Здесь жили великие мастера.
Но здесь каждый жил и делал всё только для себя.
И ничего не делал для других.
На земле много таких пепелищ.
Люди,
любите друг друга.
Врага встречайте на стенах града вашего.
И будет вечен град ваш.

ЗОЛОТО

Золото... золото... золото...
Зовущее, манящее, губящее.
Знаю ужас, познавших силу твою.
Ты — божество для полюбивших тебя.
Ты — идол отвращающий
для знающих истинное лицо твоё.
Золото,

— Ну и носи на здоровье, только не снимай, а то снова будет болеть. — Николай побарабанил пальцами по колену и снова так же неожиданно сказал:

— Четвёртый маяк в седьмом квадрате перестал работать. Пойдёшь со мной?

— Разве нельзя послать робота?

— Можно, конечно, но думаю, робота это не под силу. Да и почему бы не прогуляться? Погода чудесная, взгляни, — кивнул Николай на окно.

Действительно, на улице сияло солнце, надоедливый дождь перестал.

Николай встал.

— Часа через два немного подсохнет, тогда и двинемся.

— Я возьму с собой Лену, — вызывающе сказал Сергей.

— Бери, — охотно согласился Николай, и Сергея удивило, что он так легко уступил ему.

.....
Когда Сергей вернулся в свою комнату, Лена, просматривающая какой-то микрофильм, погасила объёмное изображение и внимательно, как-то подозрительно посмотрела на него.

— Что с тобой, милый?

— Ничего, всё в порядке, — не обратив внимания на её взгляд, бодро ответил Сергей. Он даже не осознавал, что причина его бодрости — отсутствие головной боли. Захотелось есть. Он сел к столу.

— Не пора ли пообедать?

— Не хочу. — Лена даже не сдвинулась с места.

— А я съел бы что-нибудь.

— Ну, так закажи себе.

Она снова как-то странно посмотрела на него. И неожиданно сказала:

— Я его боюсь.

— Кого, Рахима?

— Нет, Николай.

— Ну, что ты! Почему?

— Не знаю, — она поколебалась, словно не зная, продолжать ли.

— Он какой-то такой...

— Он совсем не такой, как кажется, — возразил Сергей. — Он добрый. Вот увидишь.

— О чём вы говорили? — взгляд её был пронизывающим.

«Неужели догадалась? — подумал Сергей. — И не удивительно. Все эти разговоры... Да и отношение к ней в последнее время... Этого тоже нельзя было не заметить...»

— Мы с Николаем летим сегодня ремонтировать четвёртый маяк.

— А я?

— Ты с нами.

Лена не выразила никакой радости, хотя обычно стремилась всегда быть рядом с Сергеем.

— Что-то не хочется, — сказала она.

Сергей удивлённо взглянул на неё и почесал затылок. Пальцы нащупали сетку. Что за нелепость? Лена не смотрела на него. Тогда он снял сетку и спрятал в карман.

И боль сразу вернулась — ещё более нестерпимая. Сергей нахмурился.

Зато Лена повеселела. Она подошла к Сергею и обняла его за плечи. Потом села напротив.

— А может, нам и в самом деле перекусить? — сказала она весело.

Но аппетит у Сергея пропал, и он только неохотно поковырялся в блюдах, привезённых роботом. Боль выворачивала мозг, и Сергей уже жалел, что не послушался Николая и снял сетку. Но не надевать же её сейчас, на глазах у Лены. Ещё смеяться начнёт.

«Быть может, какие-то местные излучения, — подумал он. — Лена здесь недавно, а мы... Чёрт их знает, эти чужие планеты, даже похожие на Землю!»

— Болит? — сочувственно спросила Лена, увидев, как лицо Сергея искривила болезненная гримаса. — Отдохни.

— Работать же надо.

— Не сбежит твоя работа. Ляг, полежи.

Она настояла на своём. Потом села рядом на край кровати и положила на лоб Сергею руку.

— Я же говорила, что тебе нехорошо.

В её голосе была озабоченность, но в глазах светилась затаённая радость. Это неприятно поразило Сергея. «Может, Николай и ребята правы?» — подумалось ему.

Рука у неё была сухая и горячая, он не чувствовал никакого облегчения, а она пыталась, — теперь он ясно видел это — пыталась, — изобразить сочувствие.

«Никакого корабля не было», — всплыли вдруг в памяти слова Николая.

Что это я? — ужаснулся Сергей. — Нет, хватит, так можно и с ума сойти.

Он посмотрел на Лену. Она сидела рядом, такая привлекательная и земная, что все его тревоги вмиг исчезли.

.....
Николай уже минут десять копался в схеме радиомаяка. Наконец он выпрямился и протянул руку.

— Вот! — на его ладони лежало несколько странных маленьких деталей, похожих на кристаллы.

— Я же говорил — роботу тут было бы не справиться.

— Что это... что это значит? — растерянно сказал Сергей.

— Это значит, что наш маяк использовали для подачи чужеродных сигналов. На другой частоте. Так сказать, маяк в маяке.

— Не может быть! — вырвалось у Сергея. — Кто?

Николай сжал руку и спрятал детальки в карман.

— Ловко сделано. Но не учтена перегрузка, благодаря чему и полетел промежуточный блок энергопитания.

— Но кто, кто? — снова не выдержал Сергей.

— Идём отсюда. — Николай двинулся к дископлану. — Теперь тут всё будет в порядке.

Через минуту он сказал:

— А вот кто — это мы скоро узнаем.

Жёлто-оранжевое солнце Лимы было почти в зените. От земли поднимался лёгкий туман испарений, под ногами хлюпали тёплые лужицы.

Благословенный, смотрящий в небеса.

Умевший строить то, что так нужно было всем нам.

Ты дал нам веру в человека.

Ты дал мне путь осмысления и глубокого анализа.

И не коленопреклонённым, запуганным,

униженным рабом сделал Ты меня,

но свободным от затхлых догм нашего бытия.

Те, кто следуют Твоим Путём, открывают Врата.

Спасибо, Владыка, Ты научил меня ценить истину.

Ты открыл мне неведомое.

Твой мир чист, как алмаз.

Да, прольётся на меня влага из Чаши Мудрости.

Да не минет меня служение Тебе.

Воздух наполнило дыхание Твоё.

Построен Храм —

в Нём слились воедино Великие Реки Земли.

Вместе войдём в него, взявшись за руки.

Вместе скажем: «Мир всем, мир всем вам, мир Земле...»

ЧТОБЫ УСПЕТЬ...

Вот в полной тьме скачем мы, —

Так страшно скакать ночью — говорят нам,

Среди тьмы едва видна будет дорога ваша,

Сколько сил придётся истратить, чтобы доскакать.

Но это же просто опасно — говорили нам, —

Да говорили мы — нелегко.

Мы поскачем с тобою во тьме,

Но мы первыми встретим рассвет,

Первыми помолимся Великому Отцу.

Так говорим теперь мы — скачите во тьме,

Чтобы первыми успеть к рассвету,

Чтобы первыми спеть гимн Солнцу.

Сделайте так, как мы...

Архунд Арксни Сарат

КНИГА ЖИЗНИ

Мы снова с тобой в пути, друг мой.

Снова мы стали добычей ветров и дождей.

Снова у нас беспокойно на душе —

ведь мы ищем новое, неведомое, зовущее.

Ты колебался, отправляясь в путь.

Я же долго готовился к нему.

Ты стал проявлять беспокойство,

как только мы вышли из города.

В глазах твоих был страх.

Из тысячи мыслей в твоей голове —

ты выбрал одну — удобную тебе.

Твой конь уже не летел,

он брёл, опустивши голову.

В песках мы нашли город раджей.

Велик когда-то был город сей.

Здесь было множество фонтанов и дворцов.

Я не мог вернуться, ведь я искал друга.
За ним я пришёл сюда.
Каким нелегким был путь мой.
Семь Врат открыл я.
Мудрый старец сказал мне:
«Твой друг не вошёл ни в одни из них»
Больше я не ищу его.
Ведь мы пошли с ним разными Путиами.

СОРОК СОРОКОВ

Сорок сороков оков
разобью,
Сорок сороков цепей
Разорву.
И изопью свою чашу до дна,
Какою бы горькой она не была.
Истину в цепях-оковах не удержать,
Истину примите в труде великом, —
Истина, истина —
стань Матерью мне,
Труд честной —
стань Отцом моим.

ЧАША МУДРОСТИ

Храм свой Ты строил не спеша.
В основание его ты заложил
веру в Свет, порождающий Любовь.
Труд, созидаящий себя.
Свет Твой, проникая в сердце,
внося сумятицу, заставлял смотреть на всё по новому.
Огонь, что принёс ты,
стал зажигать огни Нового Святилища —
доступного, простого, всё постижимого.
Владыка, Ты позвал нас к Свету
и мы пошли не задумываясь.
Мы знали Тебя и ждали.
Ты говорил — мы жадно впитывали.
Слова Твои жгли сердца.
Мы стали иными.
Верность Тебе храним по сей день.
Знания Твои велики.
Знающий скажет: «Засветло вошёл я в Храм Твой.
В Нём пусть живёт вечно молитва моя.
В Нём Востока соль и Тибета лёд».
Благословенный, Ты учил нас видеть суть вещей
Долог Путь познания
Сердцем идите — учил Ты.
Созидай, а не разрушай, твори добро.
Убивая — убиваешь себя.
Спасая — спасённым будешь.
Утрой силы и следуй заветам Моим.
Будда... Будда... Будда...

Николай шёл немного впереди. В его плечистой фигуре ощущалась напряженная сосредоточенность.
— Сережа, — шёпотом произнесла Лена, — я боюсь!
У неё был обеспокоенный вид.
— Не бойся, — сказал Сергей. — Они нам ничего не сделают.
— Кто «они»?
— Ну, эти... — Он неопределённо махнул куда-то рукой. — Чужие.

Лена промолчала, и Сергей подумал, что ему не удалось её переубедить.

— Не такие уж мы и беззащитные, — положив руку на кобуру лужевого пистолета, сказал он как можно увереннее. — Не бойся, всё будет хорошо.

Она только как-то странно посмотрела на него.

Возле дископлана Николай резко обернулся.

— Не наступило ли время открыть карты?

— Не понимаю, — сказала Лена, потому что Николай обращался именно к ней.

— Думаю, слишком хорошо понимаете. Пора прекратить игру. Может, наконец, расскажете нам, кто вы и откуда?

Высоко в густо-синем небе звенела невидимая птица — здешний жаворонок. Серая трава, полёгшая от ливней, шевелилась, распрямлялась, тянулась к солнцу. Весь склон холма, на котором стоял дископлан, и далее низина до самого леса вспыхивала цветными искрами — солнце отражалось в дождевых каплях, стряхиваемых травой. Шелестя цветными крыльями, взлетали псевдо-кузнечики, возле уха тонко пропищал комар.

Николай в упор смотрел на Лену, она не отводила глаз.

Как натянутая струна, звенела птица.

— Сережа! — вдруг жалобно сказала Лена.

Оборвалась песня-струна, и вместе с ней оборвалось что-то внутри у Сергея. Он выхватил пистолет, на побледневшем лице чётко проступили веснушки.

— Вот что, Николай. Я обещал, что убью любого, кто ещё хоть раз заведёт этот дурацкий разговор. И я это сделаю, понял?

— Ну что ж. — Николай вытащил из кармана сетку. — Надеюсь, твоя на тебе? Хорошо. Тогда я надеваю свою.

«С ума он сошёл, что ли? — удивился Сергей. — При чём тут сетка?»

Но он удивился ещё больше, взглянув на Лену. Она, как зачарованная, смотрела на Николая, в её глазах был страх.

— Ну, как вам это нравится? — иронически усмехнулся Николай.

— Нет! — вдруг вскрикнула Лена. — Не надо!

Она отступила на два шага и подняла руки, словно защищаясь.

Сергей остолбенел, но, опомнившись, бросился к ней.

— Лена, что с тобой?

— Не подходи! — выкрикнула Лена и снова отступила. — Не подходи ко мне!

В её голосе и глазах было столько ужаса, что, поражённый, он остановился.

А она смотрела на них и понемногу пятилась, словно не в силах оторвать от них взгляда. И вдруг очертания её расплылись и сначала неуловимо, а потом всё яснее начали меняться. Сергей уви-

дел, как она разделилась на две фигуры и одна из них была той хорошо известной ему Леной, а другая... Он не верил своим глазам. Нет, этого не может быть, он бредит!

Обе фигуры разъединились верхними половинами, потом на мгновение слились снова, словно стремились удержать друг друга. Но вот первая, та, что была Леной, заколебалась, склонилась к земле и исчезла, как будто выпала из той, второй и просочилась в тело планеты. А то, что осталось... У неё были большие нечеловеческие глаза, нечеловеческое лицо и вся она была больше похожа на лемура, чем на человека. И стояла не как человек, а как будто на цыпочках, на полусогнутых ногах, одетая в такую же странную, как и сама, полусвисающую одежду. Не Лена и вообще не человек.

Сергей стоял бледный, всё ещё держа в руке пистолет.

А неизвестное существо, сверкнув на него круглыми глазами, повернулось и большими прыжками бросилось в лес.

Через некоторое время послышался тонкий свист, и в небе что-то промелькнуло, блеснув на солнце.

Космическая канонерка отделилась от планеты, нырнула в пространство и вынырнула далеко от звёздной системы, к которой принадлежала планета.

Только тогда Она смогла спокойно проанализировать события.

Может быть в том, что случилось, виновата она сама? Но где, в чём её ошибка? Разве не оставалась она до последней минуты верна законам звёздного братства, разве не был соблюден Высший Принцип?

Поначалу всё шло хорошо, даже отлично. Опустившись на планету, она, к радости своей, обнаружила биоизлучения Разумных, выделила самый мощный из соответствующих Идеалу импульс и поступила согласно Высшему Принципу. Смущало, правда, немного то, что Разумные очень отличались от населяющих её планету, но ведь давно было известно, что все разумные во вселенной не могут быть одинаковы. Дело не во внешней форме, главное, чтобы они знали Высший Принцип и были готовы следовать ему. И ей повезло. Существо, чьим Идеалом она стала, приняло её с восторгом, и хотя излучение было слабовато, она использовала излучение других Разумных, чтобы иметь возможность сохранять форму Идеала.

Высший Принцип Симбиоза гласит: отдай всего себя партнёру по симбиозу и сделай всё для того, чтобы как можно полнее воплотить его Идеал. Жертвуй собой для него, и он пожертвует собой для тебя. Только тогда может быть достигнута полная гармония симбиоза, только так двое Разумных смогут стать Единым Мыслящим Разумом.

И она делала всё для того, чтобы соблюсти Высший Принцип. Она жадно поглощала мозговые излучения, и существо, которое звали Сергеем, с радостью шло ей навстречу, всё увеличивая норму излучений на поддержание Идеала. Но почему-то не поглощало ответных импульсов и не хотело стать её Идеалом. Поразмыслив, она поняла, что Сергею не хватает излучений для того, чтобы стать Идеалом. И в этом тоже было его отличие как Разумного. Но что она могла поделать, ведь она была одна и не имела возможно-

Они жадно впитывают их.

Не жалеи и тёплых слов.

Ты будешь сажать ещё много деревьев в саду своём.

И всегда, слышишь, всегда жди с нетерпением грозу.

Не трать слёз на упавшие деревья, им не вырасти в этой земле.

Терпеливо расти сад свой.

СРОКИ

Сегодня нам с тобою
было велено пуститься в дальнюю дорогу.

Ты очень долго собирался.

Так, что чуть не опоздал.

Я вышел налегке,
в суме моей были сухари и книга мудрости.

В твоих руках были кувшины с водой,

а за плечами большой груз вещей.

Я пил всю дорогу из ручья мудрости.

Ты пил — из кувшинов.

Я был лёгок и скор на ногу

Ты же с каждым шагом отставал от меня.

Ты так и не смог бросить кувшины и лишние вещи.

Я больше не видел тебя.

Потому что дошёл в срок.

Ты же идёшь до сих пор, кляня судьбу и всех.

Ты так и не смог понять —

всё излишнее лишь удлиняет твой путь
и откладывает сроки твои.

С ТОБОЮ, ОТЧЕ

Умирая многожды, вновь возникаешь ты из вечности.

Неизмерима сила твоя,

ибо черпаешь её из Единого Вечного Родника

Умирая, ты оставляешь нам Свет.

Для чего жил ты? Для блага.

А чему служил? Благу. Истине.

Здесь возникаешь вновь, ибо здесь Обитель твоя.

Да и где же быть тебе — здесь.

Уста твои сомкнуты.

Очи печальны.

Ибо, немногие услышат и поймут тебя.

Володарь мой, возьми сердце моё.

Истинно не сверну, не постучу во врата скверны.

С Тобою, Отче и пойду.

СЕМЬ ВРАТ

Когда-то в степь усакал друг мой.

Следы его привели меня в град.

Врата мне не открыли.

Я открыл их сам.

По пятам за мною ходили тени

и громко уговаривали вернуться назад.

Их пустые глазницы говорили о многом.

Павел Валентинов

СВЕЧА

Свеча горящая.
Великий несказанный миг.
Знаки огня несёшь ты.
Воздавая молитву, зажигаем свечи.
И долго, горестно льются слёзы твои.
О свеча, Просительница моя
Я сердцем слышу
горестный плач твой, красавица белёсая.
Короткий миг отпущен тебе — сгорая, светить.
Светить, сгорая.
Какая короткая жизнь, скажет один.
Зато как ярко был свет её!
Свечи, свечи, свечи,
ярко освещающие алтарь!
Огненное убранство ваше —
горя, светя, сгораешь.
Зато все века ценили, любили вас.
Сёстра, очищающие мир.
Взявшись за свечу,
чувствую великую силу огня твоего.
Свечи — бескорыстные служители огня.
Вы — частицы Храма нашего.
За то любим вас, молящие.
Люблю вас, сердцем плачущие.
Прекрасней предстают пред нами
Храмы наши в убранстве вашем.

САДОВНИК

Что опечален ты, Ахрис?
Поведай мне о беде своей.
Быть может, я изгоню печаль с души твоей.
О, Садовник, Град с грозой повредили сад мой.
Зайдя в сад, я нашёл множество деревьев, вывернутых с корнями.
И всего лишь несколько деревьев, самых неприметных устояло.
Ты зря горюешь, сын мой.
Гроза не редкость в наших краях.
Эти деревья и есть твой новый сад.
Они выстояли в сильную грозу и перенесли невзгоды.
Они и есть украшение сада твоего.
Жди щедрые плоды от них.
Только оберегай их сначала от жаркого солнца.
И не забудь о словах любви.

сти слить свои излучения ещё с кем-то, как это сделали обитатели Станции. Тогда она решилась на шаг величайшего самоотречения во имя Симбиоза — отказалась от своего Идеала и все усилия направила на сохранение Идеала партнёра по симбиозу.

Ей казалось, что осталось совсем немного, ещё чуть-чуть, и они с Сергеем достигнут гармонии, станут Единым Мыслящим Разумом. И тогда перед ними откроются новые возможности и тайны. Но со временем выяснилось, что различий между ними оказалось гораздо больше, чем ей представлялось.

Началось с того, что Сергей стал испытывать неудобства, отдавая ей свои излучения. Он называл это «головной болью». И хотя она не знала, что это такое, но видела, что он страдает, и страдала сама, не в силах помочь.

Потом от существа, которое звали Николай, она стала улавливать импульсы враждебности. Почему? В чём она провинилась? Ведь она не могла воплотить несколько Идеалов одновременно.

Обстановка становилась всё более напряжённой и неопределённой. Импульсы враждебности стали поступать и от других.

Катастрофа, как всегда, грянула неожиданно. И произошла она из-за маяка.

Она использовала маяк, чтобы сообщить о своём открытии. В этом не было ничего особенного, — все они, разведчики, при встречах с Разумными, способными к симбиозу, использовали их средства связи для своих сообщений об этом. Разумные же без средств космической связи обычно не были способны к симбиозу, так что не о чем было и сообщать.

И вот тут, у маяка, и произошло самое страшное. Ещё перед этим приток излучений иногда прекращался, даже от Сергея. Это было странно и необъяснимо. Потом Сергей перестал излучать вообще, и по дороге к маяку она использовала излучение Николая для сохранения Идеала.

Когда Николай надел сетку-экран, она всё поняла. Они не хотели, не хотели Симбиоза! Разумные, отказывающиеся от Симбиоза! Это было ужасно, во вселенной не существовало более страшного преступления перед Разумом!

Она пыталась остановить их, объяснить, но не успела. Сохранение Идеала стало невозможным и ей пришлось отказаться от него. И тогда всё остальное потеряло смысл.

Бежать, только бежать!

Перерыв меж дождями оказался коротким. Ночью снова гремело и сверкало. Сергей дремал, как вдруг за окном, сквозь шум ветра, ему послышался голос Лены.

— Серёжа, открой, пусти меня.

— Не могу, не пушу, — мысленно ответил он.

— Пусти, разве ты забыл, что любишь меня?

— Но ты совсем не Лена.

— Я снова стану ею, если буду рядом с тобой. Пусти!

— Зачем? Чтобы ты высосала мой мозг?

— Я полюбила тебя, мне хорошо с тобой.

Шумел ветер, что-то гремело и стонало, струи дождя хлестали в окно.

— Пусти.

— Не могу, не могу, — отчаянно защищался Сергей.
Он защищался так почти всю ночь. Наконец, из-под окна донеслось:

— Тогда я пошла. Навсегда. Прощай!

Послышался тяжёлый вздох, потом словно тонкий свист пробил-ся сквозь шелест ливня.

Он так и не понял, примерещилось ему всё это, или было на самом деле. А утром, выйдя на крыльцо, увидел вокруг Станции человеческие следы. Больше всего их было под его окном...

Алевтина Викторовна

(1935 — 2006)

К МОРЮ

Есть притяжение земли,
А я всё к морю, к морю, к морю.
Порою радость разделить
Спешу дорожкой проторённой.
С крутого берега сбегу
И головою в волны эх-ха!
А надо мной стихии гул,
А в скалах эхо, эхо, эхо!
Но часто к берегу плетусь
С тяжёлой ношей неурядиц.
Но облегчится этот груз,
Когда шагну к спокойной глади.
И сил почувствую прилив,
Ещё с невзгодами поспорю!
Есть притяжение земли,
А я всё к морю, к морю, к морю!

Тьма маскируется под свет,
Слепит глаза прожектор лжи.
Снаружи — яркий силуэт —
Ты сердце, сердце обнажи.
А в сердце пусто и темно —
Там огонёк давно зачах.
Светить потухшим не дано,
Не греет без огня очаг.

Встречи, встречи, прошли, проскрипели,
Не оставили в сердце следа.
Только годы летели, летели,
Но явился один навсегда.
Среди осени трудной, ненастной,
День один распогодился вдруг.
Я не жду возвращенья напрасно,
Мой далёкий, мой любящий друг.

Ведь Он рождает Веру и Любовь в душе.
 Я сердцем это чувствую уже.
 Сумею я по-настоящему любить,
 Творить, любовь дарить.
 Вначале я воздвигну Храм в душе моей,
 Потом — чудесный Дом для всех людей,
 Кто ищет веру и надежду, и любовь. —
 Найдёт он это там,
 Где Храм стоит всем людям и богам,
 Впитает всей своей душой и кровью
 И сколько сможет, унесёт с собою:
 дарить надежду, веру и любовь,
 Сердцам другим, их согревая вновь.
 Тот Храм чудесный для народа моего
 Душою и умом должна я выстроить его.
 Чтoб не себя в сердцах на память сохранить —
 В умах любые мысли осветлить,
 Гармонию любви и веры возродить.
 Ведь, как мне со своей любовью быть?
 Она меня давно переполняет
 А цели применения не знает.
 «Направь к своей душе» — кто-то сказал.
 Направлю. И тихонечко волью
 Поток гармонии, любви и блага
 В родную душевную свою.
 Божественная ждёт меня награда.
 Излечится душа моя
 И я к мечте взлечу без боли, налегке.
 В источник превратится чистая душа
 Я на алтарь любви поток направлю не спеша —
 Прольётся он бальзамом из моей души
 И станут старцы словно малыши —
 Освободятся от теней бед лет своих,
 Отринут тяжести проблем чужих,
 Увидят, как чудес на свете много,
 Откроются сердца, умы для Бога.
 У каждого есть светлая дорога,
 Только стараний приложить немного —
 Прольётся свет в сердцах и в жизни
 Коль ясно мыслить станет голова.
 Нас к этому ведут благие мысли,
 Нас к Храму приведут поступки, и слова.

Елена Рабочая-Маринич

НОВЫЙ ГОД

Светлана складывала в сшитую из старого платья торбу вымытые полиэтиленовые мешки — собиралась на рынок, а мысли всё возвращались к Мариничному письму.

В прошлом году подруга, как будто в омут прыгнула — уехала в далёкую Америку.

Расставание их было тяжёлым.

Марина с красными после бессонной ночи глазами говорила почти спокойно.

— Да, Света, я, специалист с высшим образованием, еду наниматься в прислуги. И давай не будем говорить о гордости! Знаешь, когда у мамы в прошлом месяце сердце схватило, а на лекарства денег не было, — проели мы уже её пенсию, — я решила: всё, так больше жить нельзя!

Теперь в письме Марина рассказывала про свою заокеанскую жизнь и сообщала, между прочим, что у неё есть бойфренд и что она, быть может, выйдет замуж. В конце подруга поздравляла с Новым годом и желала успехов в работе и личной жизни.

Светлана надевала старенькое пальтецо, привычно поправляла выдавший виды берет, и невесело улыбалась.

Или забыла Марина, откуда уехала, или думает, что за год что-то изменилось. А жизнь всё та же. За работу не платят, в личной жизни — один телевизор.

С ним, с другом своим старинным, собиралась Светлана Новый год встречать, но он вчера сломался, как нарочно. Без него совсем худо стало. Мало того, что холодно и есть нечего, так ещё и тишина гробовая!

Чтобы не помирать на праздник с тоски, Светлана решила на отчаянный поступок. Заняла пятачок: купить немного муки и по-видимому пирожка, который нужен для похода к Ольге. У той муж с работков приехал, компания соберётся. Тактичная Ольга пирожок обязательно похвалит, а Светлана приткнётся где-нибудь с краешку её богатого стола, попробует всяких вкусов. Вот и будет праздник.

Занятая этими мыслями, она уже выходила из квартиры, когда услышала какой-то странный звук. Обеспокоившись, Светлана вернулась и, ориентируясь на него, зашла на кухню. Кран был закрыт, но пол вокруг мойки мокрел на глазах. Мелкая водяная пыль летела откуда-то из-под раковины. Уворачиваясь от брызг, Светлана нагнулась и похолодела от ужаса: труба, заменить которую всё не хватало денег, прохудилась...

Светлана выхватила из сумки полиэтиленовый пакет и перевязала трубу, пытаясь устранить течь. Вода побежала на пол.

Она пустила в дело второй пакет, стала, что есть силы затягивать его, но получилось только хуже. По-видимому, отвалился ещё кусочек проржавевшего металла, и набравший силу фонтан, сорвав все преграды, обдал её с головы до ног.

Охнув, Светлана бросилась в ванную, чтобы перекрыть воду, но отслуживший своё вентиль приржавел намертво.

А на кухне начинался настоящий потоп.

Перепугавшись не на шутку, она метнулась к телефону, набрала номер соседей. Трубку никто не взял.

Светлана схватилась за вёдра, стала собирать воду, вымокла насквозь, и, поняв, что окаянный фонтан утопит её окончательно, начала колотить по трубам отопления.

— Господи, ну почему меня никто не слышит?! — рыдала уже она.

Вдруг в прихожей раздался звонок.

Обрадовавшись, Светлана бросилась к двери и, щёлкнув замком, увидела перед собой Николаича — пожилого соседа из квартиры напротив.

Тот, глянув на неё, выпучил глаза.

— Ты чего, в одежде купалась, что ль? — спросил он озадаченно.

— Помогите! — завопила Светлана и потащила его на кухню.

Николаич осмотрел место аварии и внушительно изрёк:

— Ты, Света, девка, конечно, хорошая, но душ у тебя здесь ещё тот! Как в вытрезвителе. В общем, чтоб сделал, ставь пол-литру. Праздник на носу!

— Нету пол-литры! — Сказала она обречённо. Потом, вспомнив о наличности в кошельке, вытрясла перед соседом все бумажки.

— Вот, деньги возьмите, сделайте только побыстрее!

От денег Николаич не отказался, сходил за инструментом и вскоре, хоть вымок сам, но течь устранил.

Светлана, закрыв за ним дверь, выгребла воду, опустилась на табурет отдышаться и сразу же почувствовала, как мокрая одежда превращается в холодный панцирь.

Она побежала в комнату, трясась, переоделась в сухое, быстро поставила чайник. Но газ, загоревшись каким-то нереально красным пламенем, вскорё потух.

Пытаясь согреться и унять дрожь, Светлана во всех своих халатах и кофтах забралась под одеяло и сжалась в комок.

В комнате резко потемнело. За окном повалили белые хлопья — первые в эту зиму.

Раньше бы она радовалась снегу, как маленькая, но сейчас он вызвал лишь досаду. Ночью, скорей всего, подморозит, и в квартире станет ещё холодней.

Отвернувшись от окна, Светлана с тоской думала о том, что придётся опять лезть в долги и о том, что она смертельно устала от безденежья, холода, одиночества...

Кажется, не так давно, она, молодой специалист, возвращалась в родной город, уверенная в себе, полная надежд...

Потом была скучная работа, скорое глупое замужество, неудачная попытка родить ребёнка, смерть бабушки, развод...

Почему всё так нескладно?!

Уходит жизнь, с каждым днём уходит, а Светлана, как была немёхой и неудачницей, так и осталась! Ну, что её дальше ждёт?!

Айгуль Бухарбаева

В душе обиду не носи.
Куда же деть её? — спроси —
Забудь. И своего обидчика прости.

С чем мы живём в душе и в голове? —
Так много чувств, что все не перечислишь.
Рай, ад мы сами создаём себе
То светлые, то чёрные вынашивая мысли.
Хочу любить и вдохновлять,
А не бояться и стращать.

В двух словах сказать о многом —
Это надо научиться —
Видеть соль, не лить водицу.

Я верю в истину младенцев —
Бог их устами говорит.
Он нашу с вами жизнь творит,
Которая летит, горит.
И слово здесь РАСПОЛАГАЕТ.
Да, именно:
Мы полагаем, а оно — располагает:
Не зарекаться от сумы, тюрьмы
Нас учит жизнь.
И когда слушаемся мы —
То нас Господь благословляет.

ВЕЛИКАЯ МЕЧТА

Мечта великая меня
манит.

Послушай, друг, в чём цель моя.
Представь, что на планете Храм стоит.
Веры, Любви, Надежды Храм —
Всем людям и богам.
Приходит в Храм какой-то человек —
Визит свой не забудет он вовек:
Храм полон света, жизни и тепла.
За это лишь Всевышнему хвала.

МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, РОССИЯ!

Слышу сердца биенье России,
Видю часто её я во сне,
Видю клин журавлей в небе синем
И на сердце так радостно мне.
Пусть Россия цветёт райским садом,
Вместе мир сохраним навсегда,
На защиту пойдём, если надо,
Не оставим в беде никогда!
Я встречаю рассветные зори,
Провожая закат за поля.
Там, где плещется Чёрное море,
За проливом — Россия моя!

От обиды на весь этот холодный безжалостный мир, в котором ей, казалось, нет места, комок подступил к горлу, и она, не в силах больше сдерживаться, зарыдала взахлёб, не стесняясь того, что за тонкими стенами панельного дома её могут услышать соседи.

Светлана плакала долго, вспоминая новые и новые свои обиды, промахи и невезения. Постепенно её всхлипывания стали затихать, и она незаметно для себя заснула.

Когда Светлана открыла глаза, старенькие часы показывали 15.20.

Вспомнив свои утренние злоключения, она решила, что вставать незачем. Мысль о перловке, которую дали под зарплату, и которую приходилось варить всю неделю, нагоняла тоску. А если не двигаться, есть почти не хочется.

В этом была даже своя прелесть — лежать вот так и наслаждаться теплом постели.

Мысли летели, куда им хотелось, и вскоре Светлана перенеслась в Новый год своего детства. В бабушкину квартиру с большой горячей печкой.

Бабушка, закатав рукава, колдует над пирогами и улыбается любимой внучке. В комнатах витает запах сдобы, мандаринов, хвои. На ёлкины лапы маленькая Света кроме игрушек развешивает нарядные конфеты и орехи в фольге, в коридоре уже стоят тарелки с разноцветным винегретом, наваристым холодцом, аппетитной розовой колбасой.

Когда же это было?.. В другой жизни или во сне?.. А, может, сон — это то, что сейчас?..

Светлана вздохнула. Ей вдруг так захотелось, чтобы сегодня у неё была ёлка! Как в детстве. Пусть без конфет и орехов, но чтоб с игрушками и дождём.

Конечно, это только мечты. Откуда ей взяться?!

И тут Светланин взгляд упал на комнатную розу, уныло стоящую около окна. По-настоящему, это была, конечно, не роза, но так уж называли это деревце за его большие красные цветы.

Выбравшись из-под одеяла, Светлана поставила его в центр комнаты и вымыла запylённые листики. Потом, притавив из кладовки старый чемодан с игрушками, украсила ветки.

Детские сокровища засияли под люстрой, и стало совсем празднично.

Следовало подумать о новогоднем ужине.

На кухне Светлана заглянула во все банки по очереди. Они были либо пустые, либо с ненавистой перловкой. Но за ними в глубине шкафа обнаружился пакетик с горсточкой риса.

Ободрённая успехом, она перешла к другому шкафу. Здесь её тоже ждала удача в виде жменьки засохших изюмин.

Светлана рис тщательно перебрала, перемыла и, добавив изюм, поставила вариться. Газ больше не тух, из кастрюльки пошёл пар, и стылая кухня будто ожила — задышала запахами пищи и уюта.

Когда каша сварилась, Светлана выложила её на тарелку красивой горкой и, — пир, так пир, — высыпала сверху щепотку оставшегося сахара. Потом отнесла блюдо к своей розе-ёлке.

До двенадцати было ещё далеко. С улицы доносились возбуждённые голоса. Молодёжь готовилась к празднику. Чтобы скоро-

тать время, Светлана тоже решила прогуляться. Когда она открыла дряхлую подъездную дверь, её будто ослепило.

Снег! Светлана совсем забыла о нём, а он за несколько часов укрывал всю слякоть, и теперь, казалось, светился под очистившимся звёздным небом.

Она набрала его, нетронутого, пушистого, полные горсти.

Пусть холодно. Зато как радостно дышит грудь и бьётся сердце!.

Когда Светлана поднялась к себе на этаж, дорогу ей преградил Николаич с гармонью.

— Света, дочка, ты что, не в гостях? Пошли к нам! — и прошептал заговорщицки: — У меня бутылка есть!

— Да нет, что вы, — начала было Светлана, но тут из-за двери появилась тётя Надя, жена Николаича.

— Светочка, заходи, я картошечки своей наварила. А ему, — она указала пальцем на супруга, — дружок хамсички дал. Заходи, чего одной скучать?!

— Не обижай моряка, — подключился опять Николаич, — Я ж моряк, дочка, я все моря прошёл!

Через пять минут Светлана появилась в их квартире со своей кашей, которая привела хозяев в восхищение.

Николаич принёс ей старенький стул, заботливо застелил его шубейкой, потом, многозначительно подняв палец и сказав: «Щас!», достал бутылку самогона и три рюмки.

Они сели за стол — проводить старый год. Светлана, чтобы хозяина не обижать, сделала вид, что пригубила, — мутную, жуткого запаха жидкость, и — и вместе с супругами принялась за хамсу и обжигающе-горячей картошкой.

Как только тётя Надя вышла на минутку, Николаич нагнулся к Светланиному уху.

— Ты, дочка, не обижайся, что я с тебя деньги взял. Праздновать-то надо, а ты разве бы сама пол-литру поставила?

— Нет! — сказала она честно.

— Ну и что б мы щас пили?!

Вернулась тётя Надя. Они встретили Новый год, и чуток захмелевшие супруги наперебой стали рассказывать Светлане, как славно им живётся с огородом, которым они занимаются уже два года, сколько с него собирают картошки, лука, тыкв. Тётя Надя стала уговаривать и её взять огород, расписывая, как будет хорошо ездить туда троём и как сытно заживёт Светлана в следующую зиму.

Раскрасневшаяся от обильной еды, она слушала их разговор и чувствовала, что оттаивает, что утренние неприятности теряют свою значимость и уходят далеко-далеко.

Ей захотелось сделать этим гостеприимным людям что-нибудь очень приятное, потому, как только тётя Надя посетовала на то, что нет ёлки, Светлана, объявив фокус, заговорщицки махнула Николаичу рукой. Через пять минут они явились с обряженной розой. Тётя Надя, всплеснув руками, стала радоваться, как маленькая, а Николаич, положив руку ей на плечо, мечтательно сказал:

— Вот, мать, я по молодости всё сынов хотел, а надо было дочку. Мы бы с ней жили, — захлопал повлажневшими глазами и схватился за гармонь.

Вера Дубинская

ПАМЯТЬ

Вспоминаю сорок первый год суровый,
Ты на фронт с мужчинами пошла.
Знала я, что смерть тебя не тронет,
Не погубит молодость война.

Ты солдатам в битвах помогала,
Холод, голод — всё перенесла.
Отдыха спокойного не знала,
Много жизней раненым спасла.

Ты прошла от Керчи до Берлина
Сквозь огонь пожарища и мглу.
Даже смерть тебя не победила,
Не сломила молодость твою.

И сегодня наше небо чисто,
За окном твоим цветёт весна.
И заходит солнце в дом лучисто
И не снится в снах твоих война.

ВОЛОДЯ ДУБЕНИН

Над Керчью заря расцветала,
Наш город счастливый встаёт.
Володя глядит с пьедестала,
Как будто в разведку идёт.

Жил мальчик весёлый на свете,
Он с морем и солнцем дружил.
Встречал голубые рассветы
И Керчь беззаветно любил.

Враги нашу землю терзали —
Володя смириться не мог.
Ушёл пионер в партизаны,
Чтоб выполнить честно свой долг.

Разведчиком стал он в отряде,
Отважным и смелым в бою.
Сражался со взрослыми рядом
За землю родную свою.

И там, где жил юный разведчик,
Крылатое солнце встаёт.
Герой — сын прославленной Керчи
В сердцах пионерских живёт.

Колдовство, мираж, обман.
Чьё-то длинное пальто
Вижу сквозь стекла туман.
Чьи печальные глаза
На меня из тьмы глядят?
За окном гремит гроза,
Тихо ветки шелестят...
Шаг вперёд... и он войдёт
Через тонкую черту.
Где-то радио поёт,
Голос льётся в пустоту.
Брызнул свет... И всё прошло.
Может, просто я спала.
Тихо в комнате, тепло,
Две свечи и зеркала.

— Давай, девки, пляши! Новый год пришёл! Ёлка есть! Чего вам ещё?!

Когда Света с тётей Надей после весёлого кружения и топота попадали на стулья, он начал рассказывать смешные морские истории, и они хохотали до слёз.

После очередной рюмки уже порядком захмелевший Николаич вдруг заохал и прошептал:

— Эх, девки, я ж человека убил! — и в глазах его было отчаяние.

Светлана, не понимая, что происходит, вопросительно посмотрела на тётю Надю. Та, проводив сочувствующим взглядом супруга, который выбежал с сигаретами на балкон, сказала:

— Он успокоится и придёт. Это всё давно было. Он тогда ещё в Севастополе с первой семьёй жил. Плавал начальником каким-то. Машина у него была. Жигули красные.

Они с другом прибытие домой справили, да и поехали куда-то. А тут дитё под самые колёса выскочило. Он на полной скорости в кювет свернул. Машину несколько раз перевернуло. Его побито здорово, — видала, какая шишка на лбу? А друга — насмерть.

Он потом отсидел, — знаешь, как в милиции, — пьяный за рулём всегда виноват. А за друга казнит себя всю жизнь.

Николаич вернулся наигранно-весёлый, взялся за гармонь и запел:

*Новый год, порядки новые,
Колочей проволокой наш лагерь окружён...*

— Что это?! — округлила глаза Светлана.

— Эту песню, дочка, наши пели, когда после войны из Германии возвращались.

Он заиграл опять, а ей представился продуваемый вьюгой двор немцы с овчарками, , холодные бараки, измождённые люди в них... солдаты, не по своей воле попавшие в плен, раненые, больные...

Николаич перешёл к более радостному репертуару, но веселье уже куда-то пропало. Светлана начала клевать носом и вскоре ушла к себе, дав честное слово, вернуться к завтраку.

Засыпая, она думала о том, как ей всё-таки повезло: в концлагере не сидела, ни в чьей смерти не виновата.

И вообще, жизнь прожита далеко не вся. Будет ещё на её Светланиной улице праздник!

Ирина Кучмина

Родилась в Керчи. Окончила Ростовский-на-Дону государственный университет, филологический факультет, отделение журналистики. Работает в городской газете «Керченский рабочий».

Победитель городского рейтинга популярности «Золотой Грифон» в номинации «Лучший журналист 2003 года», лауреат Республиканского конкурса «Серебряное перо».

Посвящается Мамочке моей Лидии Афанасьевне

НЕРАЗЛУЧНЫЕ

У Степана Матюхина под Новый год неожиданно умерла жена. Несколько лет не дотянули до «золотой» свадьбы.

Ничто не предвещало беды. Как обычно, Степан пришёл домой в стельку, как всегда, они крепко поругались: Антонина перенервничала, и это в порядке вещей. А на следующий день шла по комнате и рухнула навзничь. Степан к ней, а она глаз не открывает, не шевелится, только стонет. Вечером её увезла «скорая», а наутро в больнице её не стало. Врачи сказали: кровоизлияние в мозг, несовместимое с жизнью. Но у Степана была своя версия: это они, врачи то есть, ей не тот укол сделали. Его слушали, но не удивлялись, не тот, значит, не тот, время сейчас такое, никто ни за что не отвечает. Похороны были тихие. Народу пришло немного. Зато день выдался царский: снежный, солнечный, безветренный. Стало быть, заслужила Антонина. Женщина она была своеобразная, но незлобивая, подлости никому не делала, и люди искренне сожалели о её внезапном конце. Антонина лежала успокоенная и красивая, поражая сходством с молодым портретом, стоявшим в изголовье. Степан вырядился в новую куртку и шапку, на месте не стоял, по-хозяйски обходил скорбное собрание, как будто провожал жену не в последний путь, а в санаторий, на месяц.

— Проси прощения у Тоньки, а то житья тебе не будет, — сказал ему какая-то женщина. Степан округлил глаза, но спорить не стал, буркнул:

— Я уже просил.

Было за что. Плохо они жили... Степан пил горькую, Антонина не молчала, за что он её часто поколачивал. Когда дочь выросла и ушла из родительского дома в мужний, даже столовались отдельно. Со стороны им советовали, что вы мучаетесь, разведитесь и дело с концом. Но они об этом даже речи не заводили. Жили.

И вот остался Степан один. Куртку новую не снимал, шапку лихо заламывал набок, ходил в магазин, подолгу курил возле подъезда. Да он ещё женится, говорили соседи. И только Валентина, прожившая с ним на одной лестничной площадке тридцать лет, качала головой, нет, он долго не протянет.

Прохладна и нежна.
В ней тайны моря грусть
И бездны глубина.
По лезвию ножа,
Прозрачна и свежа,
Текла слеза девичья
И падала, дрожа...

ПЕСНЬ МОРЯ

На глубине есть старый грот,
Он травами увит.
Там рыбы водят хоровод,
Пиратский клад лежит.
Мерцают кости в жемчугах,
На кубках изумруд.
На длинных бархатных столах
Мальки нашли приют.
Шумел здесь раньше пышный бал
Под треск весёлый свеч,
Но налетел ужасный вал,
Страшнее, чем картечь.
Смешались звуки в плач и стон
Бегущей вдаль волны,
Дождя хрустальный перезвон —
С мерцаньем глубины.
Они смеялись за столом,
Вино текло рекой,
Блестели волны серебром
Под хрупкою рукой.
Сверкали в перстнях жемчуга,
Гранаты, хризопраз.
В подвязке женская нога —
Всё радовало глаз.
Как волны, звуки вдаль лились.
Но волны тут живут,
Морские звёзды разлеглись
Средь дорогих кают.
Хранит ушедшая волна,
Что здесь произошло.
Свидетелем была луна
И мутное стекло.

СВЕЧИ

Две свечи, как две мечты,
Между ними зеркала,
Отраженье пустоты
В грани мутного стекла.
Пламя дышит у черты,
Тают свечи в серой мгле,
Чьи-то бледные черты
Появляются в стекле.
Призрак ночи, кто ты, кто?

Наталья Голубева

КОЛИСКОВА

*«Несе Галя воду, коромисло гнеться.
На дев'ятий поверх ліфт не подається».
(В. Володин)*

Тягну з моря воду,
Аж спинонька гнеться.
А мені з плакату
Депутат сміється.
В цього депутата
Грошенят багато,
Сало є і хата,
Та й міцна зарплата.
Я би теж сміялась,
Та і танцювала,
Коли б ця держава
Про мене подбала.
Не сміються діти,
Не всміхнеться мати.
Виростай, дитинко,
Лізь у депутати!
Тягну з моря воду,
Аж спинонька гнеться —
На дев'ятий поверх
Вода не подається...

По лезвию ножа,
Прозрачна и свежа,
Стекала капля медленно
И падала, дрожа.
Холодной стали блеск
На серебре волны.
Короткий тихий всплеск
Зовущей глубины.
Рассвет рассеет ночь.
Русалочка умрёт.
С морскою пеной прочь
В тумане поплывёт.
Ей загляни в глаза —
В них моря бирюза,
Жемчужинкой стекает
В пучину волн слеза.
Солёная волна

И правда, Степан изменился. Пить бросил. Пенсию растягивал по копейке, скудно питался, часто жарил пышки на рассоле вместо кефира. Дочка навещала редко, и почти не помогала материально. Степан обижался, но виду не подавал, стеснялся. На него навалились болячки. Когда пил — казалось, ему сносу не будет. А теперь — то почки, то сердце, то простуда. Но восстанавливался быстро. Отлежится и снова на ногах.

Но даже и не в болячках дело. Раньше он всё время куда-то спешил, откуда-то бежал. Всегда быстрый, бодрый, деловой, первый шутник, а теперь — будто завод кончился. Как часы — корпус целый, стрелки на месте, а не идут, не тикают. Без Антонины жизнь потеряла смысл. Не перед кем теперь ходить гоголем, хорохориться, не на кого покричать, рукой в сердцах замахнуться. Он, словно актёр без зрителей, угас, сник. Жизнь покосилась, как забор, и что с ней делать дальше, он не знал.

Степана часто теперь видели плачущим. Любой разговор он переводил на жену.

— Вот без Тоньки как, — говорил он, всхлипывая и не стесняясь слёз. И непонятно было, к кому больше относились эти слова — к слушателям или к нему самому.

...Но время лечит. Через полгода, справив скромные, но достойные поминки по Антонине, Степан понемногу стал успокаиваться. Даже начал изредка улыбаться. А спустя некоторое время, решил навести порядок в собственном жилище, где последний раз свежей краской пахло в незапамятные времена. Помочь с ремонтом попросил сестру. Она жила в соседнем районе, но о её существовании никто не догадывался, не ладили они с Антониной. С утра до вечера в квартире Степана что-то двигали, прибавляли, стучали. Степан выходил на улицу в майке перекурить, и чувствовалось, что ему вся эта рабочая возня по душе, что он на подъёме.

О покойниках плохо не говорят, но Антонина была неважной хозяйкой, это все знали. Она жила так, словно впереди её ждала ещё целая жизнь. Копила деньги, покупала вещи впрок и не носила. После её похорон в шкафу остались новые, ни разу не надёванные платья. При том, что она одевалась очень скромно. Новая мебель стояла десятилетиями не распакованная в ящиках. Думали, для дочки берегла, но дочка ничего не взяла...

Сестра распаковала ящики, достала из шкафа шикарные портьеры, вымыла окна. Квартира заиграла, как игрушка. Соседи специально приходили смотреть, одобряли и радовались за Степана.

— Вот, Степан, теперь у тебя жизнь пойдёт по-новому. В чистоте и порядке.

А тут ещё и деньги у него откуда-то появились. Что ни день — в магазин идёт, колбасу покупает, масло, свежий хлеб. На вопрос, где взял, он туманно отвечал, что деньги у него никогда не переводились. Но людей не проведёшь, чувствовали, что-то не то. Степан опять взялся за старое. Дня не проходило, чтобы не выпил. А здоровья-то прежнего нет. То упадёт где-нибудь, расшибётся в кровь, то с давлением мается. Но это его не останавливало. Опрокинув рюмку-другую, он напоминал прежнего Степана, весёлого, бодрого, уверенного в себе. Ради этого он готов был пострадать.

Как-то ночью к Валентине в дверь постучали. Она открыла и ахнула. Сосед сидел на ступеньках и еле языком ворочал:

— Пусти... я в коридоре полежу, ключ потерял... упал в гараже, плохо...

Валентина впустила его, постелила на диване. Степан проспал день и всю ночь, и ещё день в своей квартире, когда дочь привезла запасной ключ. Вечером соседи, заподозрив неладное, вызвали «скорую помощь». Врач, пожилой мужчина с маленькими запавшими глазами, осмотрев Степана, сказал:

— Если до утра доживёт — хорошо, у него в голове катастрофа.

Степан умер утром, в полном сознании, страшно мучаясь головной болью. Он не открывал глаз и всё пытался поднять руку, чтобы показать, где болит, но сил уже не было.

Его смерть, как и Антонины, была для всех неожиданным ударом. В сущности, и причина смерти у них была одна на двоих. Но добил всех рассказ сестры Степана. Когда она делала ремонт, они нашли с ним под ковром в углу комнаты деньги. Тоня, видно, припрятала на чёрный день. Степан очень обрадовался находке. Большую часть потратил на долги за квартиру, остальные отложил себе на пропитание. Вот тогда-то и разбогател всем на удивление. А неделю назад приехал к сестре и говорит:

— Тонька приснилась, выметала мусор из квартиры. Плохая примета.

Сестра выслушала, но значения не придавала. В общем, забрала его к себе Антонина. Её деньги и погубили его.

Вот и закончилась эта печальная история о жизни и смерти таких разных, но, как оказалось, таких необходимых друг другу людей. Любовь ли, ненависть связала их намертво и, отпустив всего на несколько месяцев, снова спаровала, теперь уже навсегда.

МОНОЛОГ АКТРИСЫ

Знаете, я не бездарная. В институте Мастер мне так и говорил: «Лёлька, ты гениальна», и все спектакли ставил под меня. Но институт закончился, Мастер уехал, а роли в кино пролетали мимо меня со скоростью пули. Я долго пребывала в состоянии шока, а потом стала думать. Может, у меня внешность несовременная, не тот тип? Вон ММ родилась вовремя и стала символом. И я меняла внешность: стриглась, красилась, шила сногшибательные наряды. Мимо. Может, не раскрываться так всем навстречу, а напускать на себя туману погуще, чтоб не добрались до сути? Напускала. Опять холодно. Может, на глаза чаще попадаться? И я не вылезала из Дома кино. Нет результата. Несколько ролей я сыграла, но все так, пятая жена второго мужа. А во мне сил на сто главных, я ведь могла бы — ух, что я могла бы! И тогда я успокоилась и перестала ждать. Начала играть в жизни. Свою самую главную роль.

Я поняла, что если ты не хочешь, чтобы жалели тебя — жалей других. Сначала я просто хотела помочь себе и обратилась к звёздам. Я открыла там такой интересный мир, да ещё плюс моя фантазия. Изучила гороскопы, все, какие есть. Увлёклась психологией — человек передо мной лежал, как на ладони. Всё. Можно было приступать к делу. И я приступила. Себе я не помогла, в том смысле, что кинокарьера моя двигалась плохо, но жизнь моя изменилась. Я стала независимой, свободной и обеспеченной.

Начала со знакомых. Составляла звёздные карты, вычисляла благополучные дни, предсказывала события на два и десять лет

Жила там рыба лунь, и на поверхность
Всплывала,
лишь когда взойдёт Луна.

Плачет ива под Луною,
Слёзы каплют во тьму.
Я сегодня не с тобою.
Тяжело мне одному.

На краю сию обрыва,
Подо мной течёт река,
И твержу без перерыва
Я безумные слова.

Может быть, сошёл с ума я,
В грёзах дивных стал витать,
Но «Люблю тебя, родная»
Не устану повторять.

На краю сию обрыва,
Плачет ива под Луной.
Будь же ты всегда счастливой,
Хоть не буду я с тобой.

Может, снова попытаться
И любви построить дом?
Надоело уж топтаться
Мне под розовым окном.
Я возьму стакан гранёный,
С отпечатком грязных рук —
Отмечаю день свой чёрный,
Что играет в вечный круг.
Глаз сиянье не забуду.
Лезу в чёрную петлю.
Всё равно кричать я буду,
Хоть в аду — «Тебя люблю!!!»

РЫБА И ЛУНА

Течёт спокойно грязная речушка,
На дне её покой и тишина,
Живёт там рыба-лунь, и на поверхность
Всплывает, лишь когда взойдёт Луна.
А днём лениво плавником шевелит
И тычет мордой в ил, ища червей,
Хвостом сечёт он воду еле-еле,
Плывёт устало в бездну вечных дней.
Никто не знает, что его тревожит,
И не представит, сердце как болит.
Любовь его печалью вечной гложет
И свет Луны наверх его манит.
Плывёт наш лунь сквозь тихий сон речушки
И прячет морду в илистую тень.
Вокруг него весёлые рыбёшки
Пытаются разрушить его лень.
«Бедняжка лунь, ну хватит уж лениться,
А то ведь так заснёшь ты на ходу.
Подвигай плавником раз сорок, тридцать,
Иль поиграйся с нами в чехарду».
Но лунь молчит, забыв про день и спешность,
Скрывает, как душа наверх бежит,
Но, лишь взойдёт Луна, и на поверхность
Проворнее рыбёшек он спешит.
И плачет бедный лунь, и над рекою
Разносит воздух стон, что вдаль манит.
— Не будет никогда Луна с тобою,
Забудь о ней. — Река ему велит. —
«Рождённый плавать, ты летать не можешь,
Не сможешь покорить ты высоту.
Забудь же ту, что всех тебе дороже,
Оставь свою прекрасную мечту.
Сиянья в небе чистом половодье,
И дарит Солнце луноликой свет.
Что дашь ей ты, скользящее отродье?
Плыви себе, сквозь холод долгих лет».
Течёт спокойно грязно речушка.
На дне её покой и тишина.

вперёд. Если у них возникала проблема, мы вместе её раскладывали по полочкам и искали выход. Когда находишься внутри собственной проблемы, ты его не видишь, а со стороны, да если ещё есть мозги — вот он, на поверхности. Игра стала увлекать меня настолько, что мои предсказания сбывались. Круг моих, так называемых, клиентов расширялся, среди них попадались влиятельные люди. Жизнь так поворачивала, что они в какие-то моменты теряли своё могущество и становились слабыми и беззащитными. А я давала им надежду и указывала путь. С помощью звёзд, конечно. Если они шли по нему, у них складывалось всё хорошо, если нет — крах.

Меня стали побаиваться. Глупцы, я не изобретала велосипеда. Всё уже открыто до меня. Грех будет наказан, зло вернётся сторицей, чужое чужим останется. Но им казалось, что я постигла что-то сверхъестественное. Пусть. Я разрешала им так думать. Они хорошо платили мне за свои иллюзии.

Деньги, власть, любовь — вот три кита, на которых стоит людское благополучие. Задачи с этими тремя неизвестными мне и приходилось решать. Среди ночи в моей квартире может раздаться звонок: «Лёля, если ты не приедешь, я сейчас умру!». За мной присылают машину, белый «линкольн». Сажусь, еду. До утра мы с клиенткой копаемся в её грязном белье. Она рассказывает мне такое, чего не расскажет больше никому. Проходит день и ещё ночь. Пьём, курим и говорим, говорим. Она то плачет, то смеётся, то слушает, то думает о своём. Наконец, наступает просветление. Она больше не хочет умирать. Я говорю ей, что через восемь лет она получит наследство, а через пять — станет матерью. Наследство ей ни к чему, она долларами прикуривает, а ребёнка хочет страстно и давно. Она верит и не верит, но в глазах появляется живой огонёк, душа распрямляется. Всё, я своё дело сделала. После двух бессонных ночей я как выжатый лимон. Теперь домой и спать.

Или другая давняя клиентка. «Всё, сегодня я его выгною, моё терпение лопнуло, он опять не ночевал дома». Я ей — сегодня звёзды тебе не благоприятствуют, пережди, завтра хороший день. Звонит через два дня, голос счастливый. Ты, говорит, была права, вчера он сам сказал мне, что никогда нас с дочкой не бросит, что мы у него единственные.

Одному начинающему банкиру я сказала, что через шесть лет он будет в правительстве. Он посмеялся, а когда это произошло — день в день, сделал мне дорогой подарок. Другому бизнесмену сказала: предашь друга — погибнешь. Предал, и в него стреляли.

Да, за надежду, пророчества, психоанализ мне платят и немало. И клиентура у меня повесомее, чем в каком-нибудь престижном центре. Я ни в чём не нуждаюсь. Хочу соболиную шубу — висит в шкафу, хочу дорогой перстень — пожалуйста. Бывают дни, когда я могу если не всё, то очень многое. И лишь одному Богу известно, чего мне это стоит.

Иногда в моей жизни случаются праздники. Какой-нибудь добряк-режиссёр из старых фанатов зовёт меня озвучить документальный фильм или даст эпизод. Я бросаю всё и лечу на студию, как на крыльях. Я упиваюсь запахом павильона, убогих декораций, общением с добряком-режиссёром, у которого ничего нет, кроме

кино. Я честно, на все сто, делаю свою работу, и мой копеечный гонорар дороже мне многих тысяч долларов.

Когда я возвращаюсь домой со студии, — лёгкая, изящная, шикарно одетая, со звёздной улыбкой, в руке сумка-кошелёк, соседи смотрят мне вслед: «Актриса идёт!». И я счастлива, а всё остальное никого не касается.

ГЛОТОК ЛЮБВИ

Анна ехала в город за билетом. Через неделю она улетала в Мурманск к мужу. Расписаны они ещё не были, но в самое ближайшее время собирались это сделать, что давало ей право так его называть.

На остановке не было ни души. Анна достала зеркальце, карандаш и подвела глаза. Ей всегда казалось, что если сидеть дома, то можно с утра до вечера заниматься собой. Но вот она уже почти месяц никуда не выходит, после того, как рассчиталась с работы, а следить за собой совсем нет времени. То надо на дачу — помочь родителям, то компоты варить на зиму, то уборку делать. Пока Игорь был рядом, она держала форму. Уехал — всё, красоваться не перед кем. Да здравствует естественность!

Палило солнце, и Анна спряталась в тень густого тополя. Мимо пролетали автомобили, подходили и отъезжали ненужные ей автобусы. Она терпеливо ждала и вспоминала, что, когда провожала Игоря, не было ни одной свободной секунды. Из дома на такси, потом автобусом на Симферополь. Они даже поцеловались на бегу. Какое-то суматошное и светлое расставание. Может, потому, что не надолго? Через месяц следом вылетала и она. А может, и не потому вовсе?..

Анне не хотелось покидать свой дом. Тихий провинциальный городок, где уже почти всех знаешь в лицо, любящие родители, подруги. Но Игорь работал в мурманском пароходстве диспетчером, у него там была родина и дом, и Анне пришлось выбирать: или одиночество дома, или семья на чужбине. Она выбрала второе. Пришло время вить своё гнездо, рожать детей, растить их, провожать и встречать мужа с работы, жить обычной, как у миллионов женщин, жизнью. Хватит витать в облаках, в двадцать шесть лет пора браться за ум.

С Игорем они познакомились очень просто. Он зашёл с улицы в их контору и попросил позвонить по телефону. Среднего роста, усика и цепкий, пристальный взгляд. Анна разрешила. А на следующий день он явился без всяких просьб, но с букетом цветов. Он был моложе её на год. Надёжный, спокойный, уверенный в себе. Когда-то в юности он обжёгся на первой любви и с тех пор не очень доверял женщинам. Но Анна покорила его открытостью, простотой и полным отсутствием желания «захомутать» его, свободного и выгодного кавалера. Он чувствовал, что за этим что-то кроется, но с вопросами не лез, ждал. И только по благодарности, с какой она откликнулась на его внимание и ухаживание, он догадывался, как саднит это «что-то», как продолжает жить в ней, даёт о себе знать.

...Вдруг как будто кто-то взял и повернул голову Анны направо, и в это же мгновение её словно ударило током. Навстречу нёсся красный жигулёнок. Она узнала бы его даже с закрытыми глазами, по звуку, по скрипу, по ветру, которым обдало её на прощанье.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Что хочет от меня Господь?
Зачем меня он породил?
Неужто создал эту плоть
Лишь для того, чтоб я бродил
Как леший дикий, что в лесах
От людя скрылся. В небесах
Меня не ждут. Среди людей
Всегда чужим, как средь зверей
Брожу устало, словно тень.
Мешает мне спуститься в ад
То ль страх, то ль лень,
Но был бы рад
Я умереть, взлетев на миг
И, заглушая в горле крик,
Расправить руки — два крыла:
И чтоб над бездною неслась
К тебе, единственной, любовь.
И, разбиваясь о гранит,
Глотая собственную кровь,
Мечтать о нежности ланит.

MANOWAR

Мы викинги, рождённые в бою.
И в мышцы пусть впиваются мечи.
Мы викинги, и ненависть свою
Ты лучше спрячь в болоте и молчи!
Ты поклонись нам в пояс, до земли,
Коль пред тобой шагает грозный полк.
И если трус, собака — то скули,
А если воин — то умри, как волк!
Наш бог — металл, что рубит с кровью плоть,
В железных латах кованый топор.
Беги от нас, коль встретиться невмочь
С варягом, и в бою скрестить с ним взор!

СТАКАН

В поле диком и безлюдном
Гонит ветер ковыли.
В одиночестве безводном
Я стою, от всех вдали.
Я хочу кричать и плакать,
Головой о стены бить,
Что мне делать, я не знаю,
Не хочу я больше жить.
Надоело мне скитаться
В одиночестве вдали,
Постепенно умолкаю
В темноте сырой земли.
Я парю, расправив крылья,
Только рядом никого.
Отвернись, я улетаю
В серый ад для одного.

Андрей Синеглазов

(1980 — 2003)

ОДИНОЧЕСТВО

Я построил стену из известняка,
За стеною город, а пред ней — река.
Я лежу поленом во дворце пустом,
Завернувшись пледом, вспоминаю дом.
Я хочу вернуть всё на сто лет назад,
Вместо стен высоких, посадить бы сад.
Вместо крыши — небо, вместо комнат — пруд.
Променял я счастье на гнилой уют.
Я встаю с постели на холодный пол,
Вместо птичьих трелей, горько скрипнул стол.
Вспоминаю Солнце, серебро Луны,
Я смотрю в оконце. Не приходят сны.
Ночью в небе пусто, серый ливень днём.
С зеркалом мне грустно,
Как всегда, вдвоём.
Я стою на крыше своего дворца
Не подняться выше: я у ног Творца.
Поднимаю ворот, камнем вниз лечу.
Ах! Зачем мне город? Я летать хочу!

ПУСТОТА

Нет боли, нет любви и нет желаний,
Как пресс, сжимает голову тоска
И сердце глухо стонет от страданий,
Но боли нет, в груди лишь пустота.
Живу, как будто в ледяной пустыне.
Мне холодно, и я прошу огня.
Плыву один я в никуда на льдине,
И льдина неприступна, как стена.
Живу один я в неприступном замке
И не рассеет мрак весёлый шум
Гостей, что приезжают спозаранку,
Ничто не нарушает мрачных дум.
Я оградился от людей стеною
И не впускаю никого к себе.
Пусть они смеются надо мною,
Душа сгорает в ледяном огне.
Кричу им, чтоб оставили в покое
Меня, ведь я же человек! Но смех
Меня прервал... И я не принимаю
Жестокий мир бездушья и потех.

В этой машине с затемнёнными окнами она знала каждую царапину, каждое пятнышко. Она была для неё живая, одушевлённая, потому что была частью его. Когда год назад Алик решил уйти, а ей ничего не сказал, просто уехал в командировку, то вернулся не через два дня, как говорил, а через две недели. Пришёл к ней домой, сел и долго смотрел на Анну, как будто искал ответ на мучивший его вопрос. А потом непривычно тихим голосом стал рассказывать, как машина попала в жуткий гололёд, как её несколько раз крутануло на дороге, ударило другой машиной и бросило на обрыв. И как над этой пропастью он думал о ней, точнее, просил у Бога прощения, что хотел поставить точку, не поговорив, не попросившись...

Шесть лет было отдано этому человеку, самых лучших, самых удивительных лет. Это была любовь, не освящённая браком. Они сознавали, что являются двумя половинками единого целого, но от этого им не было легче. Вооружённые любовью, они продирались сквозь боль, отчаяние, разочарования, взаимные обиды и упрёки. Сладкая мука возвысила их и иссушила до дна. Когда двум людям невыносимо хорошо вместе, это должно когда-нибудь кончиться. И через шесть лет это случилось. Игорь появился в тот момент, когда пришло время сказать «Джордж». Это была фраза из её любимого в детстве американского фильма «Звуки музыки». Там мужчина собирается оставить женщину, и та, чтобы сохранить достоинство, в самый последний момент опережает его и говорит: «Джордж, я давно хотела вам сказать, мы не подходим друг другу». Так что Анне не пришлось говорить эту ключевую фразу, и кто знает, не будь Игоря, может, они и по сей день продолжали бы встречи.

Рядом останавливались какие-то люди, подъезжали автобусы, но Анна уже ничего не замечала. «Куда он поехал? Наверное, в пансионат, повёз родственников. Успокойся... тебе в противоположную сторону. Но ведь он сейчас вернётся, мог бы подвезти меня. А что ты ему скажешь? Всё равно подожду. Я его три месяца не видела. Ну, увидишь, и что? Ничего, хочу увидеть и всё! А Игорь? Другую найдёт, у него всё впереди». Анна неотрывно смотрела туда, где скрылся красный жигулёнок.

Так прошёл час, другой, третий. Это была пытка, которую она сама себе устроила. Это был последний глоток любви, который не утолил жажду, а судорогой перехватил горло.

Всё, не судьба, сказала она себе, наконец, и села в автобус. Внезапно потемнело небо, подул ветер, пошёл сильный дождь. Он был как нельзя кстати, потому что те, кто стоял на улице и видел в окне проезжавшего мимо автобуса лицо молодой женщины, думали, что это просто дождевые струи хлещут по стеклу.

Александр Кацуба

СОБОР св. ПРОРОКА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

Около центральной площади города стоит Православный Собор св. пророка Иоанна Предтечи. Стены его выложены из белого камня-ракушечника. Хорошо видна древняя кладка и все соединения. Красиво разбегаются лучики из красного кирпича, положенного ребром, на белом фоне, в верхней, овальной части высоких узких окон. Пробегает кладка кирпича и по стенам, длинными красными поясками, обыгрывая свободное пространство, пересекая вертикальное направление длинных карнизов. Купол выложен красной черепицей и поддерживает, в цветовом решении, кладку кирпича, связывая всё в единое целое.

Никто не знает, когда Собор был построен. Это тайна, её надёжно хранят века, сокрыв от нас за непроглядной завесой времён, и никто не может туда проникнуть. Учёные-исследователи предполагают, что это был IX или X век.

За это время Собор неоднократно перестраивали, а в 1845 году была построена колокольня, органично вписавшаяся в общий облик Собора и придавшая ему ещё большую величественность и красоту.

В 1937 году Собор был разграблен и закрыт на многие годы, были сняты кресты и колокола. А священника упрятали в далёкую Сибирь, за колючую проволоку концлагерей. И где-то там, на бескрайних просторах, навсегда затерялись следы этой трагедии.

Но как мог Собор выстоять и сохраниться? По закону того времени, его не должно быть. А это — промысел Божий. После того, как Собор был закрыт, его здание было передано на баланс историко-археологическому музею города. Здание Собора использовалось музеем, как хранилище каменных памятников и плит, и стал он называться лапидарием. Власти города слали свои отчёты в высшие инстанции, где сообщали, что на месте Собора стоит лапидарий. Вышестоящие инстанции совсем не интересовал какой-то лапидарий, да и вряд ли они представляли, что это такое. Там уловили главное: Собора нет, и это их устраивало.

Позднее в Соборе были проведены реставрационные работы, а в 1990 году он был возвращён Православной Церкви.

В Соборе возобновилась служба, а вскоре жители города услышали и долгожданный колокольный звон. С колокольни, через верхушки деревьев, звон плывёт над площадью, разносится над всем городом. Даже В. И. Ленин, на пьедестале, снял свою кепку и стоит с непокрытой головой, напряжённо вслушиваясь, словно силясь понять, откуда льётся этот дивный звон. Всё возвращается на круги своя.

Лишь утро... будет день
Священного крещения
И Дух святой сойдет
Очистит сердце, души.
Одумайся, народ!
Кануны все нарушив,
Он царство на земле,
Хотел для нас создать
Букетом ты на золе...
Творить и созидать...
Не поняли Его...
И просто обрekli,
Миссию своего.
К Голгофе повели,
Розверзлись небеса
И грянул Божий суд,
Не стались чудеса...
И опустел сосуд...
Где истина? Она
Была на третий день
От смерти, как от сна...
Смешались свет и тень
Добро сразило зло
Что случилось? Как нам знать
Как все произошло?
И Он воскрес опять!
Тогда в чем жизни суть?
Зачем она дана?
Поймем когданибудь?!
Твердим мы: «Жизнь одна
Бери все от нее
Любви, страстей, вина —
Вот это все твое
Но тленно это. Знай
Лишь вечная душа
Узнать где ад, где рай
С «душою малыша»
Спеш и ты сынок
Зря время не теряй
Прими ты мой урок,
Сознанием осознай
Зачем ты в мир пришел,
Что должен ты создать,
Чтоб было хорошо...
Чтоб мог душой летать
Кем будешь — все равно
Неси Любовь светло,
Что бы его зерно
В тебе да проросло

Не только жизнь свою.
Он искренно любил.
Учил, как жить в раю.
Великий Бог — Отец
Его благословил.
Сын Бога — Сотворец,
Он прост и скромн был,
Любому услужить
Безропотно он мог.
Учил Он всех любить
И все же Он был — Бог.
Божественных даров
Его не сосчитать
Он мог без лишних слов
Любого убеждать.
И люди шли за ним,
Мессиею назвав,
И восторгались Им,
Своих, не зная прав,
Не зная, что они —
Такие же, как он...
В далекие те дни
Священный был закон
И верили в Богов,
Их много, всех не счесть
И множество веков
Царили ложь и лесть,
А Он пришел, как гром,
Как молния с небес.
Сказал, что сердце — дом.
И в сердце Дух воскрес
Поверить надо всем —
Есть только Бог — Отец.
Не надо теорем,
Ведь он всему творец!
И каждому из них
Приходится — Отцом
И для детей своих
Любви построит дом
И если Он — Отец,
То, каждый, как дитя
Любовь своих сердец
Отдайте и шутя
Да в радости живя,
Меняйте этот мир,
А рабство — путь червя.
Пустите мысль в эфир:
Добро, любовь и свет.
Чтоб получить свободу
На много — много лет
Крещение через воду.
Да это ведь ступень.
Ступень на восхождение.

Меня заинтересовала группа туристов, обрадовало их безошибочное определение настоящего, подлинного искусства. Их покорило своим совершенством этот уникальный памятник древнего зодчества, ныне действующий Православный Собор св. пророка Иоанна Предтечи. Эти люди прилетели с далёких островов Британии. Они долго кружили вокруг Собора и переговаривались между собой на чистом английском. Без усталости щёлкали фото- и жужжали кинокамерами. Но со стороны площади съёмки сделать им не удалось. Мощные кроны деревьев надёжно укрыли Собор от людского взора, и лишь колокольня одиноко выглядывает из-за густой листвы. Туристов больше ничего не заинтересовало: всё окружение — самое банальное. С западной стороны, при входе в Собор — ряд заведений питейно-закусочного содержания, а с юга — с большой амбицией и с претензиями на оригинальность, каменная коробка, облицованная кирпичом, беспардонно, почти вплотную прилепилась к Собору. Этот каменный квадрат-колодец смотрится так же, как Малевич со своим (Чёрным квадратом) среди шедевров мировой живописи. Внутри этой коробки разместился магазин и зал с игровыми автоматами. А недалеко от магазина, около автобусной остановки, скромно пристроилась распивочная палатка.

Туристы спустились на набережную, к морю, напоили свои лёгкие живительной свежестью морского воздуха. Постояли молча, глядя в даль моря, думая о чём-то своём.

Старшее поколение евреев, после Исхода, не вошло в землю Обетованную потому, что они как были рабами, так ими и остались, и мыслили с оглядкой на Египет.

То же происходит и у нас. Советская власть приказала долго жить, а мы всё ещё оглядываемся на бронзового идола на пьедестале, как евреи на Египет. Имея такое сокровище, как Собор св. пророка Иоанна Предтечи, стараемся подогнать его под своё рабское понимание. Всякая бездуховная посредственность лнёт к стенам Собора, чтобы использовать эту святыню в качестве эталона экзотики. Красиво посидеть за столиком, около древних стен, лениво потягивая пиво, под звон церковных колоколов, с отшибленной памятью Иванов, родства не помнящих.

А потом удивляемся, почему на нас вечно обваливаются всякие несчастья и потрясения. Иисус Христос показал нам, как нужно действовать. (Иисус пришёл в Иерусалим и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, (также) и овец, и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул).

Собор св. пророка Иоанна Предтечи мог бы представлять лицо нашего города на должном уровне.

В недалёком прошлом веке здесь, на центральной площади города, всё сотрясалось. Громкоговорители выкрикивали приветствия к народу, гремела оглушительная музыка духовых оркестров и рёв колонн ДЕМОНстрантов, проходивших мимо правительственной трибуны. Заверявших руководство города в своей беззаветной преданности родной коммунистической партии и правительству. Обещали выполнить и перевыполнить взятые на себя трудовые обязательства: догнать, а потом обогнать Америку и ещё кого-то. Даже можно и всех, вместе взятых, если только прикажет родная партия. Ещё что-то обещали сделать, да такое, что уже откровен-

но зашкаливало за здравый смысл, но этого никто не замечал, будучи в каком-то угаре. Руководство города, во главе с первым секретарём горкома партии, с высоких трибун оскорбительно взирали на истерически орущих в патриотическом угаре, вконец одуревших, людей. Восторженный голос из громкоговорителя оглушительно выкрикивал призывы родной партии к трудовому народу: «Народ и партия едины!», «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!», («Догоним и перегоним...» и тому подобную демагогию.

Над всем этим представлением громоздилась огромная статуя В. И. Ленина, на пьедестале, который дал трещину до самого основания, наспех заштукатуренную. Вождь мирового пролетариата стоял с вытянутой вперёд рукой, в позе регулировщика движения и указывал, куда идти. Но колонны ДЕМОНстрантов шли почему-то не туда, куда указывал им великий Ленин. Они шли под вытянутую руку, этим грубо нарушая правила движения. С площади колонны приходили прямо к Собору, там шествие и заканчивалось. Но люди были ещё далеки, от того, чтобы понять и осознать, что не случайно они очутились у святых стен.

ТУМАН

Я шёл в церковь к вечерней службе. Ещё был запас времени, и я спустился вниз по лестнице к морю. Присел на скамейку, отдохнуть от дневной суеты, прийти в себя. Пляж был пуст: ноябрь месяц, купальный сезон закончен. Погода серая и тусклая: какая-то сырая тишина стояла в воздухе. В это время года все спешат укрыться в своих тёплых квартирах, ни разу не посмотрев в окно. Да, за окном ничего интересного, даже листья уже откружили, осталась одна серость сырого полумрака. А я сидел и смотрел на море. Волн не было, лишь накат моря на прибрежную гальку, и дышало оно со странными вздохами. Может, жалело, что закончилось жаркое лето, а может, ещё о чём-то. У моря тоже свои воспоминания.

С моря потянул туман и стал всё вокруг окутывать, обнимая. Все чёткие очертания пропали, стали водянисто-воздушными, акварельно-размытыми. Иногда лёгкий ветерок шевелил эту нереалию, и всё плыло. Получалась живая фантастика, которая смотрелась как сквозь мутное стекло. Мимо меня, над землёй проплыла пара осеннего возраста, не обратив на меня никакого внимания. Я узнал их, это были мои знакомые. Они медленно начинают размышляться, и вот уже туман совсем укрыл их от посторонних и любопытных моих глаз.

Я смотрю на меланхолию и удивительную гармонию природы, и чувствую себя тоже частичкой этого бытия. Всё это творение Божие уму человеческому не постижимо.

Туман густеет и оседает на одежду мелкими капельками, становится совсем сыро. Я снимаюсь со скамейки и плыву в плотном и мутном молоке. Уже плохо просматриваются очертания дороги и деревьев, а лестницы совсем не видно. Слышу приглушённый звон церковного колокола. Иду на этот звон. Пытаюсь мысленно творить молитву, но навязчиво в голову лезет песня «Вечерний звон» и другие помехи.

Чем ближе подхожу к церкви, тем труднее становится продираться сквозь густую и плотную мутную стену. Туман как сырой ва-

«Свет в глазах твоих лучится
И дрожат твои ресницы
Вот румянец вспыхнул ярко
Даже мне вдруг стало жарко...»
Поняла тебя без слов
Загадала ты «ЛЮБОВЬ!»
Пусть сгоревшая звезда
Улетела в никуда,
Но любовь в душе родится
И мечта твоя свершится!
Он придет, один единый,
Так тебе необходимый
Свет звезды уже пролит
Звездный мост соединит
Пока звезда в падении
И не мучают сомнения
Звезды весело лови
Господи, мечту благослови.

Еще раз о святом

Когда-то рассказал
Отец мне свой рассказ.
Он притчею назвал
И повторил не раз:
«Внимательно сынок
Ты выслушай меня
Прими все как урок —
Исток благого дня
Когда-то на земле
Жил Бог, как человек.
Он был цветком в золе,
Водою чистых рек.
Он был лучистый свет,
Немеркнувший огонь.
Он был любви рассвет.
Дарил тепло ладонь.
Костер своей души,
Энергию с небес.
Он зло в сердцах крушил.
Ему не страшен бес.
Творил Он чудеса
И мертвых воскрешал.
Хранили небеса...
Он тайну жизни знал
Он жизни видел суть
Иным мир создавал.
Он мог перечеркнуть
Понятий идеал.
Что главное, что нет.
Он видел всех насквозь
И уводил от бед
Путем шипов и роз.
Он людям подарил

Мне в вечность путь укажут звезды.
В неведомую даль душе бы улететь
И тайны мироздания познавая,
Душе взволнованно и радостно запеть
И вот она, душа, уже другая.
Мы все похожи сущностью своей
Лишь глубина души неизмерима
Ты время для познаний не жалея
Ведет по жизни нас судьба незримо.

Желание

Юля! Юля! Юлия!!!
В небе звездная струя.
В водопаде звездных брызг
Слышу твой счастливый визг
Голос радостный, он звонок
Ты резвишься, как ребенок
Звезды в небе, словно мошку,
Ловишь весело в ладошку.
Звездопад в исходе лета
Пусть не скоро до рассвета
Время торопить не надо
Звездопад тебе награда.
Звездный свет в зрачках играет
Душу, сердце зажигает.
«Ты желание загадала?
Лишь одно!? Да это мало!
Исполнение несет,
Каждой звездочки полет
Загадать все вправе ты
И исполнятся мечты.
Загадай себе подарок
Ты авто престижных марок
Гардероб, как у принцессы
И путевочку в Одессу
На Гавайи или Майами
И браслетиков с часами
Загадай себе один
Супермаркет магазин
И шикарное бунгало —
Это хватит для начала.
Ведь звезда не лотерея
Звезд падение в поверья
Что ты смотришь и молчишь?
Неужели не решишь?
Что ты машешь головой?
Угадаю дай, постой!
Как же мне тебя понять?
Что могла ты загадать!?
Говорить нельзя? Понятно.
Объясни мне взглядом внятно,
Чтоб я просто догадалась
Дай подумаю я малость:

той облепил все подходы к церкви. Это мои грехи меня не пускают, но другого пути нет. Я прилагаю все усилия и вхожу в Храм. Всё навязчивое и суетное осталось там, позади, за порогом Храма.

А здесь, в состоянии смирения и покаяния, мы стоим перед Богом, с нашими грехами и надеждой. Мягко теплятся лампы перед образами, и смотрят нам в самую душу лики святых. Горят свечи, от них с теплом исходит благодать, плавится воск, стекает и капает жёлтой янтарной слезой. Они сгорают до конца, в своей жертвенной безмолвной молитве. За нас, грешных, не имея своих грехов. Ангельскими голосами, слаженно и высоко, запел на клиросе церковный хор. Начинается вечерняя служба.

Алексей Вдовенко

НА ПЛЯЖЕ

Разгар лета. Но ранним утром в будний день на пляже тихо и пустынно. Под грибком, греясь в лучах не совсем ещё проснувшегося солнца, сидит, улыбаясь ему, единственная посетительница — очень загорелая крепкая старушка. Временами губы её шевелятся, словно разговаривает она с морем, с большими бакланами, безбоязненно шагающими по песку едва не у самых её ног. Разговор этот слышен лишь ей самой, ещё, может быть, робкой волне, что подкатилась поближе, прошелестела едва уловимое ответное приветствие и — снова тишина.

— Мамочка! Море! — вдруг разбудил сонный пляж звонкий детский голосок.

Крохотная девчушка в пышном белом платье одуванчиком, безжит, неуклюже волоча большую яркую надувную черепаху. Светлые кудряшки взлетают под маленькой шляпкой, а глаза, восторженно распахнутые, не отрываются от необъятного простора.

— Люся, сейчас же вернись! — голос мамы добродушно строг.

Сама она в открытом сарафане, с тяжёлой сумкой в руках, с трудом ступает по рыхлому песку босоножками на высоких каблуках.

Особая белизна кожи матери и дочки выказывает в них приезжих издалека. Мама, добравшись на отдалённый пляж с тяжёлой ношей, да с этойкой непоседой, немного устала и раздражена.

— Люся, я кому сказала?! Не лезь к воде! — прикрикивает она, расстилая на песке подстилку. Досада её увеличивается: ветер, до сих пор незаметный, откидывает края покрывала, засыпает его мелким песком и сухими травинками. Неизвестно откуда взявшиеся, полетели на ту сторону пролива большие лохматые облака.

Молодая женщина, зябко поёжившись, обернулась к старушке:

— Как думаете, дождя не будут?

— Может, и не будет... — с улыбкой отозвалась та.

— А то, в такую даль, на трёх автобусах, и — зря...

Девочка подбежала к матери, сбросила туфельки, протянула руки:

— Мамочка,ними платье. Мы с Чипой пойдём купаться. Там — рыбки, вот такусенькие! — показала пальчиками.

— Какое купаться?! Ветер вон...

В это время неожиданным порывом подхватило лёгкую игрушку, понесло по берегу, швырнуло на воду.

— Чипа! — отчаянно закричала девчушка и кинулась спасать любимицу. Но ветер, усиливаясь, погнал её дальше, дальше в море. А облака, перелетев пролив, начали сливаться там в одну боль-

* * *

Вечер. Ветер и осенью веет.
На душе разлилась тоска
Наливаются груши и спеют
Тянет дымом издалека...
Скоро будут одни пепелища
От упавшей на землю листвы
Для души моей грешной жилище
Я нашла в этом мире. А вы?

Письмо

Что загадала? Вам я не скажу
И на вопрос Ваш — не отвечу.
Я молча письма прочитав, сожгу
Надежду оборвав на встречу.
Что из того, что любите меня?
В моей душе огонь, увы, погас.
Я забываю вас день ото дня
А может вовче не любила Вас
И вы остались лиш воспоминаньем
Далеким и забытым сном.
Прощайте не надеясь на свиданье.
Вы были мигом на пути моем...

* * *

Себя я открываю по чуть-чуть
Законы мироздания мне подвластны
И я надеюсь, что когда-нибудь
Обмолвит кто-то, что жила я не напрасно
А для меня секунды, каждый миг — Познание
Вселенной и Начала
Что б сердца звук божественный постиг
Стремилась я, об этом я мечтала.
Я, словно книгу, душу отворю
Читайте таинства большого Мироздания
Я вам любви святыню подарю
И лишь потом скажу всем: »До свиданья...«

Желания души

Осенний вечер, тихо за окном
И я укрывшись пледом,
Пред тем, как погрузится в сон
Читаю о любви и бедах.
О злых и добрых, радостных и вот
Вливаюсь в судьбы. Книжные герои
Влекут, как зелье, будно приворот
Любовь с коварством — кровь рекою.
А мне б закрыть усталые глаза.
Мисль устремить, умчаться в бесконечность,
Где нежных чувств — хрустальная слеза,
Где лишь покой, любовь и верность.
Ах наша жизнь, нам чувств не обуздать
Уздечкою овладеть не так то просто
Я буду жадно мир сей познать.

Елена Щербина

Осень — не возраст

Пусть осень на дворе и желтая листва
Но на душе моей пока, что лето.
А возраст — ерунда. Кружится голова.
И песенка моя еще не спета.
Еще любви поток пронизывает грудь
И от любви волнуется сердечко
Поверь, я на плаву и мне не утонуть.
Бурлит моей судьбы шальная речка.
Во мне горит огонь божественной любви.
Хранимой небесами — все под силу.
Сама себе твержу: «В любви, в добре живи,
Живи грядущим, а не тем, что было.
Свой курс всегда держи умело каждый день.
Тебе все по плечу, в руках узды успеха.
И от ветров, стихий — не плачь и не робей.
Даст космос силы. Возраст — не помеха».
Путь жизненный у всех — по тоненькому льду.
Душа моя на нем — пылающей зарницей.
Из этой жизни я так просто не уйду.
И порох есть в моих пороховницах.

* * *

Осенний дождь холодными слезами
Умоет землю, влагой напитав
И вслед за долгими осенними дождями,
Листва качнется, под ноги упав.
Рассыплет осень акварельных красок
Смешает их в холсте холодный дождь.
И жизнь, как есть, без театральных масок
Отмоет, спрятавшуюся глубоко ложь.
А я приму в подарок от природы
В багряных красках опадавшую листву.
Ведь у природы нет плохой погоды
Я мигмом каждым трепетно живу.
Я наслаждаюсь красотой осенней Она наполненная
звуками любви.
Наверно в прошлом так же Пушкин и Есенин
Томились негой, разливавшейся в крови.
И колесо фортуны запуская,
Я знаю путь из злата в серебро.
В любви ведет по жизни сила не земная,
Чтобы творила я в пути добро!

шую тучу, заслонив солнце. Сразу стало свежо, неудобно. Далеко у горизонта замелькали в пасмурной мгле редкие барашки.

— Да догони ты её! — досадливо сказала старушка. — Мелко там.

Женщина нерешительно начала снимать сарафан. Маленькая Люся стояла у кромки воды, с безысходностью глядя вслед уплывающей Чипе.

Словно подбадривая, выскочило из-за края тучи солнце. И в этот миг игрушка взлетела высоко над водой, а следом — сверкающий в солнечных лучах столб воды, брызг... Мелькнуло что-то гладкое, чёрное. Рядом — ещё одно... Два дельфина, видимо, привлечённые ярким предметом, подошли очень близко к берегу, начали беззаботно играть с неожиданным подарком. Они выскакивали из воды, плюхались обратно плашмя, вздымая высокие столбы брызг, носились по кругу, подбрасывая игрушку хвостом или головой, и та взлетала вверх, венчая красочным бутонем изумрудный стебель, рассыпающийся тысячами сверкающих капель. Если ветер срывал «бутон» и относил дальше в море, дельфины наперегонки мчались за ним, возвращали на прежнее место, словно нуждаясь в зрителях своего жизнерадостного представления.

Солнце будто тоже включилось в эту игру. То ныряло в налетевшее облако, то выскакивало из него, рассыпая по водной поверхности мириады радужных бликов. А порой выглядывало двумя-тремя лучами из прорехи какой-то небесной растрёпы-тучи. Прочерчивая светлые полосы сквозь пасмурность, лучи падали на вздымаемые дельфинами веера брызг, отчего вспыхивали на мгновение изумительные фейерверки, скользили по взлетающим над водой мощным упругим телам, окрашивая их невероятно сверкающей синевой.

Люся заворожено, сцепив пальчики замочком под подбородком, наблюдала небывалую феерию и тихо шептала:

— Какие рыбки! Мамачка, какие рыбки!

А мама, поняв, что дорогая вещь утеряна безвозвратно, вконец раздосадованная всё более портящейся погодой (туча разрослась в полнеба и нависла уже над пляжем), неожиданно залепила дочке звонкий шлепок.

— Уйди от воды, негодница! Бросила Чипу — теперь её рыбы съедят!

От несправедливости наказания, у малышки брызнули слёзы, но она — вновь сложила ладошки умоляюще:

— Мамачка! Пусть рыбки поиграют! Какие рыбки!

— Зачем вы так? — осуждающе заметила старушка. — Девочка же, наверное, впервые такое видит...

— Прямо, впервые! Сто раз по телевизору видела! Люся, уйди от воды!

Рядом, заскрипев по песку, проехал велосипед. Молодой мужчина, спрыгнув с седла, добродушно усмехнулся, оценив ситуацию. Скинув футболку и брюки, разбежался и бросился в воду, мелькнув смуглым телом и совсем незагорелыми ногами. Вынырнул он невдалеке от играющих дельфинов. Те остановили игру, выставили из воды весёлые морды и, словно перемигнувшись, разом скрылись, оставив черепаху. Ещё какое-то время мелькали вдоль

берега два чёрных плавника, взлетал от ударов мощных хвостов брызги.

Мужчина, поймав игрушку, возвращался к берегу. Строгая мама, сурово поджав губы на миловидном лице, надела сарафан и запихивала в сумку кое-как сложенное покрывало.

— Надевай туфли, поедem! — покрикивала на дочь. — Отдохнули, называется!

Дождь хлынул внезапно. Едва поблагодарив спасителя Чипы, женщина подхватила сумку и, увлекая за руку заплаканную, но счастливую увиденным Люсю, неуклюже побежала в сторону останки.

— Какие рыбки были! Да, мамочка? — доносился звонкий голосок.

— Быстрее давай! Какие рыбки?! Обыкновенные дельфины...

— Дельфины?! — в восторженном изумлении, девчушка приостановилась. — Правда?! Дельфины?!

Но мама лишь раздражённо дёрнула её за руку: подходил автобус.

НАСЛЕДНИКИ

П. П. Котельникову

Мы — наследники русских традиций,

А не Ванек из века туманного.

Лунный свет на кресте серебрится

У храма Андрея Первозванного.

Да, мы — наследники Апостола.

И вопреки «незалежности» бредням,

Кулаком трижды стукну по столу:

Мы из Керчи никуда не уедем!

Мы храним колонны Акрополя,

Времени, задолго до Мессиева.

Что нам двести лет Симферополя,

Или полторы тысячи Киева?!

Наши предки звенели веригами.

Нет, мы не рода американского —

Мы из дружины князя Игоря

И Глеба — князя тьмутараканского.

Мы — русские до боли, до донца.

А нашим недругам и крыть-то нечем.

Заиграет рассветное солнце

На кресте у Иоанна Предтечи.

Весь наш род, как Феникс, возродится.

И не страшны нам ни бури, ни смерчи.

Мы наследники древней столицы,

Мы никуда не уедем из Керчи.

ДЕТИ РОССИИ

Да, мы всё ещё любим

Россию туманную,

Беззаветно и нежно,

Глаза к небу подняв.

Так детдомовец любит

Мать свою, пьяную,

За такой пошёл бы даже в омут,

От такой вскружится голова.

Южный ветер волосы расчесет

И лукаво глянет им в глаза.

А у ног волна игриво плещет,

Солнце щедро греет в небесах.

А ещё любить они умеют,

И смеяться могут от души.

Девушки под солнцем быстро зреют.

До чего керчанки хороши!

Кто не верит — пусть со мной поспорит.

Быть достойной — есть на то причины:

Это в них от древнего Боспора.

Только где вы, рыцари-мужчины?

РАНЫ АДЖИМУШКАЯ

Трагических мест на земле немало.

Не обошла война нас стороной.

И ей, злодейке, места не хватало.

Пришла бедой незваной в край родной.

Разрушив город весь до основанья,

Фашисты заняли Аджимушкой.

Не помогли мольба и заклинанья.

И был здесь ад, где был когда-то рай.

На человеческие судьбы, жизни

Валились с неба бомбы, словно град.

В воронки превращая степь отчизны.

Земля пылала жутко; дым и смрад. —

Таким запомнился отцам посёлок.

И в каждом рве — трагический исход.

Об этом знает здесь любой ребёнок.

И в этих «ямках»¹ лишь трава растёт.

Мне эти рвы напоминают раны.

Незаживающие раны, стон...

Здесь столько раз происходили драмы:

Гражданской и Отечественной войн...

Мы к этим рвам цветы приносим в мае —

К могилам павших — горечи полны:

Мы знаем: это так ничтожно мало

За наши годы жизни без войны.

¹ «Ямки» — воронки, заросшие травой. Местный диалект аджимушкайцев.

Когда в стране произошла разлука
И произвол в осадок выпал прочно.
И бродит тихо по местам безлюдным
Бездомная старуха, в зимний холод:
«Самодовольство сытых видеть трудно:
Мучительней, больнее ноет голод.
Давно пора уж собираться к Богу».
Жить нищенски уставшая под небом,
Стоит старуха, глядя на дорогу,
Жуёт беззубым ртом краюху хлеба.

Я РОДОМ ИЗ СОЮЗА

Пишу стихи, но тема не нова.
Тебе их, родина, я посвящаю.
От сердца льются жалкие слова —
Никчемный труд, который завещаю
Своим потомкам я. Родне моей.
И пусть они из знатного Союза,
Граница пала между двух морей.
И нас роднит семья, не только муза.
И шепчет муза: мне идти вперёд,
Не плакать, не стонать, не унижаться.
Повсюду бедствует хмельной народ
И не к кому головушкой прижаться.
И бедность множится из года в год.
Не в рабстве люд, дана ему свобода.
Но счастлив ли от этого народ,
Коль нет на завтрак даже бутерброда?
Бескрайние пшеничные поля
Пусты — сорняк и мак растёт там буйно:
Как кровью алой полита земля.
В театрах нет аплодисментов бурных.
Заводы растащили на металл.
Повсюду властвует чужой хозяин.
В стране такой, так жить народ устал —
От центра до заброшенных окраин.
Пусть я не бедствую в своей стране —
Влачатся в нищете мои потомки.
И голод не стучится в дверь ко мне,
Но редко покупаю я обновки.
И всё же, я люблю тебя, страна,
В которой жизнь моя была начата.
Ведь ты, такая, у меня одна.
Но... жили б хорошо мои внучата.

КЕРЧАНКИ

Лучше нет девчонок южных наших.
Всё в них есть — и стать, и красота.
(Афродита разве будет краше.)
Нежный взгляд, общенья простота.
На морском раздолье синем могут
Говорить красивые слова.

Ту, которую лишили
Родительских прав.
И живём мы с любовью,
Помня только хорошее —
В чистом поле берёзку,
Или иву над речкою.
И живём мы с надеждой,
Что Россия замолвит
За детей своих брошенных
Перед Богом словечко.

В ДОРОГУ

Василию Нестеренко

Если мир застыл в тревоге,
Если давит боль виски, —
Всем известно, что в дороге
Есть лекарство от тоски.
И, конечно, каждый скажет:
«Как приятно вдаль идти!».
Но тяжёлая поклажа —
Лишь помеха на пути.
Ты возьми в дорогу крестик,
Как защиту от беды,
А ещё, пожалуй, — песню,
Хлеба кус, бутылъ воды.
Чтобы слякоть и пороша
Не мешали — в дальний путь
Ты возьми друзей хороших
И везения чуть-чуть.
Распрощайся с жизнью старой:
Надо к новой привыкать.
Да! — и не забудь гитару,
Чтоб в дороге не скучать.

* * *

Кто-то копит деньги, кто-то — Славу.
Кто-то Властью упивается, как водкой.
Кто-то, разорив супердержаву,
Надрывает в злом экстазе глотку.
Я же Лирой жизнь простую славлю,
Не печалюсь участью своей.
Буду очень счастлив, коль оставлю
Просто пару строчек для друзей.
И, придя на траурную тризну,
Скажут обо мне мои друзья:
«Он любил Россию, как Отчизну,
Женщину и радость бытия».

Татьяна Левченко

ВЗГЛЯД НАЗАД

Много ли можно увидеть за долю мгновения? Ну, это как посмотреть. Глянешь рассеянно — и не увидишь ничего. На знакомое нечто — выхватишь взглядом основную деталь и достаточно: остальное услужливо дополнит память. Но мелкие детали заметишь вряд ли. Но, увидев необычное... Взгляд, за доли мгновения, зафиксирует все мельчайшие детали. Вот только проявляться в сознании они будут уже не мгновения — минуты, часы, дни...

Так оно и было.

Набережная. Пологий спуск к морю, к причалу. За спиной — здания АзЧерНИРО, Дворца Юстиции. Догадываешься и вспоминаешь, как оно там, на горе, за ними... Знакомо, до мельчайших деталей!

Я спускаюсь к морю, намереваясь пройти на несколько минут на окончание причала, чтобы оттуда, «с открытого моря», оглянуться на вечерний город. С окончания причала даже вершина Митридата немного видна, всегда великолепная на рассвете и закате. И, если уж выпадает возможность, в прекрасный ясный вечер, полюбоваться лишний раз замечательным зрелищем, почему бы не уделить этому несколько минут? Пройти на конец причала и оглянуться назад...

Я делаю шаг с последней, широкой ступеньки и ощущаю, что земля уходит из-под ног. На всякий случай, быстро вернув ногу на ступеньку, я, тем не менее, чувствую довольно сильный толчок, будто началось землетрясение. Меня качнуло. Мгновенно оглядываюсь назад, через плечо, с жутким ожиданием увидеть начало катастрофы.

Доля мгновения... Осознание же увиденного определилось лишь несколько месяцев спустя. Зато — с мельчайшими деталями. И вот, я решила описать этот взгляд назад, длиною в долю мгновения.

Любой керчанин без малейшего труда узнает место, где меня настиг толчок: нижняя ступенька набережной, в полуметре от парапета-скамьи.

Я ощутила себя стоящей на чём-то плавучем. Поскольку смотрела на берег, то не видела, на чём стою, лишь ощущала качку от волн. Периферийным зрением угадывала себе длинный тяжёлый шерстяной тёмно-синий плащ, край которого в виде капюшона наброшен на голову. Я стояла на самом краю непонятного плавсредства, брызги волн падали мне на край одежды и долетали до лица. Из тёплого ясного вечера начала сентября, я внезапно оказалась в пасмурном, как бы не конца ноября.

И если суждено нам в бездну кануть —
С тобою вместе упаду.
Пусть горы рассыпаются на камни,
Невзгоды все с тобой пройду.

Хочу в глаза твои я посмотреть,
Увидеть мир бездонный.
Я буду пламенем свечи гореть.
И, словно образом Мадонны,
Своим теплом согрею я тебя,
Зажгу горячим взглядом.
Но ты не бойся моего огня
И будь со мною рядом.
Какие у тебя, любовь, глаза?
Но, так или иначе,
Поверь: ещё чуть-чуть, о, небеса! —
От счастья я заплачу.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Кружит снегопада вальс,
Пригласить хочу я Вас.
Белый танец танцевать,
И снежинки целовать.
Первый снег тих в декабре,
Танцы будут на дворе.
А снежок нас всё кружит,
Хлопья белые пушит.
Все мы радости полны,
Входим в царство тишины.
Хорошо кругом, светло,
Белым снегом замело.
Парки, скверы и сады,
Оставляем там следы.
Город обновил наряд,
И дома в снегу стоят.
Белый кружит снегопад,
Сыплет снегом наугад.
И снежинки всё летят,
С нами танцевать хотят.

СТАРУХА

Вновь поутру, одевшись, как попало,
Бредёт старуха вяло на помойку.
Вчера досталось ей продуктов мало —
Картофелин найти бы пару-тройку,
То суп сварить какой-то можно.
(О чём не помечтаешь в день ненастный).
Дойти б до свалки только осторожно,
Да день прошёл бы зимний не напрасно.
И ходит так голодная старуха
Не год, не два, а лет с десяток, точно,

Был у нас зелёный цвет,
А теперь не мил нам свет.
Пожелтели мы не в срок,
И замёрз уже сынок.
Помоги его согреть,
Он продрог, не может петь.
Мать берёза — вот родня!
Всех нас сбросила, гоня».
Осторожно я внесла
Всю семью, тепло дала.
Близок белой вьюги срок,
Спит пусть осени листок.
Стало холодно вокруг
И не слышен листьев стук.

Я чувствую тебя. Ты где-то рядом:
Мне слышится дыхание твоё.
Хочу с тобою повстречаться взглядом,
А ты бы — увидал лицо моё.
Хочу хоть на одно... одно мгновенье,
Увидеть глаз твоих красивый цвет,
Почувствовать твоё прикосновенье.
А ты бы — улыбнулся мне в ответ.
Пусть все наши пути пересекутся,
Пути, что нас с тобой ведут вперёд,
И наши руки накрепко сомкнутся,
Ведь в сердце всё ещё любовь живёт.

Для меня ты — солнца луч,
Ты один — небесный свод.
Сердцем и душой могуч,
Ты — закат и ты — восход.
Только ты мне дал покой,
Воздух ты, вода, цветы.
Я живу, живу тобой,
Всё, что есть во мне — есть ты.

Любимый мой! Мой сокол ненаглядный.
С тобой парю я в облаках.
С твоим сияющим от счастья взглядом
Звезда родится в небесах.
Мой милый! Я мечтой твоею стану
И ярким солнцем поутру.
Не дам спуститься синему туману,
Его в ладони соберу.
А если крылья в небе ослабеют,
Тебе в полёте помогу.
Твоим я сердцем, милый, овладею
И сладость муки обрету.

Я смотрела на берег. Суровый, неприступный берег, на котором, под низко бегущими сизыми тучами, мрачно возвышалась гора, почти вся состоящая из беспорядочного нагромождения громадных и поменьше валунов. Пространство меж валунами было заполнено сероватой почвой, поросшей (даже издали ощущалось) жёсткой, такой же сероватой, травой. Тяжёлые волны разбивались о подножие горы, прежде ещё пройдя многометровый каменный шельф, больше похожий на рифовый барьер, пенясь на нём и закручиваясь бурунами и воронками. Пристать к этому берегу было абсолютно невозможно. А и пристанешь (была бы погода спокойной) — вся гора опоясана, поднимающейся прямо от кромки прибоя, высокой, в три человеческих роста, стеной. Стена сложена из больших и малых валунов, без следов обработки и практически без всякого скрепления: в пазах виднеется земля, торчат пучки всё той же сероватой, жёсткой травы. Гора очень крутая. Поэтому, непомерно высокая со стороны моря, стена не особо укрывает от взгляда множество строений на склоне. Мои губы иронически кривятся. Строения, как и стена, сооружены из необработанных глыб, скреплённых землёй. Неправильной округлой формы, будто десятки гигантских чёрных бородавчатых жаб сидят на склоне, глядя ещё более чёрными глазами входных проёмов на море, на меня. Проёмы эти завешены изнутри шкурами (разобрать чьими — трудно, но мелькнула бурая медвежья, серая волчья).

От ближайшей хижины, к стене бежит человек, держа на отлёте, в левой руке, неуклюжее копьё. За спиной у него виднеется лук и оперения пучка стрел, неожиданно снежно-белые, на общем сизо-серо-чёрном фоне. Мужчина лет тридцати, округлое лицо его обрамлено не слишком длинной кудрявой каштаново-русой бородой. На голове нечто вроде кожаного шлема с «ушами», из-под которых выбиваются длинные, до плеч, волосы, в тон бороды, такие же кудрявые. Одет мужчина в куртку из шкуры, которая явно не сшита, а сооружена, полы её туго прихвачены на талии широким кожаным поясом, который, в свою очередь, завязан тонкими полосками кожи, обёрнутыми поверх него, несколько раз вокруг талии. Полы куртки доходят до середины бедра, руки остаются оголёнными не много выше локтя, по плечам прикрытые свисающими концами шкуры. К поясу приторочено какое-то оружие — то ли булава, то ли топор, на короткой рукояти, явно тяжёлое. Ступни и до середины голени ног обёрнуты шкурами, закреплёнными, как и пояс, многожды перекрещивающимися узкими полосками кожи. Мужчина бежит к стене и что-то кричит. Это не радость и не страх. Не удивление и не угроза. Да и копьё он держит не угрожающе. Я же, на своём плавсердстве, едва заметно вздёргиваю бровь — не то что удивляясь, но явно не ожидая увидеть увиденное. Неясным осталось: приплыла я или отплывала.

Как и полагается, через этот «миг мига», пространства видения и реальности, чуть всколыхнувшись, восстановили равновесие. Я, вновь покачнувшись, опять обрела под ногами почву, точнее, бетон ступеньки. Здания за спиной оказались на своих местах незыблемо и непоколебимо. И Митридат на фоне заката я всё же посмотрела с конца причала. Вот только ноги ниже колен почему-то некоторое время хранили ощущение прилипающей тяжёлой влажной ткани.

А когда поднялся бум с установлением Дня города, я молча усмехалась провозглашённому его возрасту. Когда же услышала от кого-то прямое: «Да ведь, по известным данным археологов, городу не меньше трёх тысяч лет!», ответила: «Больше. Своими глазами видела.» В тот миг мига взгляда назад. Через тысячелетия.

* * *

Я увидела ГОРОД.
Плывущий. Как волны тумана —
Из небытия в небыль, —
Над сумрачным горестным НЫНЧЕ,
Где Истории ворот
Наматывал сети обмана.
Я искала, где мне бы
Прорвать этот невод привычный,
Что улавливал, липкий,
Людские заблудшие души.
(Чтобы их заморозить,
А после — сварить ли, изжарить?..)
Но держали ошибки,
Что, в поисках ГЛУБЖЕ и ЛУЧШЕ,
С пониманием поздним опасности
Мы совершаем.
Чтобы выйти из невода,
Надо ускорить движение,
Дабы рвать не пришлось
Ячеи вместе с собственной кожей.
Если вправо ли, влево, да
В глубины его погруженье, —
Устремленье б светлось
К бесконечным (авось) и (быть может).
Я держусь на поверхности.
Видела город, плывущий
В бесконечном просторе,
Над грешными нами, влачащими
Свои тяжкие бременности,
С криком: (Спаси наши души!)
Я шепнула простое:
(Дай веру, Господь, настоящую).

ВЗРЫВЫ

Всё начиналось со взрыва Разума,
Долгим бездействием возмущённого.
Так зародилась Вселенная: разом,
Мыслью, свободной, раскрепощённой.
И порождала она галактики,
И порождала она туманности,
Всё торопясь применить на практике,
Что замышлялось в недавней праздности.
Звёзды приманивали планеты
Под покровительство притяжения.
Лишь своиравные мысли-кометы
Не пожелали идти на сближение.
Шли миллионы и миллиарды.

Вера Коваль

Гладь морскую в бухте расколов,
Ветер волны вспенил без числа.
Слышен запах редких трав, цветов:
Это осень поздняя пришла.

Блеск воды, гор высь и синева.
Хорошо в осенние мне дни:
Я ищу красивые слова.

Как прекрасны для души они.
Листья жёлтые в саду, плоды.
Встану ранним утром я босой
Выйду в сад, оставлю в нём следы.
И трава с жемчужной росой.

МОРЕ

С морем Чёрным я живу в соседстве,
По крутому берегу брожу,
Рядом с ним прошло всё моё детство.
Я на красоту его гляжу.

Снова я пришла к нему, как к другу —
Молча на зелёную волну
Посмотреть, шальную моря вьюгу,
Солнца свет и раннюю весну.

Небо всё одето облаками —
И на пляже тени, как следы.
Чайка низко кружит над волнами,
И крылом касается воды.

Море пело и навстречу мчалось,
Волнами играло, как орган,
Бурно так от встречи волновалось,
Принесло привет из дальних стран.

Грудью мощною оно дышало,
На волнах качало теплоход,
Вовсе никому не угрожало
Мощной властью этих пенных вод.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

На дворе уже темно,
Кто-то стукнул мне в окно.
Подошла поближе я,
Листьев там стучит семья.
— Ты пусти погреться нас,
Ночью холодно сейчас.

Вся-то ты хорошеешь, друг мой,
Твои улицы, словно в столице.
Я встречаю счастливые лица.
Их приветствует море волной.

Это, смотря по какому счёту:
Там, где мгновенье и вечность рядом —
Даже не стоит считать нам что-то.
Так, породив вселенную — взрывом —
Разум своё расширял сознание:
Всё — устремлением, всё — порывом
Строилось... строится Мироздание.
И, увлечённая общим порывом,
И, подчиняясь устремлениям этим,
Взрывом за взрывом, взрывом за взрывом
Жизнь порождает Земля-планета.
Взрывами магмы горы рождались.
Взрывами камни рождали почву.
Взрывом источники пробивались.
Взрывом росток пробивает почку.
Снова деревья взорвались цветом.
И полыхнула трава изумрудом.
Знай человечество взрывы лишь эти...
Ах, эта вечная жажда чуда!..

«МИССИОНЕР»

Себя сумеет оправдать
Наверно, каждый в мире этом.
Но что, скажите, может дать
Вам исповедь перед... поэтом?
Вчера мне «Красный капюшон»
О миссии своей поведал.
И был он даже не смешон
С миссионерским этим бредом.
За эшафотом — говорит —
одна лишь в рай лежит дорога.
И чёрт — не шутит. Бог — не спит:
У них, мол, с этим очень строго.
И смерти вовсе всё равно —
Со дна возьмёт, иль в свете славы.
Судить — лишь Господу дано,
Суд человеческий — не правый.
И, будь ты трижды негодяй, —
Казнь тебя в жертву обращает.
Ты лишь немножко пострадай:
Грехи страдальцам бог прощает.
«А «Не убий...» — палач вещал...
Но, поняв, что заговорился,
Полою красного плаща,
Как индульгенцией, укрылся.
«Се человек... — вписал я в стих
Библейским почему-то слогом —
И заблуждений суть своих
Познает только перед Богом».

Галина Дмитриева

ПОДАРОК НЕРЕИДЫ¹

Было раннее утро. Я сидела наверху скалы, любуясь восходом солнца, которое окрашивает небо в нежно-розовый цвет. Внизу плещется море, необъятное и волнующее. Сколько оно хранит тайн... Сколько затонувших материков скрыто под его водами! Сколько сокровищ хранится на дне моря! Говорят, что в водах его живут русалки... Красивая легенда!

Поверхность воды осталась сверху. Она колыхалась перед глазами, словно я смотрела через стекло. Громадные водоросли раскачивались и казались живыми. И вдруг между ними я увидела глаза, смотрящие прямо на меня. Таких глаз я никогда не видела — в них было что-то демоническое. Огромные и умные, они смотрели внимательно, как будто испытывая меня. Под длинными ресницами, глаза казались тёмными и похожими на листья водорослей. От них невозможно было оторвать взгляд, они просто приковывали его к себе.

Вода легко всколыхнулась вместе с водорослями, и я увидела выплывающую nereidu. Она была совсем близко. Я заворожённо глядела на неё, а она, чуть отплыв, медленно повернулась ко мне, словно желая убедиться, что я смотрю на неё. Я много слышала об этих существах, живущих в прибрежных водах моря, о том, что они красивы и умны. Но такого я не могла представить этого. Она была прекрасна! Недаром ходили легенды о том, что своей красотой они очаровывали моряков.

Её волнистые белокурые волосы закрывали половину тела, переходящее в рыбий хвост, отливающий серебром. Нереида двигалась очень грациозно. Её грудь и плечи были словно из белого мрамора.

— Ты хотела меня увидеть? — спросила она приятным певучим голосом.

— Да, но я думала, что ты — вымысел людей, и nereid не существует.

Она удивлённо глянула на меня, и её ресницы медленно опустились.

— Мы хранительницы прибрежных вод и бережём их энергетику, так же, как и нимфы. Наш мир — просто один из тех, которые существуют на этой планете, их много.

Она медленно перевела взгляд куда-то вдаль, и я увидела светящуюся точку, которая приближалась с большой скоростью, разворачиваясь по спирали. Внутри него я увидела какие-то энергетиче-

¹ Нереиды — дочери Нерея (миф.), занимались рукоделием и играли с дельфинами.

Жизнь, мой друг, не пустяк.
Будет время — поймёшь.
Сам решай, что и как.
Сам судьбу себе ткёшь.

Был год военный долог и тяжёл.
Я у колодца воду наливала.
И вдруг парнишка тихо подошёл,
Спросил: «Колодец есть за перевалом?
Коль нет, то дайте мне воды, испить.
А если можно, имя назовите».
Шутил, что не успел, мол, полюбить,
Ещё не сделал никаких открытий.
Я не сказала, как меня зовут.
Когда он уходил, стояла молча.
И думала: «Война для всех, как кнут,
Как смерть жестокая, или как порча».

Подруги звали... Полдень был и зной.
И я в раздумье всё ещё стояла.
А он пошёл, растерянный такой,
Я пареньку ни слова не сказала.
Он вдруг вернулся, подошёл ко мне,
И взгляд печальным огоньком светился.
Стояли с ним, внимая тишине,
А по лицу у парня пот струился.
И я очнулась... налила воды,
Набравшись смелости, ему сказала:
«Кто возвратился — не минёт беды».
Он улыбнулся ласково, устало.
Я имя назвала ему тогда,
А он умылся ключевой водою,
Ушёл, мешок поправив за спиной.
А в памяти — глаза, улыбка и... вода.

Я привыкла к тебе, моя Керчь.
Ты мне стала как будто дорожке.
Говорю о тебе, славу множа,
И желая украсить, сберечь.
Все по-разному видят тебя.
Кто-то помнит войну, катакомбы
И воронки, где падали бомбы,
Все тропинки припомнит, любя.
Но, а кто-то оценит уют,
Солнце, пляж и безбрежное море.
Дай им, Боже, не ведая горя,
Находить себе тёплый приют.
Знают пусть о труде рыбаков
И увидят, как сушатся сети.
Пусть по берегу бегут дети,
Собирая в ладошки рачков.

Заливает светом день-деньской
Мои окна в малой комнатухе.
Луг цветов, на диво расписной,
Вскармливает вновь Земля-старушка.
Кто же постарался расписать
Каждую былинку и цветочек?
Кто же столько красок смог создать,
Каждый куст украсил, уголочек?
Почему есть горы и холмы?
Почему вода прохладна в реках?
Почему мы на земле должны
Жить и называться ЧЕ-ЛО-ВЕ-КОМ?

Отзвенело в колокольчик детство.
Розовой зарёй промчалась юность.
Но любовь осталась нам в наследство
И жемчужной нитью протянулась.
Разве сердце биться перестало,
Или петь душа уже не в силах?
Это тело говорит: «Устало»,
А душа — вся в радостных порывах.
Пусть, года уходят. Но, бесспорно,
В нас звенят божественные струны.
И Любовь всем возрастам покорна.
Жизнь нам дарит золотые руны.
Осень пролетит, зима настанет.
Всё пройдёт, что б с нами ни случилось.
Чувствовать душа не перестанет,
Сердце — вновь любить не разучилось.

Ветер волосы рвёт.
Блузу тянет слегка.
А мечта — это взлёт:
Как всегда, высока.
Мысль, что птица, летит
В голубую лазурь.
Пусть она устоит
Перед натиском бурь.
Жизнь — искусство борьбы
С поджидающим злом —
То, вдруг, горечь мольбы,
То — души перелом.
В каждом чувстве, всегда
Безнадежность гони.
Знай: душа молода,
Ей — что годы, что дни.
Для неё никогда
Безысходности нет.
Жизнь внезапно всегда
Раскрывает секрет.

ские вихри, похожие на галактику, тут же трансформирующиеся в знаки инь и янь. Словно художник-абстракционист создал трансформирующуюся материю. Замелькали — знакомые образы Христа и Богородицы. Словно на дисплее компьютера, предстала коллекция икон и мозаичная роспись Христа, выложенная на стене храма, который оказался ушедшим под воду.

— Это ваш мир, — всё так же певуче сказала морская красавица. — А это наш...

В тот же миг я увидела существ с рыбьими хвостами и туловищем мужчин. Их бороды и длинные волосы, как на ветру, развевались от дыхания моря. Один из них держал в руках витую раковину, служившую, видимо, для зова дельфинов. Я посмотрела на nereиду, она поманила меня за собой, перемещаясь едва заметными движениями хвоста. Я свободно дышала, словно не понимая, что нахожусь в другом мире. Впереди на глубине я увидела необыкновенно красивый цветок, похожий на. Был он около двух метров в диаметре, прозрачные лепестки его, как мантия, двигались к центру. Цветок менял окраску прямо на глазах, превращаясь из бледно-голубого в белый и тут же окрашиваясь в нежно-розовый цвет. Это было восхитительное зрелище. Но это был не цветок, это было какое-то существо, одно из тех, какими заселены моря и океаны.

Я вдруг подумала, что, может быть, потеряла сознание и утонула, и это вижу в другом мире, в котором пребывают наши души после смерти. Осторожно коснувшись рукой своего тела — убедиться, что это всё-таки я, — увидела чуть насмешливый взгляд глубоких глаз. Нереида внимательно смотрела мне в глаза. Она знала, о чём я думаю. Невероятно! Существо, которое живёт под водой, обладает телепатическими способностями и изучает меня, как рыбку в аквариуме! Я разглядывала этот мир, такой таинственный и непостижимый... «Интересно, они так и общаются между собой?» — подумала я и тут же получила ответ:

— У меня есть имя. Меня зовут Тай. Есть очень много способов общения: звук, ультразвук... Сейчас, например, мы общаемся энергетическими импульсами.

Я почувствовала себя дикарём из племени бэндибу.

Это всё было невообразимо. Красота подводного мира очаровывала; поистине, велик Творец, создавший этот мир!

Колышущаяся ламинария своими листьями, похожими на рюши из лент, создавала непроходимые заросли.

— Пойдём, я познакомлю тебя с сёстрами, — пропела Тай своим певучим голосом. Она медленно поплыла вперёд, оглядываясь на меня.

Я шла легко, чувствуя необычность среды, но не испытывая никаких неудобств. Странно, но я не задыхалась. Мелкая сельдь стайками сновала передо мной, было ощущение, что тебе перешли дорогу. За мной увязался морской конёк. Он плыл рядом, поглядывая своим круглым глазом. «Наверное, это сопровождающее лицо» — подумала я и он смешно задёргал вытянутым носиком.

Чем глубже мы опускались, тем становилось темнее, но вдруг впереди вспыхнули светящиеся точки. Очевидно, это были какие-то растения-фонарики, чтоб никто не мог заблудиться на подводных улицах. Пучеглазая рыба зависла на месте, уставившись на

меня и разинув рот. Словно никогда не видела людей! Серебристые рыбы, проплывающие мимо, уже не казались мне такими глупыми, как прежде. Удивительный мир, всё похоже на сказку. У меня не было слов от восторга. Я увидела двух плывущих к нам нерейд. Они видимо переговаривались между собой, издавая какие-то странные звуки, очень похожие на дельфины.. Подплыв к нам и совершив «круг почёта», девушки застыли на месте, глядя на меня любопытными умными глазами. Как они были похожи! Только присмотревшись повнимательней, я увидела, что черты лиц у них всё-таки разнились. Тай представила сестёр. Имена у них тоже были разными: одну звали Касен, другую Нио. Им дали имена в честь подводных скал.

— На Земле нет таких, подводные скалы во много раз выше, — сказала, улыбаясь, Тай, и в тот же миг на подводном дисплее я увидела Альпы с высочайшей их вершиной Монбланом, поднимающейся на высоту почти пяти тысяч метров. Затем сразу же передо мной появились подводные скалы, от величественности которых захватило дух. Они были невообразимо огромными! Их величие смущало воображение, я была просто потрясена всем увиденным. Изображение пропало, и я даже обрадовалась этому.

Мы продолжили наше прервавшееся знакомство. Нужно ли говорить, как мне понравились сёстры Тай. Я вдруг поняла, что мне не нужно говорить — я их понимала! Мы переговаривались мысленно. Они очень много поведали мне так много нового о море, о жизни планеты.

— В нашей Галактике существует более миллиарда планет, таких, как Земля. Океаническая система столь же хрупка, сколь и огромна. Глупость и жадность человека могут превратить океан в безжизненные воды. В процессе освоения моря могут разорваться тонкие связи систем и нарушиться циклы воспроизведения видов морских обитателей, что приведёт к вымиранию многих из них и вызовет гибель живущего в верхних слоях моря фитопланктона, отчего вся жизнь в океане начнёт замирать. Ведь он производит более половины всего кислорода на Земле. Многие погибнут от уменьшающегося количества воздуха, пригодного для дыхания. К сожалению, люди мало заботятся об этом. — Печально сказала Тай.

Дисплей снова засветился, и я увидела на огромном экране скалистые пики, поднимающиеся со дна моря, пропасти, способные поглотить Эверест вместе с Гималаями, вулканы, выбрасывающие сквозь синюю толщу воды раскалённую багровую лаву. Пустыни из красной глины занимали площадь обширнее, чем десять Сахар, подводные луга и леса с многообразными животными и растениями, не имеющими возраста и бесконечными в своей протяжённости. Я увидела осьминогов, переговаривающихся между собой изменением цвета кожи, флюоресцирующих медуз и разноцветные кораллы.

— Этот свет не даёт тепла, не содержит инфракрасных лучей — это чистый свет, который возникает при выделении живыми клетками простого белка, называемого люциферинном. Его энергия огромна, — Тай смотрела на меня серьёзными глазами, как учитель.

На экране появилось существо удивительной красоты — его бирюзовое полупрозрачное тело с оранжевыми щупальцами приближалось, грациозно извиваясь и светясь.

Встретив друга жизни, не плясала
От избытка чувств, их полноты.
Будто оценив всё, принимала
В новой жизни новые мечты.
А, расставшись с нами, лёгкой птицей
Улетела с милым далеко.
И не знаешь, как мне часто снится
Личико твоё. Как нелегко
Мне без глаз твоих и рук тех нежных.
В горестях своих, по вечерам
Посылаю мысль в простор безбрежный —
Радость шлю, любовь и силу вам!

Судьба меня не баловала,
С рождения лишив отца.
Но этого ей было мало.
Она решила до конца
Преподносить уроки жизни,
Не охранять меня от бед —
Терять родных, не ныть на тризне,
Ценя оставленный их след.
Уметь найти в себе те силы,
Что помогают мне в миру
Творить, любить — всё, что просила
У Бога, вставши поутру.

Судьба ломала и крутила
Меня повсюду, где могла.
Я поняла. И говорила
«Спасибо» ей, что помогла
Найти друзей, себе по духу,
Увидеть в жизни идеал
И, своему доверив слуху,
Звук сфер ловить.
Но кто мне дал
Земли прекрасное творенье?
Кто в нашей суете земной
Помог душе дать воскрешенье
И радость разделить со мной?..

Теперь я знаю, что такое,
Когда глаголют: «Свет не мил».
Душа моя в бессилье ноет,
И чувствую — нет больше сил.
И красота родной природы
Увы, не увлекает, нет.
А мысль одна: «за эти годы
Не проросла. Я — пустоцвет?».
Молюсь. Молюсь опять, в надежде,
Что сброшу груз с души моей.
Перечеркну, что было прежде
И стану светом вместе с ней.

Когда для их единого мгновенья
Сердца играют триумфальный туш.
И не случайны вовсе эти встречи.
Судьба соединяет неспроста:
Где, как мелодия — журчанье речи,
Где слово каждое, как чистота.
В неброской красоте мы видим чудо
И ловим каждый взгляд и каждый жест.
И новый смысл у жизни есть, покуда
Жить на земле тебе не надоест.

Я бы ушла в полночный час
Одна под звёздным одеяньем,
Без страха и с большим желаньем
Туда, где свет зари угас.
Там есть тропа. Она узка.
И травы так щекочут ноги.
Полыни запах. Вдоль дороги
Кусты виднеются слегка.
И я одна на холм взойду,
Присяду на его вершине,
И жизнь, от детства и доныне,
Перед собою проведу.
Как хорошо! Какой покой!
И лишь в траве играют скрипки.
И дрогнут губы от улыбки:
Ведь Ты и здесь, опять со мной.

дочери

В январе «Татьянин день» встречая,
Ты, наверно, вспомнила о нас.
Вспомнили и мы, за чашкой чая,
Пожелав удачи в этот час.
Я тебя растила и ласкала.
Ты толстушкой маленькой была.
Пухленькие ручки целовала
И часами петь тебе могла.
Ты умела песни мамы слушать
И твердила: «Ну, ещё попой!»,
Яблоки любила очень кушать.
Часто мы смеялись над тобой.
Вырастала девочка с косою.
Скромною и сдержанной была.
Любовались мы порой тобою.
Всюду я тебя с собой брала.
Вот уже любовь перестрадала.
Вынесла всю боль. Перенесла.
Но совсем иною сразу стала,
Словно дар терпенья обрела.

— Это голожаберный моллюск — подсказала Тай, увидев мой восторженный взгляд.

И вновь засверкал экран, и ярко-красные морские звёзды поползли по дну между криноидами — морскими лилиями. Я не ощущала, сколько прошло времени, словно шаолиньский монах, который может изменить ход времени, манипулируя внутренними часами, и живя и думая значительно быстрее.

— Да, тебе пора возвращаться, — подтвердила Тай мои мысли. — Мне грустно расставаться с тобой, но это необходимо. Я хочу, чтобы ты донесла до людей любовь к морю и его обитателям. Наша встреча не случайна... — пропела Тай, и мы снова посмотрели в глаза друг другу.

Прощаться было тяжело. Казалось, что между нами возникла какая-то невидимая нить, этот таинственный необыкновенный мир притягивал с непостижимой силой к себе. Грустные Касен и Нио плыли рядом с нами. Проплыв ещё немного, Тай остановилась и я поняла, что пришло время расстаться. Нереиды хороводом плавали вокруг меня, их волосы развеивались, как от ветра. Они были прекрасны! Мне захотелось дотронуться до них — и тут же их руки коснулись моих рук. Они не показались мне холодными, а в их глазах было столько теплоты!

Я подняла голову и сквозь толщу воды увидела слегка пробивающийся свет. Улыбнувшись на прощание нереидам, поплыла вверх.

Через несколько секунд я была на поверхности. На миг луч заходящего солнца ослепил меня, и радость возвращения в свой мир наполнила моё сердце. Я подплыла к знакомой скале и, взобравшись почти на самый верх, присела на прогретый за день камень, вдыхая свежий воздух и нежась в лучах солнца. Я вдруг ощутила такую любовь ко всему миру, что мне захотелось громко закричать: «Я люблю тебя, моя планета Земля!». Прижав руку к груди, я почувствовала прохладу металла, — это был Голубой Крест. Его необычное сияние завораживало взгляд, и особая магическая форма наполняла счастьем. Это был символ успеха, который мне подарила Тай при расставании, как память о морских обитателях. Ещё в древних легендах он упоминался, как талисман благополучия. И вот я держу его в своих руках!. Его изумрудные камни, наполненные энергией моря, придавали уверенности в себе. Казалось, что нет ничего невозможного, что любое желание выполнимо.

«Пусть в людях пробудится любовь ко всему живому! Пусть люди полюбят море, как землю и воздух! Пусть это будет моим желанием», — подумала я и крепко сжала в руке подарок моря, подарок нереиды.

Иди вперёд, к успеху и победе!
И верь в себя и больше ни во что.
Литавры пусть звучат
Из звонкой меди,
Ты думай о любви, и помни то,
Что слово «нет»
Нельзя считать ответом,

Когда ты к цели новой устремлён.
 Пусть думают, что ты
 Чудак «с приветом»,
 Хоть сединой,
 Как снегом, убелён.
 Иди вперёд, не бойся испытаний!
 Иди скорей, пока душа зовёт.
 Пусть меч твой заблестит
 Над полем брани
 И сердце гимн победе пропоёт.

КЕРЧЬ

Пред нами Корчев. Слева — Митридат, —
 Гора, что именем царя теперь зовётся.
 Сенная площадь, Порфмий, Иллурат.
 Волна морская о Мирмекий бьётся.
 Керчь, город славы — царственный оплот.
 Сюда, как в Рим, стекались все дороги.
 Многоязычен мирный здесь народ
 И свято чтит родные он пороги.
 Здесь каждый камень помнит о войне,
 Трава, что зеленеет под ногами.
 Скорбит земля в безмолвной тишине
 И вымерены метры сапогами.
 Наш вечный город — город на века,
 Ведь, кто уехал — вновь сюда вернётся
 Иль будет с ним душой издалека.
 Ведь Черкио не зря кольцом зовётся.
 А город будет вечно процветать!
 Боспор — истории значительная веха.
 И скифов прежних, узкоглазых, рать
 В нас отзовется бесконечным эхом.

Фаина Дерий

Чьи бы я стихи ни читала,
 То у всех Пегас — конь ретивый.
 Своего коня не поймала.
 Но, даётся мне он — игривый.
 То несёт меня, то оставит
 И, забыв на долгие сроки,
 Думать посерьёзней заставит,
 Чтоб рождались лучшие строки.
 Ну, Пегас, постой!
 Вот поймаю,
 Хоть крылатый, но...
 Будет время,
 Я тебя, мой конь, оседлаю
 И страхну всю робость,
 Как бремя.

Хотела любовь взлететь,
 Но крылья её скрутили.
 Хотела на воле петь —
 На волю не отпустили.
 Страдая, любовь жила,
 Безрадостна и печальна.
 Хотя и жива была,
 Но скрыта от всех, как тайна.
 Однажды возшла заря,
 Шепнула ласково, внятно:
 «Любовь рождена не зря.
 Влюблённым всегда понятна.
 Она бывает сильней.
 Оковы ей не оковы,
 Коль сердце открыто ей,
 Вместить её всю готово».
 Улыбнулась любовь, и вмиг
 Пути сбросила и сказала:
 «Кто любви ещё не постиг —
 значит сердце открыто мало».

Прекрасны рук и губ прикосновенья.
 Но есть ещё прикосновенья душ.

В дорогах нелёгких
Попутчицей верной
Гитара.

Наслаждайтесь цветеньем сакуры.
Через год
Этот миг повторится.

Михаил Евсеевич Чудновский

ДУХ КЕРЧИ

эссе

Его трудно охарактеризовать одним словом или одним развёрнутым сравнением, как это принято в отношении некоторых других городов. Например: Москва — белокаменная, Злата Прага, Северная Пальмира — о Санкт-Петербурге. Нет, дух Керчи является многосоставным.

Прежде всего, он несёт в себе реализм экономический и политический, который как бы цементирован идеей постоянного служения города своему предназначению: быть связующим звеном между Европой и Азией, Западом и Востоком, Севером и Югом. И сквозь круговорот войн, революций, хозяйственных потрясений, Керчь сохранила верность своей великой миссии!

Но такое стало возможным лишь благодаря особым глубинным процессам концентрации духовной энергии, которые присущи нашему керченскому полуострову. Энергия эта периодически воплощалась в деятельности наиболее талантливых наших земляков. И неважно, что иногда раскрыть более полно свои способности они смогли вдалеке от «малой Родины» — начало ведь было заложено здесь!

Ещё в третьем веке до нашей эры наш край прославил весьма известный в то время философ школы стоиков Сфэр Боспорский, чьё прозвище явно указывает на место его рождения. Он преуспел в развитии учения стоиков, скорее всего, потому, что одна из основных идей о достоинстве, присущем от рождения каждому человеку, была весьма ценима на Боспоре. О чём и свидетельствует надпись на могильной стеле боспорца Лисимаха, в которой знавшие его сожалеют о нём, «ласковом в обращении со всеми гражданами и чужеземцами».

Вот что самое важное сейчас: сохранить и укрепить в Керчи общественную атмосферу уважения к каждой национальной культуре; не сортировать людей по религиозному и национальному признаку.

Верю, что это удастся: духовные корни у керчан мощные, славные, добрые. А добро всегда плодотворно, хотя время созревания урожая духовных ценностей иногда переносится на более поздний, известный нам лишь приблизительно, срок.

Но то, что это время наступит — несомненно! Надо лишь каждый день делать свой посильный взнос в его приближение.

ГУЛ ВЕКОВ

Мой город между двух морей,
Мелодия души моей!

Здесь даже в посвисте ветров
 Почувствуешь ты гул веков.
 Воображение лишь напрячь:
 Услышишь, как помчится вскачь
 Вдруг скифской конницы лавина,
 И ощутишь, как пахнут вина
 Из амфор, тех, что привезли
 В Боспор Милета корабли;
 Увидишь отблеск украшений —
 Их создавал античный гений!
 Примет эпохи той — не счесть...
 На камне древнем надпись есть,
 Что раб отпущен на свободу,
 И по обычаю народа
 Он должен быть при синагоге.
 Традиций и культур дороги
 Сплелись тут. Нам дано хранить
 Веков связующую нить —
 Твою историю беречь,
 Неповторимый город Керчь!

ВІН НЕ МОВЧАВ

Коли нацистські покидьки криваві
 Хотіли знищити єврейський весь народ,
 Звернувся до нього Павло Тичина —
 Поет великий та яскравий патріот.
 Слова підтримки прозвучали вчасно,
 Бо віра в розум людства похитнулася.
 Не міг мовчати геній — біль почував,
 Щоб лихо всіх нас разом не торкнулось!
 Нехай замовкнуть всі антисеміти —
 Ось ті слова, як з золота відліті:
 «Народ єврейський! Славний! Не втішать
 Тебе я хочу. Кожен хай тут слуха:
 В цей час, коли синам твоїм вмирати
 Прийшлося від фашистського обуха, —
 Я хочу силу, силу оспівати,
 Безсмертну, вічну силу твого духа!»

Над лесами снег кружится,
 В тень вечернюю ложится.
 Шубы белые зима
 Достает из сундука.
 Смотрят тучи свысока.
 Мёрзнет девица-река,
 А певучая вода
 Умолкает в корке льда.
 В мир алмазной красоты
 Погрузился призрак тьмы.
 И невидимый мороз
 Заблудился средь берёз.

Опустилась ночь на ладонь земли
 И зажгла она звёздные миры,
 И плывёт во тьме жёлтый диск луны
 По краям небес чёрной пиалы.

Цветы вдыхали сладость дня,
 Их ветер целовал слегка,
 И белоснежная фата
 В прозрачном воздухе плыла.

Ходим средь таин земли,
 В сути копаясь, в пыли,
 Истины ищем ключи.

Круг друзей.
 Цветы.
 Волшебный вечер.

Снова песчинка упала
 В песочных часах
 Моей жизни.

Загостилась зима.
 Лежит на перине.
 Но кончится её время.

Бабочки порхают
 От цветка к цветку.
 Радуют нас.

Зарема Дадой

В пене облаков,
В суете ветров,
В голосах весны
Тихо тают сны.
В локонах мечты
Лишь твои черты.
И прозрачные мосты,
По которым ходишь ты.

Душа болела без тебя,
Душа горела
И как незрячий мотылёк,
В огонь летела.
И он обжёг её дотла
И превратил всю в пепел,
А я кричала и звала —
Ты не ответил...

На ресницах у весны
Тают капельки росы.
Дни становятся длинны.
Оживляются холмы,
Леса, горы и сады.
Стала громче песнь воды.
И зелёный шум волны
Раздаётся с высоты.

В глубине своих тайн я твой образ храню.
Наяву и во сне твоё имя шепчу,
И порою тебя из мыслей гоню,
Но напрасно.
Я тенью твоей быть хочу.

Я pošлю тебе снегопад стихов,
И растаешь ты от весенних слов.
Прилетишь ко мне через сто дорог
И подаришь мне ты любви цветок.

Анна Чудновская

СУДЬБА

Расплескалась судьба, как море.
Были радости в ней и горе.
Чёрный дым и белое полотно.
Было это, и было то.
Я подвластна судьбе, как пленница.
То подруга она, то изменница.
Не опознана и не познана,
Как «тарелка» — посланница звёздная.
Не упростишь и не уломаешь,
Что отмеряно — то прошагаешь.
До обрыва, где ждёт нас разлука,
До черты, до последнего звука.

Я вернусь к себе,
По пустыне дней,
По тайге невзгод,
По степи страстей.
Я вернусь к себе,
К той, какой была.
Я ещё не всё
В жизни поняла:
Вот горит закат,
Вот шаги скрипят,
Облака плывут,
Словно на парад.
Не понять листву,
Не разять тоску.
По судьбе шагать,
Будто по песку.
Не завязнуть бы
И не утонуть.
В жизни нет дорог,
Есть лишь крестный путь.

Мы стали старше и «мудрей»,
И чувств своих не открываем.
Мы их старательно скрываем
И от себя, и от друзей.

Небрежно спросишь: «как дела?»
 Ты у того, кто всех дороже.
 И он тебе ответит тоже:
 Мол, ничего, всё о-ла-ла.
 Стыдимся слёз: «Ну, что ревёшь,
 Как в мексиканском сериале?»
 Мы чувства в цепи заковали,
 Свободна только страха дрожь.
 Письма искусство было встарь, —
 Его «мобилкой» заменили.
 А жаль, что нынче отменили
 «Мой милостивый государь...»

РАЗЛУКА

Ещё мгновение поговори со мной
 О чём-нибудь: о людях, о погоде,
 О том, что вырастил сосед на огороде —
 Лишь только б слышать голос твой.
 В последний раз смотреть мне на тебя
 Вот в этих отблесках заката.
 И вспоминать, как дорог был когда-то,
 И уходить, по-прежнему любя...

Утру глаза улыбкою твоей.
 Не буду плакать. Всё ещё случится.
 Я за соломинку успею ухватиться,
 Чтоб не разбиться о злословие людей

ЗА ЧЕРТОЙ

Я скучаю по тебе. Я очень скучаю. Ты далеко. Но зато ты не увидишь моей старости. И у разлуки есть своё милосердие.

Мы можем увидеться с тобой только в Прошлом. Но туда нет дороги: её преграждает Настоящее.

О Рассудок бьются наши Чувства и, окровавленные, умирают...

Я хотела бы вылупиться из яйца собственной жизни. И взлететь. И парить над миром, с его радостями и горечью. А потом — камнем вниз. И сразу. Но яйцо уже давно сварено вкрутую.

ДУША ВЕЩЕЙ

(цикл сказок)

МОЛОКО

«И сколько можно кипеть? Что мне, больше всех надо?» — сказало Молоко и убежало.

И снова: разлука и поезд знакомый,
 И скрытые слёзы глаза наши жгут,
 И мысли текут, но теперь уже к дому,
 Где внучка и дочка, и муж меня ждут.

ПОПУТЧИЦА

Наташе

Бывает так, что хочется молчать,
 Побывать наедине с собой в вагоне,
 А хочется, порой, о жизни рассказать,
 Все темы наболевшие затронуть.

Умение слушать, как и говорить,
 Наверное, как и талант — от Бога.
 Бесед вагонных тоненькая нить
 Пропитана и радостью, и болью.
 А тут, при всём трагизме бытия,
 Такого оптимизма и вниманья
 Давно уж не испытывала я,
 Участия такого, пониманья.

Желанье видеть красоту вокруг,
 Добро и ласку находить повсюду, —
 Общенье было, как среди подруг.
 Попутчица! Тебя я не забуду!

Марина Молодцова

Иду пешком, ногами землю чую,
И не могу волнения унять, —
Такой простор, как будто бы лечу я.
От радости, хочу весь мир обнять.
А ведь казался путь неодолимым,
Ещё чуть-чуть — и повернула б вспять.
Автомобилем — быстро, только мимо
Проносится, что — хочется обнять.
А тут, — за что-то глазом зацепилась,
И можешь молча долго постоять,
И если в жизнь без памяти влюбилась, —
Не надо вороных по жизни гнать.

На что мы тратим золотое время?
На суету, брюзжанье, негатив.
Нас тянет вниз обыденности бремя,
А в небеса поднимет позитив.
Попробуй минус к плюсу пододвинуть,
На жизнь смотри под радужным углом,
Тогда ты сможешь даже горы сдвинуть,
И все преграды будут нипочём.
Как устаёт душа от говорильни,
От обещаний всяческих надежд.
Надейся на себя, и свои крылья
Ты защищай от глупых и невежд.

И снова дорога, знакома, привычна —
В столицу, в столицу, где сын наш живёт.
Пейзаж за окном и чаёк, как обычно,
А мысли — о том, кто на встречу придёт.
Давно не ребёнок, совсем уже взрослый,
Но мамино сердце щемит и болит.
Хоть маму свою обошёл уже ростом,
Да сердце — в тревоге за тех, кто вдали.
Два дня пролетели почти незаметно:
Побаловать вкусным, молчать, говорить,
Быть рядом. И взглядом, почти неприметным,
Протягивать близости прочную нить.

СЕ ЛЯ ВИ

«Не уходи, я умру без тебя!» — горестно воскликнула Железнодорожная Платформа. Но поезд только дёрнулся и быстро умчался. Подошёл другой состав. Ну, что ж, надо ведь как-то жить...

СВОЙ ВЗГЛЯД

«Довели Пуговицу: сама в петлю полезла» — посочувствовала Застёжка-Молния. «Не от хорошей жизни эта Застёжка-Молния себе хаки сделала» — вздохнула Пуговица.

ЧТО СИЛЬНЕЙ

У Шурупа стальной характер. Сколько Молоток с ним провозился! И стучал, и давил — ничего не получилось. А нежная Отвёртка вскружила Шурупу голову, и он легко подчинился ей. Нежность всегда предпочтительней силы.

ТАКАЯ РАБОТА

Пепельница к вечеру серая от пепла и усталости. Голова кружится от сигаретного дыма. Она с завистью смотрит на вазы, наполненные цветами и фруктами. Она не такая изящная, как они, да и не хрустальная вовсе. Вот и приходится иметь дело с грубиянами-окурками. Работа такая... Хотя «Минздрав предупреждает...»

ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ...

Классная доска. Скольких учеников она выучила! И не сосчитать. А сколько вытерпела. И невыученные уроки, и ошибки, и просто глупые фразы, такие как «Петька - дурак». Учителям хоть звания присваивают, их вспоминают бывшие ученики. А кто помнит о классной доске? Но она не жалуется, и лишь иногда ночью в пустом классе тихо скрипнет, как будто вздохнёт.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

Всей душой любит Барабан скрипку. Понимает, что он ей не пара. Она нежная, певучая, а он неуклюжий, громкоголосый. Они даже разного происхождения: он ударный, а она из струнных. А скрипка влюблена в изящный Рояль. Замирая, слушает Барабан, как вдохновенно она поёт и нежно вторит ей Рояль. Но у Рояля есть дуэты и с Виолончелью, и с Флейтой. Ну, что поделаешь, — артист, нет у него постоянной привязанности. А Барабан мечтает, что когда-нибудь Великий Композитор напишет дуэт для Барабана со Скрипкой, и тогда он всё поведаёт своей любимой. А пока он любит её из своего угла и вздыхает, согласно своей оркестровой партии.

НОЧЬ ОТ КУТЮР

Я примеряю чёрное платье ночи. Коротенькое мини летней ночи, блестящее от звёзд. Длинное платье осенней ночи, с серым шлейфом рассвета. И совсем уж глухое, монашеское платье ночи зимней... Но по душе мне простенькое ситцевое платьице майского дня, в незатейливых белых цветочках. Хотя, Ночь от Кутюрье... это звучит...

ОГРОМНОЕ НЕБО, ОДНО НА ДВОИХ

Парашют не любит небо. Да-да, это человек стремится в небо, а парашют всегда тянет к земле. Ему так уютно покачиваться в укладке за спиной парашютиста, и слушать, как музыку, гудение самолёта. Но вот прыжок. Парашют догадывается об этом по свисту

ветра, да и парашютист подаёт сигнал: дёргает за кольцо. Ничего не поделаешь, ведь без него погибнет это упрямое бескрылое существо, которому не сидится на земле. И парашют раскрывается. Вид отсюда, конечно, «обалденный», но парашюту не до него. Надо следить, чтобы человек не утонул в каком-нибудь озере или не разбился о верхушки деревьев. Но вот конец пути. Парашют блаженно растягивается на земле и с наслаждением вдыхает запах травы и пыли. Работа сделана. И он понимает человека: небо отсюда, с земли, кажется таким синим, приветливым и манящим...

ИСКРЫ

Горит костёр. И разлетаются от него во все стороны искры. Жизнь искры — несколько мгновений. Они знают об этом, и стараются сделать что-нибудь очень важное. Вот, самая романтичная искра осветила влюблённые глаза мужчины, обращённые к молодой женщине. А самая осторожная высветила обручальное кольцо на руке этой женщины. Самая расчётливая огоньком отразилась в золотой брошке с изумрудом. И только самая беззаботная искра полетела к звёздам. Она, конечно, не долетела. Но её слабый свет слился со звёздным и усилил неповторимое очарование этой летней ночи.

ПОМЕЧТАЕМ?

Ярко светит солнышко. У норки пригрелся маленький мышонок. Ну, как в такой чудесный день не помечтать? Он большой и сильный. Тигр или, даже страшно подумать, кошка. Вот он идёт по лесу и никого не боится. Вдруг в траве что-то зашелестело. Мышонок мгновенно юркнул в норку. Ведь мечты это одно, а шелест жизни — совсем другое. И не всегда он несёт радость, скорее, наоборот. Это знает даже Мышонок. И всё-таки... помечтаем?

«Все браки заключаются на небесах».

Горели венчальные свечи
И тихо священник вещал...
Нам храм Иоанна Предтечи
Особой святынею стал...

«Человеку нужна вера в Чудо. Без веры он ничто».

Пусть новогодний запах Колдовства
Нас очарует и забросит в Сказку,
Где есть: Мечты, Надежда, Вера, Ласка;
Где правит бал Любовь, и места нет Лукавству;
Где кружит хоровод Чудес листва!

И давит боль, и хочется бежать,
Иль встать столбом, от мира отрешиться;
Любому встречному всё рассказать,
Иль в уголок глухой забиться...
Не знаешь сам, как поступать...
А в мыслях продолжаешь звать
Того, кто больше не вернётся...
И монолог свой продолжать...
И, пусть никто не отзовётся,
Ты просто будешь вспоминать...
И знаешь: время всё залечит,
Боль юркнет в дальний уголок,
И внешне будешь ты беспечен,
И рану зарубцует в срок,
Когда твои погаснут свечи...

жене Марине

ЛИСТОПАД

музыка автора

Листопад за окном,
Листопад в моей жизни.
Осень серым крылом
Надо мной уже виснет.
Листья-годы летят,
К холодам приближая,
Подступает Зима,
Но своя — не чужая.
Припев:
Ты пришёл, Листопад,
Не сумел задержаться...
Листья лет, листья дат
Тихо наземь ложатся...
Голос флейты в тиши
Листопада прекрасен;
Как порывы души,
Он и грустен, и страстен.
Он зовёт нас туда,
Где мы были когда-то,
В наши листья-года,
Посреди листопада.

Припев:

II

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

«Не судите, да не судимы будете».

Христа заветы соблюдая,
Людей не стоит осуждать:
В глазу бревна не замечая,
Соринку камнем добивать...

Елена Бондаренко

МЕДУЗА

Стоял август, конец лета. Самое время подумать о подготовке к школе, но солнце всё ещё радовало жаркими денёчками и манило на пляж.

Нас, подростков, как магнитом тянуло на причал Капканского рыбколхоза. Колхозный сторож время от времени гонял нас, но не особенно усердно. Во-первых, он понимал, что серьёзного вреда мы не причиняем, а во-вторых, ему, наверное, надоело каждый день с нами бороться.

Мы вдосталь нанярялись: «головкой», «ножками», «бабочкой», «бочкой», «сальто-мортале» и т.д., одним словом, кто как умел. Весёлые и довольные, теперь валялись на дощатом причале, подставляя солнцу то животы, то спины.

Вдруг Толя по прозвищу Ворон вскочил на ноги с таким видом, что мы испугались:

— Ты чо, как ужаленный!
— Шо случилось?
— Ты чо, приведение в воде увидел?
— Что, сторож идет?

На него градом посыпались вопросы, а он молча показывал рукой в воду с левой стороны причала. Расталкивая друг друга, все ринулись туда.

В прозрачной воде, плавно покачиваясь на мелких волнах, плыла огромная медуза. Нас трудно чем-либо удивить. Но такое?! Привычные в это время года медузы едва достигали 40-50 см, а эта — монстр, гигант! Купол в диаметре был больше метра!

Искрясь и переливаясь под лучами солнца, медленно сжимая и разжимая студенистую массу, медуза плыла к нам. Сверху хорошо было видно, что она едва помещается на пятиметровой глубине. Купол красавицы украшали четыре розовато-коричневых с фиолетовой обводкой овала. Рюш, плавно поглаживая воду, отсвечивал сиреневым перламутром с такой же, как на куполе, фиолетовой обводкой по краям. «Мясо» имело желтовато-коралловый оттенок, а щупальца, извиваясь у самого дна, сливались с цветом моря.

Мы в полном восторге с открытыми ртами наблюдали за глубоководным чудовищем, шутиливо подталкивая друг друга к кромке причала.

Кто-то из мальчишек предложил: «Давайте забросаем её камнями!» Кто-то согласился, но я возражала до визгу:

— Да вы чо, двинулись что ли?! Вы видели хоть раз что-нибудь подобное?! Это же чудо! Как можно убить такую красоту?

Со мной согласился Пашка Гусь:

— Ага, блин, точняк! Я такого, ей-бо, никогда не видел! Слышь, надо что-то делать — ей тут мелко...

— Надо как-то помочь ей уйти на глубину, — глубокомысленно заметил Толя Ворон.

— Ага, умный какой! Мы чо, подплывем к ней что ли, она ж ядовитая! — возразил Витька, а попросту, — Вика.

Он был прав на все сто. Наши местные медузы, если угодить в них лицом или ещё каким местом, выпускали ядовитые «стрелы» и слизь. Обожженное место долго потом жгло и чесалось. Но что же делать?

Медузу неотвратимо несло к отмели...

Я огляделась вокруг. На причале стояли какие-то коробки и ящики... Меня осенило.

— Эврика! Я знаю, что делать!

Пока не появился сторож, тихонько, на цыпочках, мы с ребятами вытащили несколько пустых картонных коробок через лаз в заборе на берег. Затем мы, шеренгой, по пояс вошли в море и сложенными плоско коробками стали гнать волну в обратном направлении. Вика с причала наблюдал за процессом и за медузой.

Не знаю, то ли мы помогли медузе, то ли она сама справилась, но глубоководный монстр, выпуская шлейф слизи, медленно ушел на глубину.

Вот такая случилась история! Кстати, некоторые из нас после проведенной спасательной операции сильно переболели. Слизь, выпускаемая медузой, всё же достала нас даже с такого приличного расстояния.

Ни до, ни после этого случая мне не доводилось видеть медуз подобных размеров (разве что по телевизору). Откуда взялась эта красавица? То ли вышла из глубины Черного моря (его глубина примерно 2,5 км), то ли её несло по фарватеру за судном, шедшим из заграничья домой в Керчь — не знаю. Её появление в Керченском проливе так и осталась для меня загадкой.

МИДИИ

Эта история произошла в середине лета. Мы с мальчишками пришли на берег моря и обнаружили некоторые перемены, сильно изменившие наш обычный распорядок дня. Итак, по порядку.

Вся наша компания, состоявшая в основном из мальчишек и двоих девчонок (меня и Вальки), знали, что в воде, на небольшой глубине, лежала затопленная баржа. Когда-то мы досконально её обследовали и, не обнаружив ничего значимого, потеряли к ней интерес. Но сегодня, после шестидневной низовки¹, баржа оказалась почти на самом берегу. Остов полусгнившего судна, обросший водорослями, торчал из воды, как скелет доисторического животного. Мы все ринулись туда. Судно довольно древнее. Металлических конструкций практически не было — одно полусгнившее дерево. К нашему разочарованию, баржа оказалась не такой уж большой, как мы первоначально считали.

Полдня мы её изучали. В днище баржи зияла большая рваная дыра, сквозь которую просматривалось морское дно. В прозрачной воде мелькали любопытные мальки, осваивали новый дом.

* Низовка — местн. диалект, штормовое волнение на море.

Выбрали сами то, что хотели:

В дело вступает армейский спецназ.

Бой на границе, засады и рейды...

Пьяный от смерти братишек десант...

На острие этой всей круговерти

Штурмовики и разведдиверсант.

Помним мы годы, пески и поляны,

Танков броню, защищавшую нас...

Помним погибших и все свои раны...

Это — наш путь. Выполняли приказ.

У меня нет друзей. Те, что были, остались
Кто — в землице чужой, с рваной раной в груди...

Кто — в родную прилёт, и навеки расстались...

А кто жив — далеко. К ним закрыты пути...

У меня нет друзей. Дружба — это святое.

Это то, что не купишь и даётся судьбой.

Друг прикроет в пылу скоротечного боя,

Приняв пулю твою, заслоняя собой.

У меня нет друзей, но товарищей много.

Время судит о них и оценку даёт.

И идём мы по жизни своєю дорогой.

Ну а дружба, — святое, быть может, придёт.

Как конь, с затянутой подпругой,

Бежишь по замкнутому кругу

И как искра из-под копыт,

Сгорает роль... И вновь летит

Тебе навстречу день другой,

И колокольцем под дугой

Звенит звонок, и новый круг

Ты начинаешь поутру...

За кругом — круг, за годом — год...

Как началось — так и пройдёт...

Круги от камня — по воде

Бегут, бегут, и нет нигде...

бевременно и трагически

ушедшим родителям.

Когда уходит близкий человек,

То боль в душе, как от осколка в теле...

И ночью не смыкаешь век,

И даже чувства притупели,

Когда уходит близкий человек.

Ты знаешь: он ушёл и не придёт,

И не услышишь больше его голос...

Но сердце против разума встаёт,

Как после бури хлебный колос —

В душе твоей как жил он, так живёт...

Сергей Молодцов

I

«НОСТАЛЬГИЯ»

ДЕТСКАЯ МЕЧТА

Я в детстве диафильм любил —
«В 2017м году».
Смотрел, считал года, уверен был,
Что в Сказку ненадолго попаду.
Шли годы, и уверенность росла,
Что будет так, как в диафильме этом:
Страна бурлила, стройками цвела,
Далёкий Космос раскрывал свои секреты.
И верилось — в столетие Октября
Всё будет в жизни так, как в диафильме!
Но разгулялась дивная Заря.
Остались лишь одни «мультфильмы»...
Не детские, а взрослые вполне:
Про нашу жизнь — сплошную «веселуху».
Где истина, увы, царит в вине,
И как в двадцатых: голод и разруха...
Круг завершит 2006-й...
Десяток лет до долгожданной даты!
Мечта растаяла на финишной прямой,
Лишь по инерции бредёшь во тьме куда-то...

Мы Союзу служили с тобой,
Отдавая ему все таланты;
На парадах блистали, шли в бой,
А теперь мы, увы, эмигранты...
Невозможно такое забыть:
Марш парада и грязь полигона...
Под Присягу Отчизне служить,
Нам на плечи ложились погоны...
И куда б ни забросило нас,
Кто б ни лез грязной лапою в душу:
Призовут — встану в строй тот же час, —
Я Присягу, что дал, не нарушу.

Зной на дворе или злые метели;
День или ночь — получаем приказ.

Неуклюжие крабики, выставив перед собой клешни, смешно таращили свои зенки. Даже маленькая тонкая змейка, изящно скользя вдоль борта, исследовала необычный объект.

В носовой части тоже была пробоина, но меньших размеров, чем в днище судна. Мы немного понырjali с носа баржи, но там оказалось мелко — не интересно. С правой стороны судна располагался док сейнеров, а между ними, баржой и доком, росла длинная плоская трава, в которой кишели змеи. Приятного мало, но, тем не менее, сегодня мы решили на причал не ходить, а поиграть здесь в ловитки¹. Играли долго. Все уже изрядно подустали. И вот, уплывая от догонявшего меня Гуся, я, нырнув на глубину, чуть ли не лбом наткнулась на стену.

Это было нечто новое, неисследованное. Подплыл Пашка Гусь обрадованный, что наконец-то меня поймал, но мне уже было не до игры. «Стена» обросла мидиями так плотно, что из-за ракушки камня вообще не было видно.

Сначала мы ныряли вдвоем, а потом позвали остальных. От такого количества мидий Вика (Витька) чуть не захлебнулся от восторга.

— Не фига себе Клондайк! — то и дело повторял он. — Во мы дураки, а? Как крысы под сваями шарили, а тут такая жила!

Он был прав. Обследовав вдоль и поперек объект, мы выяснили, что это вовсе не стена, а скорее блок высотой примерно метра два. Торцом он упирался в край дока, а длину, т. е. конец блока, мы так и не нашли: он уходил глубоко в море. Может быть, когда-то это был причал, может еще что — кто знает! Нечто монументальное, по форме напоминающее параллелепипед, под метровым слоем воды. Но самое главное, что это «нечто» было сплошь покрыто мидиями! Тысячи тысяч мидий! Крупных, сытых ракушек никогда никем не срываемых!

Стоя по пояс на каменном постаменте (хотя глубина там метра три), начали рвать мидию с угла. Довольно скоро выяснилось, что собирать это «богатство» не во что. Вика предложил тянуть жребий, кто побежит домой за сетками. «Счастливичками» оказались мой брат Филипп и Толя Ворон. Мальчишки со скоростью звука сгоняли домой, и началось... От жадности каждый нарвал столько, что еле-еле дотащил домой. Предварительно мы договорились, о находке никому не говорить, даже родственникам.

— Слышь, — начал Гусь. — А если спросят, шо говорить?

— Шо, шо! — съехидничал Вика. — На сваях нарвали и всё тут!

С этого дня началась новая эра, именуемая — мидийной. Из хамсароса² каждый пошил себе сумку, и теперь каждый день приносил домой ведро-полтора крупной отборной ракушки. Мало того, однажды Толя Ворон на свалке нашел старую духовку. Мы её почистили, отмыли и теперь каждый вечер устраивали пир. Хвороста и сучьев хватало с головой. Дрова закладывались в духовку, а сверху насыпались мидии. Из дома тайком приносили лук, картошку и хлеб.

До сих пор помню эти «тайные вечера» закадычных друзей. Счастливые, обветренные лица, освещённые сполохами огня, чёрные от печёной картошки руки, губы, блестящие от жира, огромные звёзды над головой и тихий всплеск волн. Как же это было здорово!

¹ Ловитки — местн. диалект, салочки, догонялки и т.п.

² Мелкоячеистая рыбацкая сеть, применяемая для ловли хамсы.

«Мидийная эра» длилась два летних сезона. Потом случилось ужасное. Мы не сразу сообразили, что происходит. Лето сезон подходило к концу — середина августа. В доке началась какая-то суета. Понаехал всевозможный транспорт, и начались строительные работы. Нас это мало волновало до тех пор, пока строители не стали засыпать «мидийную плантацию», сваливая в море тонны щебня и гравия. Тут уж было не до шуток! Мы запаниковали. Сначала из меркантильных интересов — уничтожалась наша «кормушка», а затем возмутились всерьёз. Запасов мидии на «нашей плантации» было столько, что хватило б на весь город! Посоветовавшись, мы решили раскрыть нашу тайну взрослым. Для начала родителям. Помню, резонанс был, но настолько слабый! Наша мама, выслушав сбивчивый рассказ, согласилась пойти с нами в док, поговорить с начальством. Мы пришли, но рабочий день уже закончился, и, кроме сторожа, все разошлись по домам. Мама развела руками: «Извините, больше ничем помочь не могу». Мальчишкам родители если и поверили, то днем, как и наша с братом мама, они работали, а вечером док закрыт.

Идти к строителям бесполезно: им приказали они работают. Что же делать? Работы велись быстрыми темпами, но ещё оставалась надежда спасти хотя бы часть плантации.

Мы решили пойти к начальнику дока. Мой брат-близнец Филипп уже не верил, что нас «услышат».

— Напрасные хлопоты, — говорил он нам, — всё равно не поверят, а проверять никто не станет. Так что фигня всё это!

Я возмутилась:

— Ну, как же так! Не может быть! Должны поверить! Мы им докажем, убедим!

Делегацией из трех человек мы отправились на проходную. Нас, конечно же, не пропустили. Мы громко пытались убедить дежурного, что вопрос, с которым мы пришли, очень важный! Нам нужен начальник! Срочно! Немедленно! Одним словом мы подняли такой гвалт, что проходящий мимо мужчина, как выяснилось позже, начальник, сам подошел к нам с вопросом:

— Что здесь происходит? Кто вы такие и что вам надо?

Что нам надо?!! Мы загомонили все разом, тем более, что подошли остальные мальчишки, ждавшие нас за воротами.

— Здесь мидия! Очень много мидии! Вы её закапываете, а ведь можно сначала выбрать её для людей, для города!

— Очень интересно, — улыбнулся начальник, — первый раз слышу, что в море есть мидия.

Он издевался над нами! Толя Ворон аж взвизгнул:

— Да Вы не поняли! Везде есть мидия, но здесь в этом месте, — он показал рукой где, — её очень много! Очень, понимаете?!

Запинаясь и перебивая друг друга, мы стали рассказывать: как обнаружили плантацию, как рвали мидию, как жарили её на берегу в духовке, как договорились никому не выдавать секрет.

Мужчина нас внимательно выслушал, всё время покачивая головой, как будто соглашаясь, затем серьёзно сказал:

— Я вас понял, не волнуйтесь. Идите по домам, я подумаю, что можно сделать.

И ушел.

Чужим стихам оценку ставлю «ноль»,
Но всех заставлю выучить мои!
С чего у всех пошла зубная боль
И заикаться стали соловьи?..

В облик Ялты, в камни диорита,
В корни лавра, пальм и кипариса.
Окна с трёх сторон, балкон на море,
А с балкона — чудная картина!
Счастье — наблюдать над морем зори.
Ай, спасибо вам, хозяйка Зина!

УЧАН-СУ

Ищут туристы
 в крымском лесу
Высокогорный поток Учан-су.
По серпантину —
 в рай или в ад? —
Шумом далёким
 манит водопад.
Сто поворотов асфальта — и вот
— Вот он! —
 восторженно первый орёт.
Вот он, красавец, вот, чародей,
Воли и мысли
 лишает людей.
Прямо из неба
 льётся вода,
Прочее всё
 здесь — ерунда.
Смотрят туристы,
 оцепенев,
Маски восторга
 на лица надев.
И, уходя,
 мыслят назад:
Что это было:
 рай
 или ад?

КАЮСЬ, НО ПИШУ

Собой восторжен каждый наш поэт.
Везде на первом месте слово «Я».
Стихом он лепит льстивый свой портрет,
Зовёт свой лепет песней соловья.
 И я туда же: каюсь, но пишу,
 Стихом мараю девственный листок.
Я этой ночью снова согрешу
И слово «Я» поставлю на поток.
Я так тонка, что то и дело рвусь.
Я вижу то, чего в помине нет.
Я от самой себя «ваще тащусь».
Я в этом мире — лучший компонент!
Я всем открою тайные ходы
Моей любовью съеденной души.
И не отвертись, читатель, ты!
Читай и смысл какой-нибудь ищи!

Строительные работы продолжались, не останавливаясь ни на день...

Так, подростками, мы впервые столкнулись с недетскими проблемами. Нас настолько возмутило равнодушие, лживость и бесхозяйственность взрослых дяденек, что не было слов!

Когда «плантация» полностью исчезла под слоем щебня, я плакала. Не потому, что закопали нашу «кормушку», а потому, что так наплевательски распорядились «подарком» щедрого моря.

АХ, ВЕСНА!

До темна, брожу по улице —
Не до сна.
Мир большой в аллею сузился.
Ах, весна!
Может быть, устала душенька
В суете.
Криком в горле: Боже, душно как!
Всё не те.
Настроенье очень скверное —
Нет тепла.
И веду себя неверно я —
Всё не в лад.
Побежали б босы ноженьки!
Но куда?
Дождь и слякоть... Боже, Боженька! —
Льёт вода.
Вся дрожу, брожу под окнами,
Словно тень.
И насквозь давно промокла я.
И мигрень...
Надоел дождя-печальника
Слёз полет.
Лягу спать, уснет отчаянье —
Всё пройдет!

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Смахнув соленую слезу,
старик вздыхает:
Казалось, многое смогу —
ведь жизнь большая,
Но ускоряет время бег,
в ладонях тает,
Согнули годы мой хребет,
и дом ветшает.
Нет, не жалею ни о чём!
Я жил, как надо!
Был ранен на войне в плечо,
имел награды.
Трудился, не жалея сил,
под синим небом.
Да что там, хоть кого спроси,
ленивым не был!

Старухи третий год уж нет —
земля ей пухом,
Хлебнула горя на сто лет:
война, разруха.
Душевной Марьюшка была —
всё к сердцу близко.
А перед смертью всё звала
внучка Бориску.
Единственный сыночек Влад
загинул в море.
Невестка высохла, ждала,
спилася с горя...
Внучка растили, как могли —
тянулись оба.
И с институтом помогли:
далась учеба!
Нам «жив, здоров, — внучок писал, —
целую, двести»,
А как-то летом приезжал
вдвоем с невестой.
С тех пор пропал на много лет —
точней, на восемь.
И вот вчера прислал конверт,
прощенья просит.
Женился, пишет, сын растёт,
привет огромный;
Что нас с бабулей в гости ждёт
в свои хоромы...
Ещё в конверт вложил банкнот
американский:
«Подарок, мол, на Новый год,
на стол с шампанским».
В печальных выцветших глазах —
судьбе покорность.
Подарок внука мнет в руках.
Обида ль? Гордость?
Вдруг, улыбнувшись паучку
на ветке клёна,
Сыпнул щепотку табачку
в «банкнот» зелёный.

Сосновой хвоей и закатом
Над флоры поступью несмелой.
Всё лето сушь — дождя ни капли.
Лишь с моря изредка — прохлада.
И мы, крымчане бы зачали
Без доброго вина услады.
Богат и знатен Лев Голицын,
Чей род Романовых древнее!
«Хочу — люблю! Какие лица
Встать поперёк меня посмеют?!»
Трепещет нежностью невесты
Полынно-черноморский ветер.
Гражданская жена Надежда,
Тебе нет места в Новом Свете!
Пока скитались по Европе, —
Умолк в Тавриде суд народный.
И — ценен подвиг патриотов,
Создавших винные заводы.

В ПОДМОСКОВНОМ ЯНВАРЕ

Надоело сладкое,
Дайте вволю кислого!
Здесь, где море гладкое,
Вдруг тоска повисла.
После лета звонкого —
Межсезонье серое.
А в России вон какой
Снег — сверх всякой меры!
Мысли новогодние
На вагонной полке
Формой уподобились
Настоящей ёлке.
А потом, когда уже
Позади все рельсы,
Не оттянешь за уши
От родного леса,
Где лыжня проложена,
Вся в алмазном блеске,
Где сюрприз возможен
В каждом перелеске.
В подмосковном январе
Крым легко забудется.
След мой в сумрачной заре
Радостно заблудится.

ДОМ НА ГОРЕ

Дом стоит на самой верхотуре,
На холме, где весело и тесно.
И в его коммерческой натуре —
Принимать гостей всегда и честно.
Дом построен бабкой Зинаидой,
И с годами он удачно вписан

Ты не спасёшь меня от ранней старости,
Даже если вдруг
Придёшь ко мне
С любовью.
Твои струны врезались в меня.
Их следы уже неизгладимы.

КОШМАР

Стонет чёрная ночь за окном.
Синей россыпью — дождь на стекле.
Надвигается страх потолком.
Будто давит к скале.
Раскачнётся стены скала,
Разлетится грозы стрела,
Разлетится в дребезги мир!
Мой погибнет кумир!
Неприятно, безумно, дико
Приближается месяца лик,
Заполняет проём окна.
Даже ночь не видна.
Этот свет... Этот мёртвый свет
Настигает меня, спешит.
Нет спасенья! Спасенья — нет!
Это свет — из твоей души.

Ну, давай же, Фортуна, давай,
Двигай дальше свою колесницу!
Я сюрпризов твоих урожай
Собираю азартной десницей.

ЮЖНЫЙ КРАЕШЕК

Мимо радужных раковин,
Мимо пальм и глициний
Мы идём одинаково,
Мним себе: «Молодцы мы».
В завихрениях раковин
Зашифрованы фразы,
Разноцветны, как радуга,
И прочтёшь их не сразу.
Назовёшь ли окраиной
Южный краешек Ялты?
Молодцы, не украли мы
У себя карнавал тут.
Тут гуляют все расы,
Все таланты и моды;
Прихоть разного класса.
И душа — на свободе!

РУССКИЙ ВИНОДЕЛ

Восточный Крым пьянит мускатом,
Душицей, розой, изабеллой,

Александр Ткаченко

«Одиссея Одиссея»

*Заметки на полях Великой книги
(Замысел)*

Зачем сказки надо писать гекзаметром?
Чтобы, заворотив чарующим напевом, усыпить и навсегда
оставить на острове неведения и счастья в окружении своих
тайных и каким-то чудом исполняемых желаний?
Или, наоборот, обманом завладев душой какого-нибудь
простака, направить её туда, где всякое стремление к смыслам
ведёт к их отрицанию?
Так или иначе, сказка сложилась. Теперь вопрос — не безмерная
ли жажда жизни вечной двинула в путь Одиссея? И не безмерная
ли жажда смерти вечной замкнула круг его странствий? Жажда
смерти — вот что побуждает нас к жизни. Жажда жизни — вот что
побуждает нас к смерти.

.....
Чего же хочет Великий Слепой от хитроумных размышлений о
смыслах? Неужто счастья? А что это такое — знает ли он? Знаем
ли мы, утомлённые поеданием собственных сердец?

Тоска над простором реет, мрак земли рвёт в клочья озарённые
звёздами Небеса, а мы суетливо жаждем жить вечно в согласии с
плотью, полагая, что это и есть весь смысл нашего бытия.
Воистину, радость, которую черпает мятущаяся душа в страдании,
недоступна пребывающим в наслаждении!

.....
Око небес прозорливо глядит на нас с высоты и молчит. Почему
оно молчит?

А кто сказал, что молчит? Небо говорит с человеком языком его
судьбы.

Волна слизнула с берега пацана в матросской бескозырке, мать
в помрачении кинулась за ним и не вернулась. К чему знать нам,
как жили они десять лет до того? К примеру, за руку в садик
ходили. Неужели нет других забот, как стенать по никчемности их
нежных отношений, раз уж их вообще уже нет? Зато есть тапочки
на берегу и девочка, сидящая возле них обхватив колени и в ужасе
глядящая на ревущую и клокающую бездну, поглотившую только
что весь её мир.

Зачем всякий раз, как только Небу захочется вернуть человека
хоть к какому-нибудь смыслу его существования на земле, ему надо
стряхнуть в пасть Вечности несколько сот или тысяч случайных
жертв?

Бог — не тайна, он раскрытие тайн, ибо есть прямое указание, что растворён Его Дух в нашей крови. Причащаясь, мы вкушаем Его плоть и кровь, вновь и вновь возжигая свою плоть и кровь божественным огнём страсти-страдания. О, страстотерпцы, лик Божий не есть ли человеческий? Тогда иди и возлюби ближнего как Бога единого! Что, не любится? Тогда иди и скитайся, как перекати-поле.

Сказано: Сын божеский суть Сын человеческий. Как яснее указать, что в жилах у нас растворён Дух Его? Аллегория не понята или понята не так. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЖИЗНИ ЗЕМНОЙ НЕТ БОГА! Как вам это, человецы? Мужское, соединяясь с женским, физически являют выход Духа из праха в свет. *Способность* любить непрерывно — единственный путь к спасению, который дан нам вместе с *обязанностью* любить непрерывно. Права и обязанности *хитроумно* сплели для нас западню, в которой одни способны вкушать единый миг блаженства, другие — вечные муки без него. Переставая любить, мы вступаем совсем на иной путь — обретения жажды безмерного, влекущего к концу всех концов.

Плоть интуитивно находит свой единственный смысл — в семейном союзе. Любовь находит для плоти хоть как-то объяснимый смысл. Возжигая прах, она создаёт религиозное чувство сопричастности высшему, которое чем дольше длится, тем более богоугодно.

Любить и творить — в этом и состоит подобие человеческое образу Божьему. Всё иное смешно и нелепо. Это на земле способен делать только Бог и человек. Растворённый в человеческих соках Дух только и делает, что побуждает его любить и творить. Чем же в это время занят Дьявол? Разрушать — не такая же ли способность творить? Никто не способен на такие варварские опустошения, творимые по всей земле, как слепой гнев Божий и весёлая ярость человеческая!

Дьяволу некогда скучать. Нелёгкий труд переделывания жизни в смерть требует его ежесекундного присутствия в душе каждого из нас, чтобы через очарование гибельного усыплять мечтательный дух одних и воспламенять бесовским огнём дух других.

Теперь понятнее стало, в чём заключается смысл того, что, дескать, Бог есть Любовь. Но какая Любовь? К сирому, голодному или, может, холодному?

О, нет! Собрав всё мужество в кулак, надо признать, что, любя сырых и убогих, мы плодим сырых же и убогих! Любя красоту, мы создаём красоту! Любя разрушение, мы разрушаем творения рук человеческих! И пусть кто-то докажет, что это не так. Любя женщину, мы отпускаем Дух Его из темницы плоти в свет Жизни вечной!

Адам богопослушен, он следует воле Творца и «грешит» только с точки зрения Лукавого. Забавно, но и Ева, науськанная Им, также послушна лишь Его воле, ибо иных смыслов нет на земле, кроме Любви!

Людмила Десятова

Ты,
которого я так ждала,
ушёл в мечту.
Звук струн твоих отчаянных
остался в ветре.
И ты не знаешь,
что эти звуки
качают человека
в диком танце,
Когда из настоящего
бежит в прошлое.
И далее —
назад, по кругу.

Меня
в пучину перепутанных проблем
бросают дороги.
Иногда забываю о ветре,
О струнах
О прошлом;
Измученная,
Засыпаю мгновенно,
Не успев переварить впечатлений,
На которые наталкиваюсь за день.

Возвращение на родину
Вернуло память о тебе, умолкшем.
И струны-провода,
И ветры-струны,
И струны волн, согнутые дугой,
Дрожат
И больно бьют по старой ране.

Но я не плачу,
не зову тебя,
и в истерическом припадке
не ломаю рук.
Слоновьи тонны времени
Придавили чувственную бурю.
Была когда-то девочка-романтик.
Теперь — усталый скептик,
опустивший крылья...
Я не зову тебя.

Берёт начало в сердце материнском
И в детских продолжается сердцах.
Душа стремится к миру и порядку,
А этот путь для нас всегда трудней.
Ведь легче посадить на даче грядку,
Чем зёрна чести в души сыновей.
Нужна культура для людского братства,
Чтоб каждый стал и лучше, и умней.
Важней всего на свете не богатства,
А мудрость сердца наших дочерей.
В них воспитайте лучшие стремленья,
Любите дочек с каждым днём сильней.
Они подарят миру поколение
Культурных и талантливых людей.
На радость всем, духовные структуры
Изменяют жизнь, изменяют шар земной.
И пусть сияет аура культуры
Над каждым домом, городом, страной.

Что же это за «промысел» такой Божий, без ведома которого, как известно, и муха к мухе не летит? С другой стороны, не кощунственно или дерзновенно, или просто дураковато взыскивать смысла в творении, раз уж мы все сотворены единым, как говорится, «пакетом». Тот самый случай, когда, отправляясь в центр всех смыслов, можно позволить себе и дерзость отрицать самого Создателя, ибо алкать вечное блаженство — воистину пытка из пыток. Почему наши чаяния должны быть устремлены к бесконечному поглощению амброзии, круассанов или портвейна в райских кушачах? Растворяясь в боли наслаждения, душа теряет смысл своего движения к какой-либо цели. Она останавливается и растворяется во вне, ещё немного и её уже нет. Тогда зачем она была?

.....
Для Слепого нет ничего дерзновенного. С пиитственным трепетом он отворяет уста, лишь говоря о Женщине. Всё прочее для него — декорация к мужскому тщеславию, хитроумно таскающемуся по земле в поисках смысла, а чаще просто пасущему свиней или сосущему кальян в дешёвом борделе.

.....
Наука идёт вперёд, и огнедышащие глубины Земли и недр Солнца, на поверку, могут оказаться одним и тем же местом. Так же Рай и Ад могут быть одним и тем же воздаянием за непонятые заслуги и прегрешения.

Боль и наслаждение мало чем отличаются друг от друга, когда дело касается Любви. Не стремлением ли к ней зажгли огонь в нашей крови боги Олимпа, а затем и сам Искушитель?

.....
В страсти мы ближе всего подходим к небытию. В страсти мы теряем способность отличать добро от зла, не видим грань между жизнью и смертью, дух наш переходит в состояние Любви, и ничего ему уже не нужно!

Не за смертный ли грех вкушения от Древа познания добра и зла Он изгнал нас из Рая? Что же именно вкусили мы? Если, возлюбив, мы открыли Духу путь к свету и познали жизнь и смерть как единую сущность — в чём наше преступление? Гранью меж ними есть Любовь. Есть Она — и дарован нам миг един блаженства, нет её — и терпим муку вечную без неё.

.....
У мужчины не такой уж большой выбор — *познавать, создавать или разрушать* миры. Одиссей, будучи чересчур хитроумным царём своего мира, пошёл познавать иные. *Познав* Трою, он её разрушил и оказался в странном положении пошедшего по всем путям. Познавание и разрушение — суть едины. Не в этом ли смысле *кто умножает познание, тот умножает скорбь*? Испив горькую чашу познания до дна, Одиссей дошёл до логического абсурда этого процесса — пришёл *познать* собственную жену, но обрёл лишь разрушенный мир своей юности.

.....
Аллегорически мир можно воспринимать как *женское*, по которому бродит мужчина подобно открывателю земель. Блуждая

в лабиринтах жизни, он может заблудиться, так и не поняв своей роли, не найдя цели.

Очевидно, и вся материя есть *женское*, она царит и безмолвствует, молчаливо требует и покорно ждёт.

Дух, парящий над *женским* — *мужское*, он вызывает и мятётся, вопрошает и пророчествует, творит и разрушает.

Женщине нужно чувствовать на себе твердую руку мужчины. Пусть это будет один мужчина, но ежедневно. Мужчине нужно держать в руках мягкую плоть женщины. Пусть не ежедневно, но это должно быть процессом познания (завоевания) или хотя бы творения (разрушения). Как вывод — это должны быть *женщины*.

В свою очередь, женщине, как основе бытия, благоволит сам Творец, ибо она не даёт миру рассыпаться на части, мужчине же благоволит — сам Разрушитель, ибо он, познавая и завоёвывая, разрушает Божий мир. В мужчине реализуется тайный замысел Дьявола править миром, в женщине торжествует явный замысел Бога гармонизовать его.

Женщина привыкла к меновому характеру любви, хотя в этом не виновата. Ею движет непреодолимая тяга к материнству, и свою любовь она меняет на защиту своего чада от угроз мира. Ей, как и земле, всё равно, кто станет землелепцем, лишь бы не прозябала она невозделанной.

Мужчина восстаёт против менового характера любви. Отправляясь на поиски новых миров, он всего лишь пытается вернуть к жизни горнее блаженство безусловной материнской любви, любви ни за что, любви как единого смысла мира. Обретая такую любовь, мужчина вкушает от Древа познания, жизнь и смерть теряют для него различие, он готов к великим подвигам и безумствам.

Получив счёт за любовь, предъявленный женщиной, его охватывает великая Скорбь, и жажда Безмерного вновь толкает его в путь. Завоевав новую женщину, он вновь испытывает иллюзорное чувство, что он, наконец, вернулся в Итаку, где любовь повсюду, она словно разлита по самому воздуху родного дома, его мира, где он царь, а не Скиталец.

Что же на самом деле является *миром мужчины*, в котором он царь всего? А Пенелопа — разве она не есть его мир, зачем же ему другие? Ступив на путь познания, он уже не в силах остановиться, ему надо познавать снова и снова, уходя всё дальше от первоначальной цели. Переходя от одной женщины к другой, мужчина открывает и открывает новые миры, не являясь царём ни одного.

Круг почти замкнулся: не умея создавать, мужчина начинает разрушать. Либо мы на стороне Бога и творим, либо мы на стороне Дьявола и разрушаем. И в том, и в другом случае мы остаёмся созданными по *образу и подобию Его*.

Мама, причём *Русская* — самое место для метафизических измышлений. Меотийское болото странно притихло. Не оглашал

НАШ ГОРОД

В краю, где почти не бывает зимы,
Стоит горделиво Грифон.
В душе он романтик, и так же, как мы,
В столицу Боспора влюблён.
Он слушает песни зелёной волны.
И радуют город родной
Азовское море с одной стороны
И Чёрное море с другой.

Всё так же красив над проливом рассвет,
Как многие годы до нас.
А городу скоро три тысячи лет,
Но как же он молод сейчас!
И тайны столетий, и мудрости суть
Отсюда яснее видны.
И ниточкой тянется Шёлковый путь
К нему из седой старины.

Курганы и скалы, холмов череду
И тополь под нашим окном,
И гальки тепло на морском берегу
Мы родиной милой зовём.
Наш город, которому сердцем верны,
Такой бесконечно родной.
Азовское море с одной стороны
И Чёрное море с другой.

НЕ ОПОЗДАЙ

Поздно бывает в любви признаваться
К тем, кого нет.
В рамочке чёрной на белом пространстве
Папин портрет.

Кажется в детстве, что мир наш без края, —
Есть где-то край.
Делай добро, пока мама живая,
Не опоздай.

Надо сейчас, посреди беспредела,
Сердцем гореть.
Мир поддержать своим словом и делом
Надо успеть.

Быть или не быть — на вопрос нет ответа, —
Сам ты решаешь.
Жизнь полюбить всей душой, беззаветно,
Не опоздай!

КУЛЬТУРА

Откуда начинается культура?
Не с дальней, «заграничной», стороны,
Когда из потрясающего тура
Вернёмся мы, восторгами полны.
Её истоки дома, очень близко.
Культура, по признанию мудреца,

Лариса Алексеева

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

О, святая душа, петербургская матушка Ксения,
Я тебе горячо, как страдальце русской, молюсь.
До земли поклонюсь, упаду пред тобой на колени я,
Чтоб Господь сохранил и помиловал матушку Русь.
...Вся от снега бела, засыпает под вечер околица,
К ночи стужа сильней, ни дорог, ни следов, ни огня.
Петербург за спиной, в чистом поле стоит богомолица,
Просит Бога душа о спасенье страны и меня.
Всё, что было, раздать и принять то юродство без робости,
Ты одна лишь смогла, слабый духом бы так не посмел.
Подвиг веры такой и смиренья святого, и кротости,
И духовная мощь — это самых великих удел.
Ни двора у тебя, ни угла и судьба неизвестная.
Ты последней была, и последний кусок на столе.
А теперь для тебя — всё великое Царство Небесное:
Там твой дом и покой, что не видела ты на земле.
Крепость духа пошли, чтоб пришли мы к финалу победному, —
Со свечой постою и тихонько к иконе прижмусь, —
А молитву мою отнеси ты Отцу Милосердному —
За родную до слёз и великую матушку Русь.

МОЙ РОДНОЙ

Светлой памяти Виталия

Отпускаю тебя с любовью,
Поднимайся душою выше.
И прости, если было больно,
Если что-то неладно вышло.
Сжались годы в одно мгновенье,
Всё, что было, не повторится.
В новой жизни твоё рожденье
Пусть под нашей звездой случится.
На двоих у нас будет вечность,
Не горюй обо мне, не надо.
Ты моя бесконечная нежность
И моя неземная отрада.
О любовь, наше вечное чудо,
Смесь великого счастья с болью!
Мой родной, я тебя не забуду.
Отпускаю тебя с любовью...

ли Скиталец сии гнетущие душу просторы воплем о *Едином миге*?
Может, здесь я дочитаю, наконец, Великую книгу?

Душно-то как, Господи! Неужели по всей земле так?

Морской бриз качает тугую сиреневую кисть винограда прямо над моей головой. Всё плывет в тяжком мареве дневного пекла. А есть ещё и ночное... Избави меня Боже знать все те чудные места, что приготовил Он для бунтарей и мечтателей!

Чего же хочу я, выискивающий смыслов во всём, что попадаете под руку? По большому счёту, хочу всего лишь дочитать Книгу, что-то никак она мне не даётся. Потом, наверное, захочу ведро водки выалкать, потом — сорвать все фиалки и кому-нибудь подарить. Хочу увидеть, чем кончится весь этот Балаган. Хочу мышью подавиться.

.....
Когда жажда безмерного заводит в дали, где теряется сама душа, некто вдруг спохватывается, что жизнь ему уже неинтересна. Лишь немногим счастливым удаётся понять, что надо бы вернуться к теплу женской руки, покинутой ради бессмысленных скитаний по земле. Уйдя от Пенелопы, Одиссей отправился на её поиски. Вот уж *хитроумнее* не придумаешь!

В итоге он готов произнести слова, которые надо бы знать всем алчущим бессмертия: «Один миг с Любимой я не променяю на Вечность без неё!»

За эту простую истину Одиссей заплатил высокую цену — целую жизнь. Заплатил, очевидно, и за нас тоже. Иначе, зачем было Гомеру тратить столько сил на эти чарующие гекзаметры!

Так, всё-таки, почему сказки понадобилось писать гекзаметром?

Потому что, во-первых, это не сказка, а во-вторых, не гекзаметр. Это семнадцатистопное восшествие во Ад и семнадцатисложное же обретение Единого мига любви без всякой надежды на жизнь вечную. Это крестообразный символ Божественной любви. Тут бытие свернулось в точку, как когда-то из неё развернулся весь видимый универсум.

.....
В реальной жизни Пенелоп зовут как-то иначе, они сварливы, раздражены несбывшимися мечтами и замкнуты в тесных клетях своих кухонь. Да и Одиссеи *хитроумят* всё как-то помелкому — то напьются до беспамятства, то дратья лезут. Вернуться заблудившемуся в мирах мужчине можно к кому угодно, только не к той, *один миг с которой дороже вечности без неё*.

Прозывая всю жизнь напролёт в тенетах собственной души, только избранные находят слова этой великой теоремы, доказываемой каждый день сводками кровавых безумств, совершаемых якобы ради *Неё*.

.....
Перед концом скитаний Одиссей, очевидно, понимает, что есть только один грех перед богами — губить живое. Также есть всего одно преступление перед людьми — лишать ближних своей любви. В этом смысле он, Великий Скиталец — Великий же и Грешник. Хотя его раскаяние уже ничего не может изменить, ибо

это из тех грехов, что прощенья не имеют и в Рай не пускают. Всё даром, всё безвозвратно.

Жизнь прожита — в бесплодных скитаниях одного и томительном ожидании другой. Были ли они счастливы хотя бы в этот последний миг своей жизни?

А разве для счастья приходят люди на эту землю?

Великая книга прочитана до конца, водка выалкана до дна, фиалки пожухли, никому не нужные; всё бы ничего, только Балаган никак не кончается, и мышь хочет жить, упирается и в рот не лезет.

Кисть винограда качается на ветру, налитая солнцем и морским бризом.

Почему не качаюсь я рядом с ней?

Мама Русская 17—26.08.2006

ПРОЗРЕНИЕ

Е. Маловой

Теперь лишь
вспомнил я: тогда
сопутствовала нам герань,
тлетворным запахом
и ярко-алым цветом
невидимую проведя
меж нами грань...

ЗАГАДКИ И РАЗГАДКИ

Душа неусыпно бдит
у изголовья тела,
не ведающего,
где оно и для чего.

(Жизнь)

Душа томится мукой плоти
и ищет вырваться из неё
вязкими струями желаний
по клинкам строк.

(Любовь)

Душа летит по небу
и ищет своих родственниц.

(Смерть)

ОТВЕТ НА ПОХВАЛУ

Л. П.

Коль скоро
союз меж нами
заключён давно
телесный и духовный,
скажу, слова
из сердца вынимая:

Где каждый миг подобен сотням лет
И где мгновению подобны годы.

Хочу домой — туда, откуда я
Пришёл на землю беспощадно злою.
Мне дороги родимые края,
И лишь воспоминаньями живу я.

Хочу домой. Пришелец, всем чужой,
И презиравший планету эту,

Как часто я с пронзительной тоской
Смотрю туда, где звёзды и кометы!

Хочу домой. Но почему, Отец
Небесный не внимает просьбам сына —
Блуждающего в тайниках сердец,
Бездомного поэта Константина?

О, мой Создатель! Я люблю
Тебя, Великого, Святого.
Ты — житнетворческое Слово,
Что изменило жизнь мою.
Когда через мои уста
Ты говоришь о силе веры,
Меня бояться лицемеры,
Как бесы — Господа Христа.
Я счастлив, ибо Бог богов
Мне дарит силы для полётов.
И, славя звёздные высоты,
Я жертвовать собой готов.

И мы видим, что навстречу
К нам летит, в полупрозрачных
Белоснежных одеяньях,
Полудемон, полуангел,
Полубогочеловек.

А в руках он держит книгу,
И написано в той книге,
Как в алмазной колеснице
Мы летим навстречу солнцу,
Утопая в океане
Ослепляющего света.
А под нашими ногами,
Как сверкающая скатерть,
Простираются миры.

Людмиле Храмковой

Моё сердце томится
По святым небесам.
Я — бескрылая птица.
Я — разрушенный храм.
Если вырастут крылья,
Я взлечу в вышину,
Позабуду бессилье,
Дух свободы вдохну.
Моя дерзкая песня
Превратится в кристалл.
Я забуду о мести,
Полюбив пьедестал.
И засветится слово,
Сотворённое мной.
И увижу я снова
Храм любви неземной.
Моё сердце томится
По вершинам вершин.
Я — бескрылая птица.
Я — разбитый кувшин.

Галине Дмитриковой

*«И чем более я размышляю,
тем более две вещи наполняют
душу мою всё новым удивлением
и нарастающим благоговением:
звёздное небо надо мной
и нравственный закон во мне».*

Иммануил Кант.

Хочу домой — туда, где сонмы звёзд,
Планеты и хвостатые кометы,
Где смысл жизни первозданно прост,
Где прославляют Космос сгустки Света.
Хочу домой — туда, где горя нет,
Где всё — Любовь, блаженство и свобода,

не так уж много
среди сонма душ
есть тех, которым зреть дано
не внешности обман,
но скрытого внутри значение.
Не это ль наше на земле
предназначение?

РОДИНА

В краю зеркал озёрных
я побывал впервые.
Я думал:
здесь сердце отдохнёт
и утолит печаль свою,
пустыней духа
изнурённое на юге.
Надежды
тщетны оказались —
в земле лесов прарусских
убожество повсюду
взгляд встречал.
Ни тишь небес,
ни птицы плач,
ни лопухов поля,
ни гул сосредоточенный
лохматого шмеля
отвлечь от грустных
размышлений
не могли меня.
О, Русь печальная моя,
доколь...

ПОПРАВКИ К БИОГРАФИИ

(Читателям сборника «Жить и умирать»)

Ткаченко — это фамилия моего отца,
верой и правдой полвека служившего Родине,
за что удостоенного пьянкой на триста персон
и красной жестяной звезды на могиле,
своей же фамилии я пока не знаю.

Я живу и здравствую, чего и вам желаю,
и вообще складывается впечатление, что
жить мне долго среди этого Балагана, так что
в 2005 году я не умирал.

Похоже, жизнь взяла меня на содержание,
как буйнопомешанного, отбывающего срок
в печальном заведении, поэтому
живу я только в вымыслах.

Из книжки «Клиническая жизнь»

Неологизмы и наблюдизмы

В клинической смерти о тебе заботятся врачи, в клинической жизни ты должен о себе позаботиться сам.

Почему не я создал мир! По крайней мере, было бы с кого спросить за весь этот абсурд.

Формула счастья проста — тело послушно, совесть чиста.

В секреты, друг, не посвящай друзей, чтоб не услышать их в программе новостей.

Чтобы быть человеком, надо сначала стать людьми.

Лежачих не бьют, бьют тех, кто пытается встать.

В жизни нет ничего смертельного, кроме летального исхода.

Шагать в ногу со временем не каждому по плечу.

Умение слушать — это почти умение говорить.

Случайность как женщина: достаётся тем, кто её добивается.

Как правило, удары судьбы настигают тех, кто падает сам.

Плохая жизнь всегда лучше хорошего некролога.

Родившись в рубашке, не пеняй на отсутствие штанов.

С Голгофой одни проблемы: одни думают, как бы крест донести, другие — чем бы разговестись.

Все люди братья, только одни Авели, другие Каины.

Чтобы не убивать ближних, их просто проглатывают.

Из двух зол выбирай ту, что помоложе.

Широкие натуры на глубину не заплывают.

Закон подлости: «болезни века» всегда совпадают по времени с нашими собственными.

Человеческой трагедии предшествовала Божественная комедия.

Упав духом, можно разбиться насмерть.

Почему-то счастье всегда в единственном числе, а несчастья во множественном.

Сходить с ума тоже надо с умом.

Возлагая на кого-то надежды, не грузи его.

Иногда «лучшая доля» ближе, чем мы думаем. Например, переходя дорогу, оглянись по сторонам.

Честь странная вещь: женщина думает, как бы её потерять, а мужчина — как обрести.

Потеряв совесть, не суетись, а подумай: надо ли тебе её искать.

Утверждать собственное я безопаснее всего на своих четырёх сотках.

Знай меру, не доводи других до истерики своими достоинствами.

Скромность — это чересчур для тупости.

Снисходительность к своим недостаткам редко сочетается с терпимостью к чужим достоинствам.

Раздвоение личности чревато оплатой по двойному счёту.

Потерпев фиаско с игольным ушком, верблюды переходят к замочным скважинам.

Жить — значит убивать.

Сейте разумное в пределах разумного!

В наше время если осталась ещё вера хоть во что-нибудь, так это в дурные предчувствия.

Чтоб злобно попирать ногами твердь,
Всегда бесстрашная людская смерть
Умрёт от страха.

АРТИСТ

Дмитрию Кокалову

«Когда Нарен узнает, кто он,
Он больше не будет жить в теле»
Свами Рамакришна

Как с дерева упавший лист
Уносит вдаль мятежный ветер,
Судьба несёт тебя, артист,
Мечтающий в своей карете.

Ты, всем проблемам вопреки,
Бездумно мчишься за удачей,
Чтоб попросить её руки,
Не унижаясь и не плача.

Но знай, что, переспав с тобой,
Она потом уйдёт к другому.
И ты, измученный тоской,
Погибнешь вдалеке от дома.

Ты понимаешь: жизнь сложна,
И мы не управляем ею.
Твоя судьба предрешена
И ей перечить я не смею.

Твой разум — конь, а вожжи — страсть.
Мне жаль тебя, о, дерзкий гений!

Ты обречён бесславно пасть
В глазах грядущих поколений.
Тебя бесславье не страшит.
Ты выше мнения людского.

Но не тебе принадлежит
Тобою сказанное слово.
Ничем на свете не гордись,
И наслаждайся лишь дорогой.
Ты — увядающая жизнь,
Осенний лист в Ладони Бога.

Галине Дмитриюковой

Мне ночами часто снится,
Как в алмазной колеснице
Мы лети навстречу солнцу,
Утопая в океане
Ослепляющего света,
Созерцая беспредельность
И величие миров.

Мы божественно прекрасны,
Мы не знаем чувства страха.
Нам неведомы преграды,
Нам сопутствует удача,
Вера,
Истина, Любовь.

В полуреальном вещем сне,
Зовут меня туда, откуда
Возврата нет. Где ЕСТЬ — туман —
В нём умирает жажда чуда,
В нём всё — Космический Обман.
Он поглощает чувство страха,
Нейтрализуя страх собой,
И искры жизни в горсти праха
Он обращает. Вечно злой,
Он синтезирует желанья
В безверье и в бездверье. Он
Даёт безвременное знание
Тем, кто в безвременность влюблён.
И, создавая тьму из света,
А также свет из темноты,
Он постоянно видит в этом
Преображенья пустоты.
И в отраженьях зазеркалья,
В неискривлённых зеркалах,
Он радость обвенчал с печалью,
Молчанье выразил в словах.
Всю полноту противоречий
В себе, Едином, совместил
И, полный безграничных сил,
Стал нереальным (словно встреча
Двух мёртвых, вставших из могил),
Чтоб тленье покорить навеки
Нетленному — и оправдать
Ошибку Бога. И опять
Стать фразой на устах Сенеки
И птицей глиняной в руках
Святого юноши Иисуса,
И тайной в старческих глазах,
И медитацией индуса,
Нашедшего беззвучный звук
В самом себе, свой разум гибкий
Освободив от тяжких мук,
Играя на распятой скрипке
Симфонию иных миров
О первозданном первосмысле,
Сверхсовершенной супержизни,
Лежащей за пределом слов
И неподвластной силе мысли.
Не смейся, Маха Кали, надо мной.
Мне тяжело. Я — несчастный и больной».
И Кали, нежно на меня смотря,
Сожжёт своим неотвратимым взглядом
Моё измученное тело для
Спасенья Духа от мучений ада.
И пепел тела моего развеет ветер
По верящей в иллюзии планете.
А в день, когда восстану я из праха,

Жизнь — достаточная компенсация за смерть.
Здоровое начало всегда живёт в человеке, пока не умрёт.
Лучше робко идти неведомо куда, чем бодро стоять на верном
пути.
Громко звучат только тихие голоса.
Чем больше ума, тем меньше гениальности.
Чтобы прославиться умом, надо не сильно умничать.
Жить и не любить всё равно, что выпить и не закусить.
Алчность частенько принимает форму любви.
Люди как кегли — их поднимаешь, а они снова падают.
Преступление — это и есть наказание.
Говоря — мир ужасен, мы делаем его ещё ужасней.
Есть два условия истинного счастья — чистая совесть и чистый
кишечник.

Пётр Котельников

Керчь в огне

отрывок

Наша семья, состоящая из женщин и детей, решила перебраться на период бомбёжек в село Чурбаш, где проживала семья младшего брата моего отца. Взяли самое необходимое, что могли нести и пошли. Дороги прямой не знали, поэтому пошли в обход Чурбашского озера. Кстати, самый нерациональный. Длина пути составила 18 км, вместо двенадцати. Дяди Ивана не было, он был призван в Красную армию. Оставалась его жена Мария и две дочери. Радости великой при встрече не было, но приняли нас вполне доброжелательно. Здесь было тихо, ни одного взрыва, и мы немного оттаяли. Звуки немецких бомбардировок долетали до села в виде отдаленных раскатов грома, и только в дневное время суток.

Погода стояла великолепная: сухие тёплые, почти летние дни. О приближении холодов свидетельствовали только густые туманы по утрам, с серебристой, такой же густой, росой. Пришла пора подумать о зимней одежде. Решено было взрослым (матери и ее сестре) сделать несколько ходок в Керчь и взять кое-что из оставшихся там вещей, главным образом одежды. Я упросил мать взять меня с собой. Мне было почти 12 лет, и хотя не отличался плотностью сложения, но не был рыхлым. Они согласились.

Вышли из села с таким расчётом, чтобы войти в город в начале седьмого часа вечера, когда бомбёжки немцы прекращают; переночевать в своей городской квартире, а раненько, поутру, до начала авианалётов, убраться из города. О том, чтобы одолеть за один раз 35 км, без сна, непривыкшим к длительной ходьбе горожанкам и думать не приходилось.

Поначалу всё складывалось так, как мы и планировали. В город мы вошли, когда ещё было относительно светло. В квартире все сохранилось. Соседи присматривали за квартирой. О мародерах мы тогда и понятия не имели. Сосед даже забивал окна нашей квартиры фанерой после каждого налета. Мать и тетушка жаловались на усталость и боль в ногах. Я, привыкший к беготне, усталости почти не чувствовал. Смеркалось. Мать и тетушка торопились, связывая всё необходимое в узлы. Мой узел был нисколько не меньше, чем у взрослых, я сам на этом настаивал. Чтобы легче было нести груз, создали подобие рюкзаков из наволочек, картофелин, положенных в их углы и веревок. Расположились на ночлег, но поспать не удалось. Немцы на этот раз нарушили свой график, совершив налёт ночью. Невообразимый грохот, пошатывание стен дома, заставили нас

Он плакал, ощущая пустоту,
Бессмысленность и тлен существования
И, подойдя к Высокому Кресту,
Всевышнего винил в своих страданиях.
Земля воспламенилась. И Творец,
Раздвинув створки неба, крикнул людям:
«Спасенья нет. Начало и конец —
Вот всё, что вечно было, есть и будет!».
На кладбище надежд, романов, вер
И самых замечательных фантазий
Погиб самовлюблённый лицемер,
Ища на этом кладбище оазис.
И солнце навсегда погасло.

III
Блуждая в недрах памяти своей
По замкнутому кругу, размышляю
О судьбах Богом проклятых людей —
Людей, навеки изгнанных из рая.

Мой путь нелёгок, но когда-нибудь
В себе я тайну жизни обнаружу
И Кто-то, указав мне Новый Путь,
Простит мою измученную душу.
Я, с высоты в минувшее смотря,
Пойму, что ад придуман только нами...
Моя любовь — не жертва алтаря.
Она, — навеки, — жертвенное пламя.

МАХА КАЛИ¹

Неутомимым искателям истины посвящаю

Когда в моё истрадавшееся сердце
Безжалостно вонзаются
Раскалённые иглы надчеловеческой скорби,
И я кристально-ясно сознаю
Всю безысходность своего положения
И отчаянно рыдаю,
Подобно пророку Иеремии —
Мне, сквозь невидимую завесу,
Отделяющую относительное от абсолютного,
Слышно, как

Смеётся Маха Кали надо мной
Безжалостно, спокойно, справедливо.
Но как всегда, я выбираю бой.
Мне нужно вскоре умереть красиво,
Чтоб честь своих богов не запятнать,
Чтоб обессмертить данное мне имя
И, покидая злобный мир, сказать:
«Я вижу множество дрожащих линий.
Они сплетаются, как змеи.
Они стекают по спине.
Они, как тёмные аллеи

¹ Маха Кали — в индуизме Божественная мать, богиня смерти.

Константин Артёмин

ТРИПТИХ О СМЕРТИ И ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

I

*Памяти моего отца, Анатолия Артёмина
(искреннего ценителя и жестокого критика
моих стихотворений)*

Спасибо тебе, папа,
за всё, что ты для меня сделал.
Покойся с миром.
Я люблю тебя.
Когда наш близкий покидает нас
Навеки, лента образов маячит
Перед глазами... Ты ушёл в свой час,
Но почему не смог уйти иначе?
Как хочется обнять тебя, отец,
И прочитать тебе стихотворенье
О том, что твой трагический конец —
Лишь страшный сон, мираж воображенья.
Бессильно жаждет разум обмануть
Себя — разоблачителя иллюзий...
Зачем закончился твой трудный путь,
Мой папа, мой советник и союзник?
Я буду по тебе скучать.
Скорбеть.
Любить.
Осознавать
И ждать твоего возвращенья
На землю, отвергнув сомненья.
Господи!
Благослови душу усопшего раба твоего
Анатолия.
Аминь.

II

*Своей греховной светлости
С эгоцентричной любовью посвящаю*

Палило солнце, возвышаясь над
Иллюзиями, что не стали былью...
В земле захоронённый маскарад
Покрылся пеплом, мусором и пылью.
По кладбищу надежд, романов, вер
И самых замечательных фантазий
Бродил самовлюблённый лицемер,
Ища на этом кладбище оазис.

искать убежища в подвале. Подвал под домом, где мы проживали, был завален различным хламом. Там повернуться было негде, поэтому укрылись в подвале дома напротив. Не успели успокоиться после налёта, как последовал второй, третий, каждый с интервалом в полчаса. Решили не искушать судьбу и убраться до наступления рассвета, резонно полагая, что интенсивность бомбардировок с приходом дня, усилятся. Используя один из интервалов между бомбардировками, взвалив на плечи свои узлы, мы поспешили из города. Уже, двигаясь по шоссе и приближаясь к Солдатской слободке, слышали за спиной потрясающие взрывы и видели всполохи пламени... Более попыток проникнуть в город, до немецкого вторжения, не делали, — довлел над нами страх...

Война имеет лицо и свой характер. Он у неё всегда отвратительный, полный безумной безысходности и страданий. И ничем, никакими расчётами, нельзя оправдать гибель людей, созданных для мирной, созидательной жизни.

Я никогда не завидовал американцам, смотрящим в кино всякий бред о войне. Культ насилия не приближает к царству небесному, о котором они так часто говорят благоговейными голосами, и не приучает к состраданию. Я не оправдываю советского кино полностью, поскольку лжи в нём было предостаточно. Но, правды ради, отмечу — батальные сцены в наших фильмах всегда проецировались на нашу, родимую землю, а не чужую. Ни в одном фильме не сражался русский солдат за неправомерное дело, на чужой территории. Воспитанные на наших, отечественных фильмах, мы, дети, не представляли, насколько страшна и беспощадна реальная война. Не знали её и наши отцы с дедами. О том, что нам придётся испытать, человечество ещё понятия не имело...

Война в Советской России — не война во Франции или Бельгии. Смерти были и там, но объём не тот!

Находясь в деревне, первые дни мы жили воспоминанием ужасов, испытанных нами. Они ассоциировались с оглушительными, рвущими барабанные перепонки, взрывами. Я видел расстрелянное немцами с воздуха стадо овец. Но я не видел ещё разорванных, истекающих кровью человеческих тел. Всё это ещё предстояло увидеть. В Чурбаше было невероятно тихо, в сравнении с нашим, относительно спокойным, городом. Летняя страда осталась позади, взрослые мужчины на войне. В деревне женщины, дети и небольшое количество мужчин, слишком старых, чтобы держать в руках оружие. Мычание коров, повизгивание поросят, да крики петухов — вот те звуки, которые царили тогда в деревне. Она не знала автомашин, а тракторы и комбайны ей не принадлежали.

Председатель колхоза взял нас, прибывших из города, на довольствие. По резко сниженным ценам выписывались молоко, картофель, хлеб и говядина. Составлялись квитанции, деньги приходовались в колхозную кассу, всё, как было положено делать в мирные времена. Репродукторы были у немногих, да и те давно молчали. Никакой информации о происходящем в стране. Но, по всему чувствовалось, что события разворачиваются не в нужном для нас направлении.

Немец продолжал двигаться. О том, что он уже недалеко, мы узнали тогда, когда все поля вокруг села заполнили стада овец. О

такой массе животных я никогда не слышал. Порядок в стадах наводили самцы. Людей около овец не было видно. Исчез куда-то и наш председатель колхоза. Двери амбаров, зернохранилищ широко распахнулись, и оттуда тянули все, что только было можно, к себе по домам. Заразились этим и мы, хотя, по сути, были бездомными, не имели прав на колхозный пай. В пищевом рации нашем превалировали теперь баранина и шампиньоны. Грибов, буквально на каждом шагу, было видимо-невидимо. Полчаса и ведро полно ими до краёв. А овец ловил и приводил я. Ловить овец в стаде бессмысленно, она от самца никуда не пойдёт. Поэтому я выбирал барана. Одной рукой хватал его за рога, второй за хвост. Рогами пользовался, как рулем. А движением хвоста, сзади-наперёд, заставлял двигаться, когда он упрямился, не желая переставлять ноги. Несколько овец сами покорно шли вслед за нами.

Прошёл в тоскливом ожидании неприятностей и праздник 7 ноября 1941 года. Был он таким же будничным, как и все остальные. Еще пять дней...

Солнечный день, на небе ни облачка. В деревне, по привычке, встают рано, хотя практически больших дел нет. Нас, детей, усадили за стол завтракать. Завтрак состоял из большого ломтя пшеничного хлеба и молока. Два кувшина с молоком стояли на столе, мы самим разливали его по кружкам. Прервал завтрак близкий разрыв снаряда. Потом ещё один, и ещё. Стали слышны и звуки стреляющих орудий, глухие и отдаленные. В селе войск не было, а обстрел продолжался.

Никаких защитных сооружений, где можно было бы спрятаться, не было. Оставался крайне ненадёжный колхозный погреб. Сейчас в нём находилась разлагающаяся капуста, которой его заполнили, не перерабатывая. Боже, какой же у неё зловонный запах!.. Но страх перед смертью заставил нас спуститься туда. Стояли по колено в разлагающейся массе, вдыхая отвратительный запах. Правда, несколько человек, остались стоять возле входа. Вскоре к ним присоединился и я.

К юго-западу от Чурбаша имеется пологая возвышенность. Цепочка людей спускалась по ней. Фигурки были небольших размеров, но при ярком солнечном свете, на фоне светло-коричневой местности, отчетливо был виден зеленый цвет их мундиров. Наша милиция тогда надевала зеленую форму. Поэтому я воскликнул: «Гляньте, идёт милиция!» Старик, стоящий рядом со мной, сказал с глубоким вздохом: «Немцы это, а не милиция!» Меня охватил панический страх. Страх был, пожалуй, сильнее всего, что я испытывал до этого. Мною были забыты и взрывы, и бомбы, и снаряды.

Наши средства массовой информации уже с первых дней войны сообщали о многочисленных фактах зверств оккупантов. Подробности о них леденили кровь. Я ожидал чудовищной расправы над нами. Забыв обо всем, помчался «домой». Страх заставлял искать убежища, но его не было, и не могло быть. От безысходности, я присел на корточки у края кухонного стола. Глаза мои были устремлены к дверному проёму, ведущему в комнату. Однако перед этим я успел окинуть всё «жизненное» пространство. Все наши жались к стенам. И только одна мать

хочу
поставить я,
чтоб мерцала мне в загробье
вечно.
О,
кордоны,
шрамы рубежей
на земле
и на душе моей —
я и вам
хочу
поставить свечку!
А пока
стучит мой пульс —
как смертоносных змей —
границ боюсь.
И в моём сердце
страхи гнёзда вьют,
ядовитые,
как ртуть.

Убьёт
 мою любовь
змея-граница —
и в сердце
 загнётся
чёрной птицей
боль.
Я не кочевник,
 и живу осёдло.
И, может, потому, о, Бог,
я размотал
 границ клубок
и отмежевываясь
от соседа.
Хитрости
 плетень
опутал простоту,
выставив свои дозоры.
Свет
 кордонит темноту,
а долины —
 горы.
...Ах!
 лишился золотого я
наследства,
что осталось
 за границей детства,
и шагнул
из радужного царства
в царство
 под названием
«Суета»,
где за жирною чертой
 богатства
копошится
нищета.
В неволе
 потому ль рыдает
за рубежом свободы
звон кандалный?
Там трусость
 провела границу
мелом
и никак
 не переступит
в смелость.
А я —
 не трус,
но умереть за зря
боюсь.
И,
 подойдя к черте небытия,
сам себе
 свечу

стояла посреди комнаты, обратившись лицом к двери. Через короткий промежуток времени, в проёме двери показалась фигура немецкого солдата, первого, которого я видел. Он был совсем рядом. На обнаженной груди его находился автомат, рука плотно сжимала рукоять его. Был он молод, светловолос, коренаст и плотен.

Немец сказал: «Рус зольдат?»

Мать ответила, разводя руки в сторону: «Нема!»

Впрочем, он и сам мог в этом убедиться: комната слишком мала, чтобы в ней не видеть всего, что находилось. Ни одной мужской фигуры. Немец быстрым взглядом окинул стол. Увидев на столе молоко, одним движением ладони сгрёб куски хлеба на столе, и стал, почти не разжевывая, есть его, запивая молоком. Вверх-вниз задвигался кадык. По голой груди и животу полились тоненькие струйки пролитого молока. Поставив на стол кувшин, немец бегом выбрался наружу. Мы, ещё не пришедшие в себя, молчали.

Прошло два дня. Ни немцев, ни наших. Жизнь такая же, как до прихода их. Но... К вечеру второго дня в село прибыли немцы, в сопровождении огромного обоза.

Первыми, кого коснулся их приход, были гуси. Через пару часов по всему селу нельзя было найти ни одного живого гуся. Но повсюду слышался запах жареной гусятины.

В нашей комнате тоже появились немцы на постой. Нет, они нас не выгнали наружу, они отправили нас всех в угол комнаты на пол. Кровати, стол, кухонные принадлежности остались в их распоряжении. Жарили они гусей сами. Ели поспешно, как много дней голодавшие, запихивая куски жирной гусятины. Хлеба не употребляли. И результат: вся окрестность дома была в следах жидких экскрементов. То ли они боялись партизан, то ли считали не достойными для себя русские люфтваффе. Стеснительности абсолютно никакой. Оправлялись, открыто, спустив брюки и присев на широкой деревенской улице, не таясь от глаз населения. Не единичными стали случаи изнасилования девушек. Я об этом слышал от взрослых, но информация давалась скудно, как и всё, что имело хоть какое-то отношение к интимной жизни людей.

Жители села в одно мгновение утратили все человеческие права. Защищать свое имущество, честь и достоинство, да и саму жизнь, они уже не могли. Разом отрезвели и те, кто был недоволен советской властью и кто с надеждой ожидал прихода немцев. Немецкий мундир стал символом опасности для каждого из нас, хотя он мог быть напялен на человека иной национальности, чем теuton. Эту разницу мы уловили благодаря одному случаю. Вблизи дома, в поле, да вездe, наконец, валялось множество оружия. Как-то, здорово насытившись, немцы уселись играть в карты. Вдруг у входа в комнату показался мой младший брат. Ему только-только исполнилось 9 лет. Под мышкой у него была советская самозарядная винтовка, он шатался под ее тяжестью и выкрикивал тонким, напряжённым голосом:

«За родину, за Сталина, бей немецких оккупантов!»

У меня, признаюсь, защемило сердце, и озноб пробежал по спине. Лицо матери стало бледнее снега. Но пронесло... Один из немцев, унтер-офицер, что-то сказал своим, и все хором

оглушительно захохотали. Мать взяла нашего «воина» за руку, вывела из дома и всыпала ему

Потом мы узнали, что унтер-офицер был словак по национальности. Но что он тогда сказал своим, для нас осталось тайной. Счастье наше, что это был не шваб!

Быт немецкого солдата продуман военными чиновниками до мелочей, от сыра в тюбиках, хлеба в «ста одёжках», до свечи в завинчивающейся пластмассовой коробочке, фитиль которой не нужно было освобождать от нагара. Да и к зиме они готовились. На каждом были длинные до колен, серого цвета, тонкие шерстяные нижние рубашки. Вот только всё это не было рассчитано на те холода, которыми отличился конец 1941 года. Внешняя продуманность всего и вся для военных действий, наличие у каждого солдата необходимого сочеталось с невероятной завшивленностью и бестактностью его за обеденным столом.

Нас тяготила невозможность хорошо выкупаться, пусть и в обыкновенной лохани, бочке с водой, наконец. И удивляло, что этой потребности мы не замечали у немцев. После их отъезда, мы долго не могли освободиться от насекомых, которыми нас наградили завоеватели. А ведь раскроет немец свой ранец, с крышкой из телячьей кожи, чего только там нет? Всё тщательно и продуманно упаковано, в строгом порядке уложено. Вот только нет там обычного куска мыла, да густого гребешка.

Ах,
пограничные яды,
вы —
беспощадны!
Когда-то
жестокость
взломала
славянский рубеж
с Востока.

Звеня клинками,
зверинно визжала
и предков моих
на колья
сажала¹.

Дурь
убеждает людей
кулаками,
ум —
словами.
А разве о границах
нельзя договориться?
И где была

дипломатия,
мать её?..
Фашистство,
прорвав
кордон России —
тоже было
жестокое
и сильное.
Но «Катюш»

священные
снаряды
не были пощадны.
И гибли в огне
и люди,

и страны,
и кричали
земные шрамы:
«Разве о границах
нельзя договориться?!»
...Вселенная —
и та

не безгранична:
в границах звёзд вращаясь,
тихо
стынет.
И жизнь людская,
даже очень личная,
в кордонном
запуталась
серпантине.

¹ Автор имеет в виду татаро-монгольское иго.

В клубок сплелись,
 как змеи,
 мои нервы,
 чтоб обезглавить ядом
 темень-стерву.
 Но нервного клубка
 змеение
 не оживляет зрение,
 и оно,
 умирающее,
 в саван тумана одетое,
 хватается,
 как утопающий,
 за соломинку света.
 И с горечью понимаю
 зряшность и нелепость
 моей души,
 которая,
 прищурясь слепо,
 пытается увидеть краски
 репинских полотен.
 Но мазки
 лишились цветной
 плоти.
 И вот сейчас
 пишу
 стихотворение
 последним своим
 черно-белым
 зрением...

ГРАНИЦА

Читаю страницы
 славянских
 границ я:
 все княжества
 глухо
 кордоном
 закрыты,
 чтоб даже мухе
 иностранной
 не пролететь.
 В секретных дозорах
 змей
 ядовитой,
 глаза не смыкая,
 дежурит
 смерть.
 И кровоточат,
 как раны,
 эти
 земные
 шрамы.

Лилия Олейник

Автобиографическая справка

Родилась 10 августа 1953 года в г. Новый Буг. С 1986 года живу в Керчи. Окончила музыкальное училище по специальности Хоровое дирижирование и вокал в г. Николаеве. Профессиональная певица, руководитель народного хора ветеранов «Память» и вокальной группы «Эвридики» при ДДЮТ.

Стихи пишу с юности. Пишу песни. Люблю литературу и хорошую поэзию. Пишу и прозу.

ЛИЦО

Вечер. На душе пусто и неуютно, как в большой, холодной, тёмной комнате. Поток размышлений уносит куда-то на зыбкой волне... Вязкий ком мыслей, от которых некуда деться, оставшись наедине с самим собой... Перед глазами в этом реальном мире — только окно. Большое, тёмное, асимметричное. Оно то появляется, то исчезает, и мне непонятно — во сне это или наяву.

Глаза устали от ежедневного мелькания лиц, глаз, рук. Пешеходы, машины... Их целые потоки, и ты среди них, как песчинка. Так легко затеряться в толпе и забыть, есть ты или нет. Пустота! Мысли, мысли, мысли... я одна. И вообще — существую я, или нет? Где я? Это просто усталость...

Но что это?!

Сон, галлюцинация, бред? Передо мной — в бесформенном чёрном окне — лицо! Белое, живое, трепетное. Нет! Не может быть! Наваждение... Слишком высоко, и нет балкона... Но лицо живёт, оно совсем близко, к нему даже можно дотянуться. Оно и реальное, и фантастическое. Я отчётливо понимаю, что таких лиц не бывает наяву! Лицо заполняет собой почти весь проём окна. Оно как-то странно меняет своё выражение. Нет, я, наверное, всё же сплю. Странно: глаза открыты, но я не могу пошевелиться. С трудом припоминаю, кого же напоминает мне это лицо? Чьи черты вообразил в себя? Но — тщетно!

В нём загадочность Джоконды и мужественность Сфинкса, хитрость волшебника и добрый, неуловимый юмор. Ну, что же в нём такое, знакомое с детства?! Нахожу в себе силы подняться и подойти к окну. И, увы, моя догадка становится реальностью. Ну, конечно же! Это — змей! Обычный воздушный бумажный змей, который запускали ребятишки во все времена. Он взлетел и зацепился кончиком своего ниточного хвостика за выступ водосточной трубы. Да, конечно же, только неуверенная рука ребёнка могла создать этот шедевр — такой неповторимый, необъяснимый, который нам, взрослым и недоступен, и непонятен.

Вот оно — лицо — такое простое, начертанное обыкновенным угольком на простом листе бумаги! Но как оно непосредственно и живо, как сама детская душа!

И на моей душе потеплело, и захотелось одновременно и улыбнуться, и заплакать оттого, что я живу рядом с чудом, которое можно потрогать. Открою окно — освобожу пленника! Пусть летит и снова дарит детям радость полёта, а взрослых хоть изредка возвращает в детство.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

Ну вот, наконец, и наступил этот долгожданный день! Как хотелось ей быть сегодня самой красивой, самой нежной и желанной, самой сильной и страстной! Он! Он сам хочет её видеть! Он сам придёт к ней. Он, он... Единственный на всей земле!

Она совсем ещё юная, трепетная — как цветок навстречу солнцу — тянется к нему. Как встретить его? Какою предстать перед ним? Мысли путаются, обгоняя одна другую. Дрожащие пальцы то собирают пушистую гриву курчавых волос в тяжёлый узел, то снова распускают их по нежным покатым плечам. Дай сил, Господи! Дай дожить до вечера!

Она понимает и ясно осознаёт, что жилище её убого, одежды — бедны. И не понять ей, что сама она — роскошный цветок среди этой нищеты. Чистый холодный родник подарил её телу свежесть, а лицу — румянец. Нежное южное солнце позолотило её упругую, шелковистую кожу. Если бы она могла знать, что без всяких нарядов и драгоценных украшений — прекрасней создания нет во всей вселенной!

Эй, цветы лесные, полевые, душистые, вдохните в неё аромат степей и долин! Умасти, природа, её тело своими пахучими терпкими соками! Ведь она — истинное твоё дитя. Помоги ей дождаться его, и принять любовь его, и выплеснуть свою. Как прекрасен и неповторим миг ожидания, предчувствия, предвкушения любви! Она ждёт, и ожидание это свято, как свята первая любовь. Она дожждётся его и будет вознаграждена самым мудрым даром природы — любовью.

ВНУКУ

В твоих глазёнках — васильках —
И удивлённых, и наивных —
Как в двух прозрачных ручейках
Струится свет небесный, дивный.
Ты познаёшь весь мир сейчас,
И каждый день, как миг проходит.
С тобой, мой птёныш, каждый час,
Поверь, бесследно не уходит.
Твоя улыбка для меня
Прекрасней, чем у Моны Лизы.
Твоё «агу» на склоне дня
Звучит шекспировской репризой.
Я так люблю тебя, мой внук,
Что задыхаюсь от блаженства!
Твой каждый жест и каждый звук
Таит частичку совершенства!
Дай, обниму тебя скорей!
Прижму к себе кусочек чуда.

ну а Маркс —
капитализм затмил.
Но вернулись мы
к капитализму,
потеряв
полмиллиарда жизней.
...Закружит
душа
над ядом ада,
знать, дела её в загробии
плохи.
Может быть,
она в раю
присядет,
если
не затмят его
мои
грехи.

СЛЕПНУЩИЙ

Л. П. Руденко, исцеляющей зрение.

Я напрягаю
память зрения
до изнеможения.
Но
оно
ушло искать
светлых бликов вязь,
которая
едва лунееет
в карих туннелях
глаз.
Я нащупываю
луносвет
слепою тростью,
и, спотыкаясь,
на ощупь
выхожу на площадь
тусклых моих
надежд,
вздымая руки к Богу:
«О,
зряшны ли мои
незрячие тревоги,
пленившие
мой быт?»
И утешаюсь тем,
что
знаю:
страшней, чем тьма —
слепота ума
и слепота судьбы.

пересчитает ребра
 муж
 иуде,
 растрошит
 хрустальную посуду.
 и в черепки
 он превратит
 свою любовь.

А в солнечных
 семейных отношениях
 навсегда

поселится
 затмение.

Я ж любовь
 в поэмах воспеваю,
 петь стремлюсь,
 как в роще соловьи.

Пушкин с Маяковским
 затмевают
 тоненькие
 книжечки мои.

В интернете
 звёздочным затмением
 промелькнул

мои стихотворения,
 и читатели
 всегда заметят,

что они
 по-пушкински
 не светят.

Но...
 бывают на земле явления —
 человека-

гнусные затмения.

Словно Бог,
 Верша
 свой

Страшный суд,
 новые вожди
 вселюдно распинаясь,
 умерших вождей
 пинают

и помои
 из ушатов
 на них льют,
 и,

яловой
 мыча коровой,
 будоражат весь подлунный мир.
 Так

был Сталин
 залунён
 Хрущёвым,

Волною нежности своей
 Тебя укачивать я буду.
 Расти, мой мальчик, поскорей!
 Пусть обойдут тебя ненастья.
 Наперекор судьбе своей
 Расти на радость и на счастье!

MAME

Тебя уже нет рядом с нами давно,
 А в памяти — ты живая.
 Твой голос и смех, словно в старом кино,
 Так молод и незабываем!

И строгость твоя нам уже не страшна.
 Твоя доброта — дороже.
 И значимость, мама, твою мы сполна
 Сейчас оценить можем.

Ты всю без остатка себя отдала
 Нам — детям твоим и внукам.
 Была терпеливой, упорной была
 В житейских своих науках.

А я — твой последыш — теперь поняла,
 Насколько была виновата.

Какой же упрямой, несносной была

Там — в детстве далёком — когда-то.

Сейчас уже бабушкой стала и я.

Не верится, мама, но всё же

И сущность, и смысл своего бытия

Всерьёз осознала тоже.

Я кланяюсь, мама, тебе до земли

За то, что живу на свете.

Ты в вечность ушла, и в небесной дали

Твой образ и свят и светел!

ПОЭЗИЯ

Юлия Котлер

Автобиографическая справка

Родилась 11 июня 1981 года в г. Новый Буг. С пяти лет живу в Керчи. Окончила общеобразовательную школу № 17, музыкальную школу № 3 по классу вокала и три курса ТНУ им. Вернадского по специальности английская филология.

Стихи пишу с восьми лет. Участвовала во многих конкурсах (лауреат I степени общекрымского поэтического конкурса «Крымский орнамент»). Печаталась в «Лире Боспора», «Polus — Крым», «Истоках», в «Литературном Крыме».

Поэтические пристрастия: Цветаева, Мандельштам, Рембо.

МЕМУАРЫ

Тела и теле-
 Фоны, скопы и кинезы.
 Вес нетто? Двадцать с небольшим.
 А брутто? Брутовы brutальные
 Вторжения.
 Опустошающей наполненности
 Иллюзорность.
 Крестовая резня
 В моих хрупчайших палестинах.
 Полчища.
 Их полчища —
 Несущих смерть и разрушения,
 И тлен...
 Тела и теле-
 Фоны, скопы и кинезы.
 Перемещения, пощёчины, плевки
 И омовения в ортодоксальной микве.
 Пропущенных сквозь шёлковую Брамю
 И превращённых в бремя и ярмо
 Певучим временем,
 Чей вырванный язык
 Как воло колокола
 Сможет закачаться
 Красноречиво в косности немой.
 И варвары разделят шкуру славы,
 Пройдясь копытами
 По гладким письмам.
 И руны рухнут
 Как тела и теле-
 Фоны, скопы и кинезы.
 А я парю, очистившись от скверны.

Я не знаю,
 куда ведёт
 кривая...
 В орбитальном
 находясь плену, —
 то ль луна
 светило закрывает,
 то ль оно
 само
 ныряет за луну.
 Но я знаю:
 люди
 — все —
 лучатся
 и затмеваются
 по-разному
 и чаще.
 То ль плетень
 на них наводит
 тень,
 то ли сами они лезут
 за плетень.
 Вон луна висит
 на звёздном лучике
 и бросает
 тень
 на годы мои лучшие.
 А они,
 как звёздочки, светились,
 а теперь,
 сермяжные,
 затмились.
 Засветился нынче я,
 воруя
 любовь-женщину чужую.
 И,
 от пересудов злых спасаясь,
 словно солнце,
 залуняюсь.
 Женщина,
 постельничая с франтами,
 у которых
 шелестит деньга,
 собирает колокольчики,
 как фантики,
 чтоб повесить
 мужу
 на рога.
 И вдруг тайное
 закололит всюду,
 и,
 смешавши с кулаками
 сердца боль,

Николай Мариин

Как лиса,
подкралась
осень —
царства рыжего
сезон.
По дворам
он лист
разносит
и туманит
горизонт.
Тучи,
ползая по взгорьям,
тоже
стелятся
в подворьях.
В синих высях,
саблей звонкой
рубят
молния
потёмки.
А в кустах,
как пчёлы в сотах,
шебуршат
в тоскливом
танце
капли —
мокрые скитальцы.
Гулкий
гром
за окном,
как живой,
бормочет что-то,
словно сыплет он горох
на булыжники
дорог.

ЗАТМЕНИЯ

Ах,
какое редкое явление —
солнцелунное
затмение!

сыну

Когда ты улыбаешься,
Угадывая как бы невзначай,
Мою улыбку,
Сады необычайные,
По семечку,
По веточке,
В моём поющем сердце
Взрачиваешь.
И вздрагивает,
Оживает каждый лепесток
Глазастых радостных фиалок,
Бархатносердных роз
И пенных маргариток.
И я среди цветов,
Которые цветы
Лишь потому, что они —
Твои улыбки.
И думаю о том,
Что я взращу тебя, как сад.
И каждый подвиг твой,
Твои дела и чувства
Хочу, чтобы цветами были,
Не сорванными первым
Цепким ветром,
А сильными и яркими, как миг,
Как миг, в котором ты — цветок
Навечно.

В холодном платье
Разомкнувшихся объятий
Твоих
Я как в дожде.
Я оповита змеем
Эдемским,
Сладко шепчущим: «Вкуси!»
Я не твоя —
Лишь телом,
Но не сердцем,
Которое с тобой,
Везде, где ты.
Оно свисает гроздью виноградной
Средь гибких лоз,
Свивающих стенами
Змеящимися
Гордый твой шалаш.
В котором рай мой
Радостный, потерянный.
Ты обольёшь меня
Холодным взглядом,

Воздушно сшив мне
Горестное платье
Объятий разомкнувшихся твоих.

МОРЕанетка

Ты — мёд морской, а потому — солёный,
Цветущий безмятежно и зазывно
На перепонках дремлющих цветов.
Тобою я захвачена, как морем
Искусно сшит жемчужный позвоночник
И плавники атласные легки.
Ты мною управляешь беззаботно,
Издалека, как ветер беспощадный.
О, кукольник, свободы не прошу! —
Игрушкой морскою хрупкосветной,
В твоих руках без твоего согласия,
Пропитываюсь мёдом глаз твоих.

Всплываешь, как утопленник прозрачный,
Лучащийся чешуйками подводной,
Солёной и пугающей утробы —
Морской или небесной — суть не в этом.
Всплываешь на волнах цветных, ребристых,
Безумных, ослепляющих, но нежных
Стихов моих. Тебя приносит память.
Я вновь и вновь тебя у моря вижу.
С улыбкой абсолютно сумасшедшей —
Такой, что перед нею Мона Лиза
Покажется беспечною простушкой.
Улыбкою своей меня ты топишь.
И мы уже вдвоём: я — здесь, ты — где-то,
Всплываем, задыхаясь от сомнений.
Но я ещё жива, а ты — лишь память,
Хоть абрис твой до одури телесен.
Утопленник, живой и ежедневный,
Часы, как волны, мне тебя приносят.
Кораллы в волосах твоих терновы.
Я хороню тебя и воскрешаю.

КАРДИООДА

До остановки. Ты не греешь больше.
Зубцы ровны, размерены, ревнивы.
Зовут меня назад к себе. О боже...
Обожествляла проблески наива.
До остановки. Не рисует замки
Кардиограмма нынешней беглянки.
А раньше замки зиждились на Завтра.
Но ты вчера на это и не взглянешь.
До остановки. В прорезях безделья
Я разбираю каждый миг по рёбрам.
И нитка сердца покидает сердце
Лишь для того, чтоб пропитаться кровью.

Какие чувства? — Испокон
К тебе мне трепетно тянуться
И радостно сиять, паря
В подарках милых обнимашек.
С тобою рядом, страсть моя,
С плюмажем в чепчике бумажном
Не эпатажен даже я.
Плачу за каждый твой обним
Вампирной похотью инцеста.
...Хвостатых деток хоронил
Вдоль трасс
Отец своей невесты.
Взлетим под бледною Луной,
Кого-то выберем для пира.
И в обнимашке ледяной
Мы обратим его в вампиры.

Василий Нестеренко

Весна открыла порносайт
А мне — опять одна засада:
С тобой одной связаться надо
Но ты одна не влюблена
 Сирень с мозгами набекрень:
 ВЛЮБИСЬ СКОРЕЙ
Всё думал о тебе с утра
В ночь Интернет перелопатил
Какой там к чёрту порносайт
К тебе портал через астрал
Засада!
И ни короткого звонка
Ты от весны так далека
 И Млечный Путь как та сирень
 Сквозь ночь пытается связать
 (но что? — с мозгами набекрень...)
 Уже весна! Влюбись скорей!
...Опять врубили порносайт!

А я прикинусь воробьём
И спрячусь в запахе осеннем
Чтоб огоршить окоём
Окружи песенкой весенней
 Плевать что скажет ректорат
 Из каплуновского сословья
 Им аппетита для здоровья
А мне — весенняя пора
Не для очей очарованья
Собьются стайкой воробьи
А мне — предчувствие любви
Когда и дома как в изгнанье
Прикидываясь тем кто есть
Устало отделиюсь от стаи
Отсталый — скажут — толку в ём
Но и состарюсь я осанной
Расплавлю зимний водоём.

ВАМПИРНОКТЮРН

Тебе не повезло с отцом?
А мне — с дочуркой.

До остановки. И без остановки.
Ты покидаешь кардиопенаты.
Но остаёшься без предлога снова,
Хотя я сердцем говорю: не надо.

ЗЕРКАЛО НАРЦИССА

Я себя нахожу в возносящейся мгле Ренуара:
Та же музыка, те же глаза с поволокой печали.
Пронoshусь сквозь триумф чернobarхатных зонтиков-арок.
И в алеющий вечер мечты окунаюсь плечами.
 Вы узнали меня? В небесах позапрошлого века
 Я собой любовалась, в огромность лазури не веря.
 Сердце слушало щебеты сна, но не слышало эха.
 Лишь два облака летних на веки ложились, как перья.
Крылья грёз набухали полынным чарующим стоном...
На сплетении радужном, пташками рая воспетом,
Солнце сонное, не торопясь, восходило бутонно.
На губах поцелуй тишины млел персидским шербетом.
Это я. Снова я. Акварифмы так льнут к акварелям.
Я рождаюсь из пепла, из липкого лютика сплина.
Там, где звёзды к вершине ночной глубины пригорели,
Васильковая дымка кружит над намёками линий.

SMOKE

В курительной трубке июля,
Где кара и чад содроганий,
И капельки пота священной
Елея подкожности храма
Пройдутся босыми ногами
По телу уснувших вулканов,
И притчею каждого шрама
Коснутся меня небеса.
В курительной трубке заката
Сгорают табачные жесты
Деревьев, танцующих в ритме
Везувия или весталки.
И этот намёк на сиесту
В слепых гамаках отчужденья
Мы медленно так пролистали,
Мы мысленно так подожгли.
В курительной трубке страданий
Не жарче, чем в адовых дебрях.
Но пробковым шлемом так трудно
Виски уберечь от сожженья.
Табачные танцы деревьев.
Вулканы ноздрей возбуждённых.
Всё это старинно, как руны.
Мне жалко, но я не курю.

Переполняется сосуд...
Сосудик, капилляр.

И сердца пепельница —
Феникс ежедневный.
И до цунами
Остаётся капля.
Но отступают воды...
Бог
Переворачивает медленно
Песочные часы,
Наполненные солнцем.
Переполняется сосуд...
Сосудик, капилляр.
И Океан притихший
Чахнет
Во мне.
Чтоб переполнивши,
Средь ночи разбудить.
Чтоб не забыла я часы перевернуть.
Песочные,
Наполненные болью.

Как-то въедливо-щупально,
Как клише или клещ...
Мне безлюдно сочувствовать.
Я — ничейная вещь.
На блошином ли рынке я
Антикварная брошь?
Я — рояль, я — реликвия.
Мне сочувствовать брось!
Все прицелы нацелены
В ожидании «да».
Только всё же бесценна я.
Я — своя навсегда.
Нагулявшейся падали
Каждый миг пруди пруд.
Только надо ли, надо ли?..
Это всё лишний труд.
Чемоданом без ручки я
Не хочу, не хочу!
Бесполезно сочувствовать.
Я — небесна чуть-чуть.

Но только дней этих ушедших
Не повторить.
Вот-вот разойдёмся мы по домам,
По семьям своим,
И больше не будет у нас
Походной семьи».
Но вот и дождями умытый
Знакомый перрон,
Встречающих лица, цветы и улыбки...
Пустеет вагон...
И как это жаль, что кончен маршрут, —
Поймем мы потом.
Конечно же, дома всех нас ждут...
Но дело не в том.

Чем дым костра и чай с дымком
И нет надёжнее опоры,
Чем друга верного рука...
Вот почему мы ходим в горы,
Хоть путь-дорога нелегка.
А если б все прошло спокойно —
Пришлось бы мне чуть-чуть приврать,
Лишь только было б что зимою
Своим друзьям порассказать.

ДОРОГА ДОМОЙ

Ну, вот и закончен наш маршрут —
Мы едем домой.
Увозит, увозит нас на юг
Вагон голубой
А в стеклах вагона ещё отражён
Знакомый пейзаж,
Но то, что вдали скрывается он,
Не трогает нас.
Мы думаем только лишь о том,
Что дома нас ждут.
Мы едем домой, как хорошо,
Что кончен маршрут!
Ах, как надоели нам эти дожди
И мошкара
И перевалы, болота и дым
В тайге у костра.
Давно уж мы проклинали с тобой
Тот день и тот час,
Когда увозил вагон голубой
На север нас,
Не чувствуем плеч мы от рюкзаков,
И трут сапоги...
Ну где же, скажите, у дураков
Были мозги?
А поезд летит в дыму, в пыли,
Качает вагон...
И вот уж степные ковыли
Плывут вдоль окон.
Но в тесном купе — мы вместе и в том
Сомнения нет
И делим мы поровну на всех
Последний обед.
Но вещи уложены в рюкзак
Сегодня с утра —
Ведь ехать уже осталось нам
Часа полтора...
Вдруг кто-то сказал: «А здорово все же
Прошли мы, друзья!
Нам трудно бывало, но были мы вместе,
Как будто семья...»
А кто-то ответил: «Ты прав, конечно,
Что говорить,

Светлана Бурова

ЛИСА-ПРОПОВЕДНИЦА

басня

Плутовка рыжая из рода болтунов
Была в чести у набожных Слонов.
Сумела как-то им внушить Лиса,
Что хорошо познала небеса.
И в том, что очень праведна она,
Уверила Ежа, и Кабана.
Короче, всем красotka от души
На уши понавешала лапши.
Собрав зверей десятка два, Лиса
Такие расточала словеса:
«Кто будет пост всё время соблюдать
И щедро бедным Лисам помогать,
Того в раю ждёт кайф и благодать.
Там вечный май и праздность, и уют.
Там Львы-тузы богатства раздают,
Курятники растут там как грибы,
Смиренны волки, тигры не грубы.
И я давно желанием горю
Пожить, как ангел, в ласковом раю.
Для этого себя я не щажу
И счастьем земным не дорожу,
В трудах все дни и ночи провожу».
И звери, разойдясь, решили дружно,
Что брать пример во всём с Лисицы нужно.
И, переняв её мировоззренье,
Учиться воздержанью и смиренью,
Мечту о райском будущем лелея,
Ни живота, ни силы не жалея.
И скромным быть, как Божия Коровка.
...А в это время рыжая плутовка
Меняла рай на адскую тусовку.
Весь день она жить в строгости учила;
Когда ж погасло яркое светило,
Отведав и наливочки, и сала,
В кругу чертей, как борзый конь, плясала.

А в чём мораль? Да чтоб напомнить миру:
Не доверяйте слепо лежекумиру.

СОБАЧИЙ ХОЛОД

Какой собачий холод на дворе!
А наш народ хронически простужен.
Тепла дождётся разве в январе,
Когда и в мае не уходит стужа.
Затмение солнца — ох, недобрый знак.
Сковал он льдом сердца и батареи.
И впору нам учиться у собак
Выносливее быть и чуть добрее.

ВЫСШИЙ СУД

В борьбе идей расхожи мнения.
Мои примите откровения:
Я не подруга уравниловки,
Я против злых очередей,
От слов пустых меня помилуйте,
От утопических идей.
Талоны, карточки, подачки,
Лазейки тайные на склад,
Товаров импортных заначки,
Вождей ушедших маскарад —
Мы это с вами проходили;
Но жизнь не лучше, как на грех.
Ум перед хитростью бессилён,
А честность вызывает смех.
Какие нынче интересы?
Побольше хапнуть и привет...
Подробности читайте в прессе:
Догонят шустрика иль нет.
Какие нынче идеалы?
Страну и душу продаём.
Величиной валюта стала,
А человек вдруг стал нулём.
Мы господу с сумой убогой.
А наши слуги, кто они?
Пресыщенные недотроги,
Заступники с большой дороги,
Забывшие Отца паны?
Жуть! Демократией привольной
Зовётся этот весь бедлам.
Но революций с нас довольно,
И войн гражданских хватит нам.
Они к добру не приведут,
В крови невинной меркнет слава.
Пусть всех рассудит Высший Суд.
Лишь Бог карать имеет право.

ИСТИНА В ВИНЕ

*И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas» кричат.
А. Блок «Незнакомка»*

На тихой улице открылась вдруг пивная,
Там собирается компания честная.

Всё решено — рюкзак уложен,
Теперь назад дороги нет!
И вот мы лица мажем гадостью
По вечерам и по утрам,
Идем мы целый день под тяжестью
И шлём проклятья комарам.
А через сетку накомарника
Я в сером цвете вижу мир,
И кажется, что все комарики
Слетелись к нам сюда на пир.
Ох, репелленты да накомарники...
А комары нещадно жрут!
Через болота и кустарники
Мы начинаем свой маршрут.
Чем выше в горы — ближе к небу,
Сплошной стеной стоит туман...
Идем по камню и по снегу
На самый первый перевал.
Не разбираю я дороги —
Скорей бы только наверх влезть!
Уже давно промокли ноги,
И очень хочется поесть.
Но в этот день поесть не дали
И утром вновь сказали: «нет»!
Хоть норму мы свою догнали —
Всё съели в следующий обед.
Все перевалы, да перевалы —
То лезешь вверх, то катишь вниз...
Ох, походили мы немало —
Через курум едва плелись.
Ну и послал же Бог погоду —
До нитки мокрые идем.
Мы и ногами месим воду,
И сверху мокнем под дождем.
А на привале разжигаем
Большой костер среди тайги —
И, то ли сушим, то ль сжигаем
Носки, одежду, сапоги...
По колее от вездехода
Мы добрались до Брод-косы
И вот стоим у края «брода» —
Широкой водной полосы.
Промокнуть снова — неохота:
Водичка очень холодна.
И знаем мы без эхолота,
Какая ждет нас глубина.
Но быстро плот соорудили
Из брёвен, что послал сам Бог!
И в миг протоку переплыли,
Не замочив своих сапог...
Преодолев пути-преграды
Я снова убедилась в том,
Что в жизни нет ценней награды,

Не знаю, как можно хоть день так прожить,
Когда ничего-ничего ты от жизни не ждёшь.
А я же люблю по дорогам шагать,
И вот собираюсь в дорогу опять,
Чтоб в жизни на месте ни дня не стоять.
Как много загадок природа хранит!
У этих загадок запоры — гранит.
И здесь человек без труда не возьмет ничего.
А кто-то решил все на свете узнать,
И весь этот мир необъятный объять,
И цель эту в жизни он ставит превыше всего
Но пусть кто-то будет учебник листать,
А я собираюсь в дорогу опять,
Чтоб мира все тайны в дороге узнать.
Другому лишь дай покомандовать властью.
И цель его жизни — безмерная власть.
Отдаст предпочтение не делу, а громким словам.
И пусть он трудиться совсем не привык,
И в жизни трудом ничего не достиг —
Он к цели пробьется своей, даже по головам.
Но пусть он стремится начальником стать,
А я собираюсь в дорогу опять,
Чтоб власти над жизнью чинушам не дать.
В избытке у нас и такой экзemplя:
Квартира его — как салон-антиквар
За тряпку с наклейкой продаст он и мать и отца.
Картины, квартиру, карьеру, гараж,
Посуду и книги он ценит в рублях —
Всё купит. И этим соблазнам не видно конца.
Пусть все дефициты он хочет достать
А я собираюсь в дорогу опять,
Чтоб детям в наследство весь мир передать.
У каждого в жизни есть цель и мечта,
Есть свой перевал и своя высота.
Мы к ней выбираем дорогу одну на всю жизнь.
И хочется так ту дорогу пройти,
Чтоб было что вспомнить нам после пути
И что-то хорошее в жизни своей совершить.
Пусть хочет один дефициты достать,
Другой пусть стремится начальником стать
А я собираюсь в дорогу опять и опять.

ПОХОД НА ХИБИНЫ

Известно всем без исключения —
Бывает отпуск раз в году.
Весь год я мучилась в сомнениях,
Где это время проведу.
Ведь Крым давно уже исхожен
И не охота на Кавказ...
А неизведанный, загадочный
Далекий Север манит нас.
Всё решено — маршрут проложен,
На поезд взят уже билет.

Кому по нраву с градусом водица,
Сюда спешат, чтобы слегка взбодриться.
А если пива станет маловато,
То есть и водка — налетай, ребята!
Вкушайте, не стеснясь, до упаду,
Её навалом в магазине рядом.
А если вы пришли после закрытия
И вам чужда идея чаепития,
Не хнычьте: оправдает все надежды
Бабулька из дежурного подъезда.
По нюху все находят к ней дорогу,
И та всегда приходит на подмогу.
Коль Змий зовёт, то здесь уж не до шуток.
Она ж нальёт в любое время суток.
И если вам неймётся очень-очень,
Откроет двери даже среди ночи.
Но ночь есть ночь, а утро мудренее,
Что, где, почём — с утра оно виднее.
На «промысел» ступайте без опаски,
И вскоре окосеют ваши глазки.
Мужей и жён, и старцев, и подростков
Соблазны ждут на каждом перекрёстке.
Кое-кому шепните, и порядок.
Запретный плод хоть ядовит, но сладок.
А если вы не нищий и не скряга,
Гуляйте прямо до универмага.
Дурманящее зелье есть и в тире,
И в «Спортоварах» есть, и в «Детском мире»,
В кафе «Дюймовочка» и в магазине «Мебель»,
В «Снежинке», «Льдинке» и в «Горячем хлебе»...
Не правда ль, сервис просто поражает?
Что-что, а трезвость нам не угрожает.
«In vino veritas» — мудрейшие слова.
Всё остальное, братцы, трын-трава.

НОВОГОДНЕЕ

Смотрят звёзды, как встарь, с небосклона
И луна золотится, как встарь,
Новый год торжествует у трона,
Новый снег заготовил январь.
Если пристальнее взглядеться
В эти звёздные небеса,
Хоть на время вернуться в детство
И уверовать в чудеса,
Можно стать, и совсем не случайно,
Очевидцами тех чудес.
К вам направится новая тайна
С неразгаданных древних небес.
Новый год на ковре-парашюте
Приземлится под вашим окном.
Только, встретив его, не забудьте
Попросить непременно о том,
Чтобы годом он стал созиданья,

Лишь добра оставил следы,
 Никому не принёс страданья,
 Никому не принёс беды.
 Чтоб уйдя, жил он в памяти ярко,
 Но не эхом прошедших гроз,
 Чтобы смех самым главным подарком
 Преподнёс детворе Дед Мороз.
 Чтобы правда служила народу,
 Не смирилась, уйдя на покой.
 Чтоб расправила плечи природа,
 Стала храмом — не мастерской
 Для бездушных и несмышленных.
 Чтоб не серой, — в пыли и дыму, —
 А красавицей в платье зелёном
 Довелось нам увидеть весну...
 Ну а сбудутся ль эти желанья,
 Уцелеет ли мир наш от бед,
 Кто ответит, кто знает заранее?
 Только Бог, нам дарующий свет.

ПОСЛАНИЕ К РОГОЖИНУ¹

*О, как убийственно мы любим!
 Ф. Тютчев*

Ты любишь меня, как жертву палач.
 От этой любви мне и страшно, и больно.
 Опомнись, встряхнись, одержимый неволью,
 Тобой управляет отпетый лихач.
 Ты любишь меня, как пуля висок,
 Жалеть и беречь не способный уж боле.
 Прикована кармой к тебе поневоле.
 Не много прошу — только воли глоток.
 Но день недалёк, когда сгинет конвой.
 Свет Божий ценя, я отторгнуть сумею
 Угарный подарок твой — камень на шее.
 И мысль о бездарной любви роковой.

ДАРИТЕЛЮ СЮРПРИЗОВ

полусказочное

Посвящается А. Н. О.

О тебе уже можно забыть давно,
 Много дней тебя видом не видано.
 Исчезаешь, как Атлантида, но
 Ты являешься неожиданно.
 Поднимаешься спешно по лесенке
 И с тобой рядом праздник забытый.
 Кто ты? Ухарь-купец ли из песенки?
 Самозванец казак знаменитый?
 Что же тянет к тебе, как магнитом?
 Может, ты Князь Мороз по призыванию?
 Не пугают тебя расстояния,

¹ Герой романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

Земля в огне, пуль и осколков град...
 Так этот берег встретил наш морской десант.
 А к вечеру вдруг разыгрался шторм,
 Над серым морем тучи плыли низко,
 Сверкали молнии, взрывался гром...
 А мы стояли перед обелиском
 В поселке, что зовется Эльтиген.
 Здесь пред врагом никто не преклонил колен.
 Утихло море. Только над волнами
 Навек застыл десантный мотобот...
 Мы этот берег раем называли,
 Но адом был он в сорок третий год!
 Стоит вокруг такая тишина...
 Давно когда-то здесь была война.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Целый день — ну и что ж —
 Льёт без устали дождь...
 Листья в небе кружат,
 Как последние птицы.
 Почему,
 Я опять не пойму —
 В слякоть стынет душа,
 Листья в небе кружат
 И в осенние длинные ночи
 Не спится?..
 Ах, как быстро прошло,
 Ветром вдаль унесло —
 Не догнать, не вернуть
 Нашей юности лета!
 Ну и пусть
 Снегом выбелит грусть...
 Не догнать, не вернуть ...
 Но не жаль мне ни чуть —
 Все ещё впереди, моя песня
 Не спета!
 После зимнего сна
 Снова будет весна —
 Солнце вспыхнет, круша
 Ледяные темницы!
 А пока
 Слезы льют облака
 Капли в лужах дрожат,
 Снова листья кружат...
 Но не долго осталось им в небе
 Кружиться...

ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

У каждого в жизни есть цель и мечта,
 Есть свой перевал и своя высота —
 Без этого жизнь стала б скучной и серой, как дождь.
 И что за охота зря небо коптить!

Валентина Смашная

КОЧЕВНИКИ

Читали мы в учебнике,
Что больше нет кочевников,
Но могут ведь учебники чего-то и не знать...
И нам, друзья, не терпится
Сказать родным: «До скорого!»
На верхней полке «скорого» уехать кочевать
И все пути обжитые
И койку в общежитии
Мы на маршруты дальние готовы променять
Туда, где горы синие,
Туда, где сосны в инее
Где нет дорог асфальтовых, уходим мы опять.
Нас грели ночи звездные,
Встречали зори росные,
Где были мы, что видели — всего не перечесать!
Но в путь стремимся всё же мы:
Не всё ещё исхожено,
Маршруты интересные у нас в запасе есть.
И пусть твердят учебники,
Что больше нет кочевников —
У нас давно уж собраны в дорогу рюкзаки.
Одно лишь знаем твёрдо мы:
Нам будет скучно в городе...
И вновь тропой нехоженой уходят чудаки.

ПАМЯТЬ ЭЛЬТИГЕНА

Мы часто летом к морю приезжали —
Манил нас синих волн водоворот.
Пустынный берег этот звали раем
За то, что здесь мы жили без забот...
Ведь как приятно всё же в летний зной
В прохладу моря окунуться с головой!
Мы забывали обо всем на свете,
Без сожаленья время убивали
Резвились, словно маленькие дети
И о серьёзном думали едва ли...
Но как-то раз у краешка земли
Мы бескозырку старую нашли
И сразу, будто мир перевернулся —
Все стали вдруг серьёзней и взрослей,
Как будто каждый вмиг соприкоснулся
С тем, что храним мы в памяти своей:

Не печалят тебя расставания.
Молвишь слово — и снова молчание.
Исчезаешь всегда неожиданно
И сто лет тебя видом не видано.
Отчего ж, навещая Тавриду,
К сердцу путь не теряешь из виду?
Пусть не завтра и не сегодня,
Но однажды порой новогодней
Вызов бросишь рутине степенной,
Рысачков раздобудешь отменных
И на тройке лихой с бубенцами
Вдруг предстанешь перед очами.
Как сюрприз,
весь из громкого смеха,
В шапке из
королевского меха,
В сапогах
чуть ли не скороходах
И в словах
слаще майского мёда.
Этот миг —
луч во мраке сомненья.
Твой двойник
вновь пришпорит мгновенье,
Улетишь
за моря, за туманы.
Озаришь
и, как прежде, обманешь,
Рассказав
свою сказку искусно,
Где финал
такой грустный-прегрустный.

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС

С момента нашего рожденья
В подарок Книгу нам вручают.
По высшей воле Провиденья
Её Судьбою величают.
Слова в ней невидимки словно.
Их суть хранится небесами;
К ним интерес питая кровный,
Мы за перо берёмся сами.
Соавторство — благое дело,
Хотя и требует усердия.
Работу начиная смело,
Мы всякий раз ломаем перья.
Одна лишь вера помогает
Не разорвать сие творенье.
То за ошибки поругает,
А то прибавит вдруг терпенья.
Мы верим: главное не в прошлом,
Пробьёт наш час волшебной песней
И в звёздном небе полупночном

Взойдёт звезда луны чудесней.
Что ниспошлёт добро и ласку,
Сменив, как листья, гнев на милость,
И повесть превратится в сказку,
И сложится, что не сложилось.
Но жизнь идёт: за строчкой строчка,
И цензор свыше её правит.
И вот пора поставить точку
Иль крест на ней пора поставить.
Иссяк весь творческий запас,
Хотя перо не первой пробы.
Оглянемся, а звёздный час
Давным-давно неслышно пробил.

ОСТРОВ МЕЧТЫ

Куда плыву? Уж за плечами
Немало трудных лет и зим,
Надежд с потухшими очами,
Разуверений горький дым.
А что последует за сим?
Устав от сумрачной печали
И от забот, и от невзгод,
Хочу я к острову причалить,
Где солнце греет, а не жжёт,
И лучезарен небосвод.
Где жизнь проста, нетороплива,
Где дышат мудростью веков
Сплетенья юных облаков,
Где гладит берег без надрыва
Вода — парное молоко.
И на душе легко-легко.

Нам бы тепла самую малость...
Окна открой, милый февраль!
Это зима... Грусть непогоды
Долго ли нас будет кружить?
Это зима... Странность природы,
Временный сон вечной души.
Что же найдем и что потеряем,
Знаешь ли ты, скажи?!
Так ли уж важно, что сохраняем
Мы в тайниках души?
Время самим собой оставаться
В мире ветров и вьюг.
Время решать и время решаться.
Скоро весна, мой друг!

Ну а пока что ж нам осталось?
Снег на ветвях, смутная даль...
Нам бы тепла самую малость...
Окна открой, милый февраль!
Это зима... Грусть непогоды
Долго ли нас будет кружить?
Это зима... Странность природы,
Временный сон вечной души.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТУ

Владимиру Нефедову

Пусть время стихов неумный жар
Слегка приглушило теченьем дней,
Но *свечи бессонниц*, как Музы дар,
Тебя согревают теплом огней.
Величие Рима в твоих стихах
И Девы Марии печальный лик.
И *теплится грифель* в твоих руках,
И рвется из строф молчаливый крик.
Ловя вдохновенья желанный миг,
Познанием жизни гранишь талант.
С тобой говорят на страницах книг
Сократ, Шопенгауэр, Ницше, Кант.
Их мудрое слово в веках звучит,
В стихах прорастая сквозь толщу лет.
И Данте незримой рукой в ночи
Перо направляет твое, поэт.
Бывает, что счет не ведя часам,
Ты ищешь, чтоб с грустью потом терять.
Как трудно бумаге, ты знаешь сам,
И мысли, и чувства свои вверять.
Незримо уходит за годом год
В страну, из которой возврата нет.
Но Муза с тобой по судьбе идет,
Стихов зажигая прекрасный свет.

Белым крылом любовь
 Манит наверх, но вновь
 Падаем вниз, считая круги.
 Не видно ни зги.
 Судьба своенравна порой и капризна,
 Жестока подчас.
 И мы разминутись на празднике жизни
 С тобою не раз.
 Скупость желаний и мыслей смятенье...
 Нам не хватало до встречи с тобой всего лишь мгнове-
 нья.
 И не смогли понять
 Я — тебя, ты — меня.
 И между нами слов пелена,
 Как будто стена.
 Зачем-то друг друга ища неустанно
 В потоке людей,
 Мы рядом с собою вели нежеланных
 Подруг и друзей.
 Слов бесполезность и взглядов случайность...
 Мы по кругам в одиночестве шли, неся за плечами
 Опыт нелегкий наш,
 Счастья пустой мираж.
 Годы под ноги тихо легли
 Следами в пыли.
 Друг друга забыть не сумели с тобою
 Средь встреч и разлук.
 Быть может, ступить суждено нам судьбою
 Не порознь на круг.
 Жизнь неуклонно идет по спирали.
 Будет гитара нам ночь напролет играть пасторали.
 И с пробуждением дня,
 Близким теплом маня,
 Вспыхнет огонь надежды, дразня
 Тебя и меня.
 Станет дороже все то, что имеем,
 Зелень травы еще ярче и свод небес голубее.
 Как из забытых снов,
 Робко вернется вновь
 То, что наверх поманит потом
 Нас белым крылом.

ЭТО ЗИМА

Снова зима подбила итоги
 Года ушедших дней.
 Зимний мой клен застыл у дороги
 На полпути ко мне.
 Лик безучастен сонной природы,
 Холодны звезд глаза.
 Что и зачем сейчас происходит,
 Сможет ли кто сказать?
 Это зима... Что ж нам осталось?
 Снег на ветвях, смутная даль...

Ольга Шапран

* * *

Для всех забот день слишком мал,
 Черт бы их всех побрал!
 Скрыться от них, знать бы куда,
 Хочется иногда.
 Бал правит бес, все для телес,
 А для души — гроши.
 Но разорву замкнутый круг,
 Если ты веришь в меня, мой друг!
 И не понять, как же прогнать
 Мысли дурные прочь.
 Чья в том вина, бродит страна,
 Как по болоту в ночь?!
 Исподтишка слабость и боль
 Сеть замыкают в круг.
 Все же не так мучит недуг,
 Если ты рядом со мной, мой друг!
 Коль для души времени нет,
 То в суматохе дней
 Сделаю так, что соберет
 Дом мой друзей ко мне.
 Выпьем до дна и не нужна
 Грустная тишина,
 Ведь лучше той песенки нет,
 Если мой друг подпевает мне!
 Хоть нам сейчас трудно в пути,
 Все тяжелее кладь,
 Время земной жизнью пройти
 Нам ведь не выбирать.
 А унывать, правду сказать,
 Это великий грех.
 Счастье ль, беда, рядом всегда
 Те, для кого мы дороже всех!

МОЯ ОГРОМНАЯ СТРАНА

В стране огромной царит разлад,
 И руку поднял на брата брат.
 Стихийность рынка — ее удел
 И власть имущих беспредел.
 Стоят заводы, во тьме дома,
 И столько кверху всплыло дерьма.
 С горы, как камень, катимся вниз.
 Страна могучая, очнись!

Пусть ночь ненастна и труден путь,
Наступит завтра когда-нибудь.
Пусть вдаль, как птицы, стремятся дни,
Надежду бережно храни.

Забудет родич, изменит друг,
Узнаешь горечь и боль разлук.
В удачу веря и жизнь любя,
Живи, надеясь на себя.

Здоровья б телу, тепла душе,
Чтоб не споткнуться на вираже
И чтоб увидеть те времена,
Когда придет в себя страна,
Моя огромная страна,
Моя любимая страна...

ТЕБЕ СПИТАТИ ХОЧУ, УКРАЇНО!..

Вітер часу, суворий, жорстокий
Залітає у кожний кут.
Україно, скажи мені, доки
Буде рвати він Криму листок?
Приспів.

Україно, до тебе у мене
Є питання складне і сумне:
Якщо ти моя рідная няня,
То чому ж ти не любиш мене?

Пишуть слуги народу закони,
І в ім'я їх великих ідей
Українсько-російські кордони
Роз'єднали батьків та дітей.

Приспів.

Я була на далекім Алтаї,
І Карелію бачила я.

Я тебе, Україно, питаю,
Що побачить дитина моя?

Приспів.

Смуток твій мою душу бентежить,
Не лишає мене ні на мить.

Ти скажи, що від мене залежить?
Я зроблю, все, що в силах зробити.

Приспів.

ПЕСНЯ ПРО МЕНЯ

Жизнь дана, чтобы раз прошагать нам по ней,
Оттого я люблю и врагов, и друзей.
По дороге своей то плетусь, то бегу
И себя переделать уже не смогу,
Пред собой быть, как я, в бесконечном долгу
Не пожелаю врагу.

Родилась и жила в необъятной стране.
Было это иль только привиделось мне?
Эй вы там наверху! Коль рулить, так всерьез!
Грянул гром, мужики, пробуждайтесь от грез!
Разобрали пути, по которым нас вез
Старенький наш паровоз.

Мне б пораньше уснуть, да мешают стихи.
По утрам беспардонно орут петухи.
Вновь из теплой постели подняться пора,
А сегодня похоже опять на вчера.
И кручу километры в квадрате двора,
Если не в смене с утра.

По утрам вспоминаю тревожные сны,
Жду прихода друзей, как прихода весны.
Об одном лишь прошу, не ропща на удел,
Чтобы тот, кто мне дорог, быть рядом хотел,
Голос старой гитары моей чтоб согрел
Вас среди будничных дел.

Словно белка, кручусь в монотонности дней,
Но в любовь еще верю и в верность друзей.
Миражи потускнели, все меньше маня.
Только память моя, все прилежно храня,
Мне писать помогает, печали гоня,
Песню мою про меня.

В ПОИСКАХ ПЕСНИ

Вот опять под рукой застонала струна,
Вновь струится печаль, как вода через край.
Как холодный апрель, моя Муза грустна.
Коль не в силах помочь, ей грустить не мешай!
Все ищу, но никак не могу я найти
Песню ту, что мне душу согрела б в пути.
Вновь сегодня мне в этом не смогут помочь
Карандаш и бумага, гитара и ночь.

То ли дым, то ль туман застилает глаза.
Где ж огонь, что манил так тревожно вдаль?
Пуст тот угол, где должно висеть образам,
Некрещеной души Бог не слышит молитв.
Что бы в жизни моей ни случилось со мной,
Я у Бога судьбы не просила иной.

Отчего же, как память ушедших тревог,
Одиночества пепел мне на сердце лег?

Я плыву по теченью холодной реки.

Мне бы пристань найти, да круты берега.
Пусть не рядом со мной, ты себя береги,
Чтобы не в чем мне было себя упрекать.
Что-то в этом году запоздала весна.
Разбудила бы душу от зимнего сна!
Может быть, всем невзгодам тогда супротив
Стал бы песни моей веселее б мотив.

ДЕВЯТЬ КРУГОВ АДА

Года от рассвета любви до заката,
Как девять кругов.
А памяти груз, словно горькая плата
За нашу любовь.

Видно не надо нам в жизни покоя.
Все круги ада... Poznali не раз, что это такое.